ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Детектив к зиме

Татьяна Устинова
Галина Романова
Елена Логунова
Алекс Винтер
Александр Рыжов
Евгения Державина
Наталия Антонова

Детектив к зиме

Елена Ивановна Логунова, Евгения Игоревна Державина, Галина Владимировна Романова, Татьяна Витальевна Устинова, Алекс Винтер, Александр Рыжов, Наталия Николаевна Антонова

Аннотация
Коллектив авторов. Детектив к зиме
Елена Логунова. Верный знак
Татьяна Устинова. Все ничего
Галина Романова. Лучший из мужчин
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Наталия Антонова. Наша бабушка пошла вразнос
Евгения Державина. Исповедь снега
  Идеальный план
  Пункт 1: «Знакомство»
  Пункт 2: «Сближение»

Пункт 3: «Визит»
Пункт 4: «Улика»
Пункт 5: «Правда»
Три года спустя
Алекс Винтер. Сжечь страшилу!
Александр Рыжов. Всадник огненный

Аннотация

Зима — это время, когда земля окутывается белоснежным одеялом, а дома наполняются уютом и теплом. Этот сезон ассоциируется с ожиданием чего-то сказочного. «Детектив к зиме» приглашает читателя в мир запутанных тайн и интриг, происходящих на фоне снежного декабря, магического января и загадочного февраля. В сборник вошли захватывающие истории, действие которых идеально вписывается в зимнюю атмосферу. Эти рассказы обещают стать отличными спутниками для долгих вечеров с чашкой горячего шоколада!

Детективный рассказ зимой приобретает особый шарм: на фоне снежных пейзажей и длинных вечеров интриги кажутся более загадочными, а расследования — более увлекательными. Формат рассказа требует от писателя мастерски строить интригу. В этот сборник вошли произведения известных авторов, которые умело вплетают зимние мотивы в свои увлекательные сюжеты. Погрузитесь в снежный мир детектива, открывая

новые грани таланта этих мастеров слова!

Коллектив авторов
Детектив к зиме

Елена Логунова
Верный знак

Будьте внимательны, Лизонька! — говорила профессорша Смирницкая, тряся высоким чубом ослепительной рыжины: на чистую седину хна ложится совершенно роскошно.

Профессоршу звали Леокадией Аркадьевной, злоязыкие студиозусы за глаза окрестили ее Какаду. Задорный рыжий чуб, крупный горбатый нос и походка с подскоком дополнительно оправдывали прозвище.

Прищуриваясь, Лиза видела перед собой большого попугая.

Попугай со вкусом пил чай из фарфоровой чашки с красивым геометрическим узором «Кобальтовая сетка» и с удовольствием вещал:

— Знаки, Лизонька! Они повсюду — символы, сигналы, приметы, признаки, знамения…

Леокадия Аркадьевна была профессором филологии и синонимы могла подбирать бесконечно. У Лизы не хватило терпения дождаться окончания затянувшейся фразы.

— И что? — спросила она.

Получилось невежливо.

Попугай мигнул застекленными круглыми очками глазами и как-то очень буднично закончил:

— И все, Лизонька! Не увидишь, не поймешь, не оценишь верно — конец, афронт, фиаско. Жизнь пойдет не тем путем.

Лиза посмотрела в окно. За ним была Миллионная улица — ныне тихая, сонная, будто и не из престижных центральных. Профессорша жила в старой, еще родительской квартире и в ней же работала, периодически радушно принимая в барских хоромах своих бедных аспирантов с их недоделанными диссертациями. Въедливо правила несовершенные тексты научных работ, безжалостно тыкала младых коллег в их ошибки, а потом великодушно отпаивала чаем.

Чай у профессорши был вкусный и горячий. Лиза выпила две чашки — про запас. На улице стоял мороз, а ей предстояло дойти до метро, доехать до конечной и, пересев на пригородный автобус, трястись на нем до бабкиной деревни.

Бабка Лизы профессоршей не была, барских хором на Миллионной не имела и оставила внучке только деревенский дом на улице с поэтическим названием Заречная. Прошлой весной

Лиза смело вложилась в его реновацию, продав свою студию в спальном районе. Спустя восемь месяцев, потратив почти все деньги и кучу нервов, она могла почти комфортно жить в своем небольшом, но уютном доме в перспективном районе Ленобласти. Жаль, на покупку хоть какой-то машины денег не осталось, и добираться из милого деревенского дома до центра Петербурга приходилось битых три часа. Обратно — так же, и это если не вечером, когда автобус то и дело застревает в пробках.

— Мне пора, Леокадия Аркадьевна, у меня же автобус! — Лиза заторопилась, подскочила, принялась собирать в папку пронумерованные листы, разложенные на дальнем конце огромного стола.

Профессорша вредничала и соглашалась работать только с распечатанными текстами. Отправить ей на вычитку электронную версию не представлялось возможным. Лиза предвидела, что ей еще не раз придется приехать с Заречной на Миллионную.

Так себе удовольствие в морозном декабре.

В детстве Лиза любила последний месяц года, но к своим двадцати пяти полностью утратила веру в новогодние чудеса, а что еще хорошего

есть в декабре, кроме ожидания праздника? Рано темнеет, круглосуточно холодно, под ногами то снежная каша, то ледяные лужи, а в голове одна мысль: «Разве это жизнь?!»

Не то чтобы собственная жизнь ее решительно не устраивала, просто Лизе казалось: она уже довольно давно не живет, а выживает. Преодолевает, справляется, выносит, терпит, выдерживает, противостоит и страдает…

Аспирант-филолог Лиза тоже владела искусством подбирать синонимы.

Только она вышла из теплой парадной на улицу Миллионную, как захотелось отдать что угодно, хоть тот же миллион, которого у нее, впрочем, не имелось, за чудесную возможность мгновенно оказаться на станции метро.

Увы, телепортации на филфаке не учили — пришлось Лизе брести, согнувшись и зажмурившись, против фирменного питерского косого дождя со снегом и ветром, исполняя матросский танец с зонтиком вместо паруса и проклиная погоду и судьбу на всех известных ей языках (русском, старославянском и латыни).

Видимо, это как-то подготовило ее к встрече с тем парнем. В отличие от других добрых граждан, Лиза при его появлении не стала креститься, шеп-

ча непослушными губами: «Свят, свят, свят»... А некоторые так делали, она сама слышала.

Парень вошел на станцию почти одновременно с Лизой. Точнее, сразу за ней, благодарным бормотанием отметив ее любезную помощь: она придержала для него тяжелую дверь. Сделала это машинально и, уже пропуская его мимо себя, удивилась, изумилась, ахнула и диву далась — аж обомлела, одеревенела, окаменела, окостенела и остолбенела.

Парень нес на плече крест.

Спокойно так, с достоинством. Не стонал, не роптал и не сетовал. На охи-ахи остолбеневших и одеревеневших не реагировал, отчего выглядел человеком вполне нормальным (в отличие от окостеневших-обомлевших), земным и занятым простым и понятным делом. Ну, несет он свой крест, и что с того? Целенаправленно несет. Точно знает куда, даже со схемой метро не сверяется. Все у него под контролем.

Так, наверное, подумали и сотрудники метрополитена — препятствовать проезду парня с крестом в метро не стали.

Да у них, наверное, и не было инструкции на такой случай. Вряд ли в правилах написано, что в метро нельзя со своим крестом. Вот если бы он

с гробом приперся…

Лиза машинально оглянулась, проверяя, не идет ли за парнем с крестом парень с гробом. Тому бы точно понадобилось двери придержать… Тьфу, о чем она думает?!

Спохватившись, Лиза заторопилась и даже обогнала парня с крестом на подходе к эскалатору.

Ну да: она же спешила, а он — не очень.

Резонно, кстати. Туда, где уже все под крестами, обычно не особо спешат.

В двери вагона они снова шагнули один за другим: сначала Лиза, потом он. Вернее, они: тот парень и его крест.

Свободных сидячих мест в вечерний час в вагоне, конечно, не было. Нисколько не надеясь, что кто-нибудь ей уступит, Лиза сразу прошла в тупичок, покрепче ухватилась за поручень и уставилась на свое отражение в темном стекле, приготовившись скоротать в его компании ближайшие тридцать минут. Но рядом тут же встал парень с крестом, что едва не обеспечило Лизу косоглазием. Она не хотела этого показывать, но всю дорогу тайком рассматривала их обоих — парня и его крест.

Крест был большой и красивый. Рыжевато-коричневый, гладкий, без единой зазубринки. Его

так и хотелось потрогать, Лиза с трудом удержалась. Мысленно цыкнула на себя: не сметь! Это же не коллективное бревно на субботнике, а крест — очень личная вещь, вот заведешь свой собственный — его и гладь. Хотя — как? Мало кто обзаводится своим крестом еще при жизни.

То есть она сразу поняла, что этот парень — очень особенный. И, конечно же, постаралась его рассмотреть. Но не трогала, даже не собиралась!

Парень был высокий, длинноногий, плечистый. Лицо хорошее, чистое, с правильными чертами. Без бороды.

К кресту, по мнению Лизы, просилась борода. Уж если рассматривать крест как аксессуар и неотъемлемую часть стильного лука… Тьфу, вот опять она думает не о том!

Думать надо было о правках, которые потребовала внести профессорша Смирницкая, нацарапавшая свои бесценные советы и замечания на полях распечатанной рукописи весьма небрежно (как какаду лапой), да еще и в зашифрованном виде. Лиза очень старалась запомнить, что означают сокращенные слова и таинственные знаки попугаячьей письменности, но боялась, что ее девичья память с этой задачей не справится. Поэтому выбросила из головы парня с крестом,

достала из портфеля рукопись и принялась просматривать почеркушки профессорши, пока не забыла, какими комментариями они сопровождались.

Как доехали до конечной — даже не заметила. Неплохо поработала, почти половину рукописи просмотрела.

Строго-настрого наказав себе вторую половину диссера проглядеть в автобусе, Лиза вышла из метро и зашагала к остановке. По счастью, дождь уже закончился, хотя бы матросский танец с зонтиком опять исполнять не пришлось.

Про парня с крестом она уже забыла, а зря. Он снова попался ей на глаза, когда она села в автобус. Ну как — села? Запрыгнула в заднюю дверь уже отъезжающего транспорта, выдохнула — успела! — и ловко ухватилась за поручень над головой. Вовремя: автобус тряхнуло так, что папка с рукописью не удержалась у нее под мышкой, упала на пол, раскрылась — и из нее фонтаном полетели плотно заполненные печатными и рукописными буковками листы многострадальной диссертации.

А безобразно неаккуратный водитель еще не успел закрыть заднюю дверь! И полетели листы, подхваченные сквозняком, не куда-нибудь, а

прямо за борт!

Лиза ахнула, пискнула:

— Остановите! — но, кажется, даже не была услышана.

В отчаянии она бы, пожалуй, выскочила из автобуса вслед за своим беглым диссером, но дверь с издевательским «Пуфф!» закрылась прямо перед ее носом.

Все еще жалобно, как подстреленный зайчик, вереща «Остановите, остановите!», Лиза влипла лицом в стекло и вот тогда-то снова увидела парня с крестом.

Придерживая на плече свою ношу, он наклонился и собирал покрытые буковками листы.

— Погоди ты, не части и не реви, давай по порядку. — Тома не дала Лизе выплакаться в свою жилетку.

Подруге некогда было дожидаться, пока водопад слез иссякнет сам. У бывшей однокурсницы Лизы, ныне учительницы Тамары Викторовны, не было времени на продолжительный сеанс психологической разгрузки. Она еще не все тетрадки с итоговыми декабрьскими сочинениями проверила.

— Проблема в том, что ты потеряла распечатку диссертации с пометками Какаду, так? — Тома не

забыла прозвище колоритной профессорши. — Но какой-то парень те листы подобрал, так?

Лиза согласно икнула, подтверждая сказанное.

— Значит, нужно найти того парня, вот и все, — решила Тома.

— Как? — Лиза снова хныкнула. — Как найти? Ни телефона его, ни адреса я не знаю, да и внешность не очень запомнила.

— А фото нет? Объявление дать…

— Фото есть, но плохое. — Лиза успела всего разочек щелкнуть парня своим смартфоном из отъезжающего автобуса. — Темное, и лица не видно: он как раз наклонился, листы собирал. Так что для объявления у меня информации нет, я только одну особую примету знаю: у него крест!

— Крест — это хорошо. Крест — это мощно, — сказала Тома сначала с сомнением, но от слова к слову набираясь уверенности. — С крестами-то нынче мало кто ходит. Вот если бы при парне был не крест, а самокат, грош цена была бы такой примете. А с крестом, я считаю, вполне можно работать. Так! Не кисни! Включи голову и думай, куда он мог идти с крестом.

— Я уже думала. И даже карту посмотрела, — мрачно ответила Лиза. — Там рядом Пискаревское кладбище. Туда идти искать?

— Тоже вариант. — Тома слегка заколебалась, но полностью уверенность не утратила. Школьные учителя — они такие. Считают, что все знают лучше других. — Но только если ты хорошо запомнила этот крест и сможешь отличить его от других. Тогда прямая тебе дорога на кладбище…

— Да типун тебе, Томка, на язык!

— Я же не в том смысле! Идешь на кладбище, находишь тот самый крест, узнаешь, чья могилка, кто родственники — и выходишь на того парня! Не так уж сложно.

— Ага. — Лиза представила себе, как ходит по кладбищу, пытливо присматриваясь к крестам, и поежилась.

— Ты только не сейчас туда иди, а завтра днем, — наказала ей Тома, видимо, тоже представив себе подлунную прогулку по погосту. — А сейчас выпей чего-нибудь согревающего и спать ложись, все равно сегодня что-то предпринимать уже поздно.

Согревающего Лиза выпила (аж две рюмки) и спать легла, даже задремала, вот только привиделась ей пугающая муть с могилками и крестами. Лиза встала, закуталась поверх пижамы в бабкину шаль, налила себе еще согревающего, на сей раз — просто чаю с липой, и села с чашкой у

окна в кухне.

За ним были тьма, серое рваное небо, блеклая луна в прорехах туч и заснеженные крыши скромных деревенских домов, не облагороженных реновацией и в тесном строю неприятно похожих на ряд могильных холмов.

Она вдруг вспомнила: а под ногтями-то у парня черные каемки были! С чего бы это?

Воображение живо нарисовало проваливающийся могильный холм, падающий с того крест и подхватывающие его руки — с длинными нервными пальцами и черными каемками под ногтями. Холм осыпался внутрь, вслед за руками высунулась голова — луна в прореху тучи высветила бледное безбородое лицо… Лиза зажмурилась и потрясла головой. Чур меня, чур! Не бывает такого.

Длинно и таинственно скрипнув, медленно приоткрылась форточка, из тьмы позвали:

— Лизу-у-унь… А, Лизу-у-у-унь…

Сердце сначала пропустило удар, а потом пустилось вскачь.

Лизунь — так ее только бабка звала. Покойная. Давно уже в могилке лежащая.

Или не лежащая?!

Лиза сделала над собой усилие, открыла глаза

и сдавленно пискнула, увидев на редкой кисее тюлевой занавески бледный блин лица с расширяющимся черным провалом беззубого рта. Стало по-настоящему страшно.

Вот почему у нее креста нет?! Ходила бы всегда со своим…

— Да Лизка, твою тудыть-растудыть, ты оглохла, что ль?! — досадливо выругалась бабка за окном.

Не та бабка! Не покойная.

Лиза с великим облегчением узнала голос вполне живой соседки и подруги своей собственной родной старушки.

— Чего вам, Анна Витальевна? — встав, поинтересовалась она в форточку.

А все еще дико колотящееся сердце рукой придержала, чтобы оно в ту же форточку не выскочило.

— Ну, слава богу, очнулась! Я уж подумала, ты напилась или похуже чего, в десятом часу вечера дрыхнешь, сидя, — проворчала Витальевна и жестом показала — «Выходи, мол, на крыльцо».

Лиза вышла и еще раз поинтересовалась причиной визита.

— Булки будешь? — спросила Витальевна и, не дожидаясь ответа, полезла в сумку у своих ног. А пока шарила в ней, стоя пятой точкой кверху,

как на огородной грядке, пояснила: — У станции пекарня открылась. Совсем новая, еще даже вывески нет, а уже работает, и хлеб там вкусный, и булки, как в детстве — маком сплошь засыпаны, а не как муха покакала. А народ же еще не прознал, к вечеру товар остается, так его после девяти бесплатно раздают, представляешь? Задаром! В наши-то времена!

Она разогнулась и протянула Лизе пухлый бумажный пакет:

— Это с маком и с абрикосовым повидлом. Бери, а то я нахапала дармовщины, а сама ж все не съем. А они завтра в девять опять раздавать будут.

Не дожидаясь слов благодарности, она подхватила свою сумку, повернулась и скрылась в ночи.

— Спасибо! — прокричала во мрак Лиза.

Она открыла пакет и понюхала. Булки пахли вкусно.

«Надо еще чаю с липой заварить».

Подкрепив физические и моральные силы чаем с булками, Лиза задернула занавески, пересела в кресло, откуда не открывались никакие зловещие виды, и позвонила подруге Асе.

— Ты чего это не спишь? — приятно удивилась та ее ночному звонку.

Подруга Ася, тоже бывшая однокурсница, после универа нашла себя в астрологии и теперь не корпела над тетрадками, как Тома, а за неплохие денежки составляла желающим гороскопы и натальные карты. Лиза во все это не верила, а потому общалась с Асей нечасто. Та умудрялась с любой, самой прозаической темы съехать на свое бла-бла-бла про ретроградный Меркурий и что-то там еще, а Лиза затруднялась поддерживать разговор про мистику с фантастикой.

Но сегодня не затруднилась.

— Слышь, Астапова? У меня возник вопрос по твоей части, — сказала она Асе, с громким хлюпом решительно допив свой липовый чай.

— Я знала, что однажды это случится! — пуще прежнего обрадовалась подруга и выразила готовность помочь: — Давай, что за вопрос?

— Жизни и смерти, — вздохнула Лиза. Прозвучало слишком пафосно, пришлось объяснить: — Мне позарез нужно найти одного парня с крестом.

— С каким? С кардинальным, фиксированным или мутабельным? — деловито уточнила составительница натальных карт с университетским образованием. — Ты же знаешь, что крест в гороскопе указывает на области жизни, где человек

может испытывать наибольшие трудности, но также обладает потенциалом для роста и развития…

— Крест не в гороскопе! — перебила ее Лиза.

— А где же еще? — Ася удивилась, но быстро придумала: — А, это у него татушка? Или прям настоящий крест на шее, надеюсь, хотя бы на золотой цепи?

— Не то и не другое. Крест деревянный и не на шее, а на плече. — Лиза вкратце пересказала свою странную историю и попросила: — Скажи мне, что сие может означать? Ведь это же наверняка был какой-то знак, символ, сигнал, примета, признак, знамение… — запоздало вспомнилось предупреждение старой мудрой профессорши.

— А этого парня с крестом видел кто-то еще? Или только ты? — с прежней раздражающей деловитостью уточнила Ася. — Если только ты, то я тебе, Петрова, с уверенностью отвечу, что это был именно знак: надо больше отдыхать, меньше думать о своем несчастном диссере, и тогда ты будешь видеть нормальные, приятные сны…

— Другие его тоже видели, — не дослушала Лиза.

— То есть это был реальный человек с настоящим крестом? А что ж ты тогда мне символизм

тут разводишь, мать? — Ася рассердилась. На что — непонятно. Наверное, на то, что ее тонкие эзотерические материи затронули по недостойному поводу. — Версия первая: парень ехал на кладбище.

— Вот и Томка так сказала, — пробормотала Лиза.

— О, как там Томка-то? Не сбежала еще от своих короедов? — заинтересовалась Ася. — Ладно, после расскажешь. Вторая версия: парень нескромно косплеит Христа. Ну, как может. Ролевики — они ж реально чокнутые, ты ж помнишь нашего Жеку Махова…

— А вот это интересная мысль. — Лиза приободрилась, поблагодарила подругу Асю и сделала себе пометочку на память: узнать побольше про областных ролевиков.

Но сначала все-таки сходить на кладбище. Проверить версию, поступившую первой.

Крестов на кладбище не было.

То есть пару-тройку Лиза увидела, но они были не деревянные. Один мраморный, другой гранитный, а третий из чугунного кружева.

Под кружевным сидела на лавочке, тоже затейливо сплетенной из черных металлических прутьев, маленькая опрятная старушка в цигей-

ковой шубке. Вид у старушки был благостный, окружающей обстановкой она, в отличие от Лизы, не тяготилась и производила впечатление человека, находящегося в гармонии с миром.

Что, надо признать, большая редкость даже в более жизнерадостных мирах за пределами старых кладбищ.

— Кого ищешь, девонька? — добродушно поинтересовалась старушка, устав коситься на Лизу, тщетно высматривающую среди каменных памятников деревянный крест. — Скажи, я тут всех знаю.

Лиза сказала.

— Простой деревянный крест? Что ты, откуда здесь-то? — Старушка выразительно поозиралась. — Это старая часть кладбища, здесь все давно обустроено, простой-то крест обычно лишь на время ставят — на свежую могилку. Памятник же тяжелый, его сразу нельзя, сначала земляной холмик как следует осесть должен, — старушка с удовольствием делилась своими специфическими знаниями.

Лизе не очень-то хотелось их приобретать. Она лишь главное уловила:

— Кресты ставят на новых захоронениях? А как к ним пройти?

— Так это тебе другой вход нужен, прилично ты, девонька, промахнулась. Надо выйти, объехать и уже оттуда зайти, — старушка широкими жестами показала, куда выйти и как обойти, — а по погосту ты не дотопаешь, заблудишься с непривычки.

Лиза вздрогнула, устрашившись перспективы заблудиться на погосте, и поспешила выполнить рекомендации старушки только в той части, которая касалась выхода с кладбища. А объезжать его и внедряться на обширную территорию с другой стороны не стала и пытаться. Здраво рассудила: если бы парню с крестом нужно было туда, он бы вышел на другой станции.

Значит, он ехал не на кладбище, что даже хорошо.

Версия с ролевиком нравилась Лизе много больше.

Жеке Махову она позвонила из кофейни-пекарни. Нашлась такая неподалеку от той автобусной остановки, где Лиза трагически лишилась своей диссертации. Булки там оказались так себе, не чета вчерашним, из новой пекарни, зато было тепло и тихо.

— Что-что тебя интересует, Петрова? — не скрыл удивления бывший однокурсник, услы-

шав ее вопрос. — Где у нас можно поучаствовать в ролевых играх на библейские темы, я не ослышался? А кем ты хочешь быть, я надеюсь, Марией Магдалиной? Дозрела, перестала отгонять парней поганой метлой?

В свое время Лиза как раз Жеку и отогнала. Не нравился ей сутулый очкарик с нездоровой фиксацией на мирах Средиземья и неадекватной самооценкой. Он внешне разве что на Горлума тянул, а норовил играть Арагорна!

Теперь Жека работал в IT-компании, разрабатывающей компьютерные игры, писал сценарии для РПГ, не вылезал из-за компьютера и был вполне доволен своей жизнью на два мира — реальный и виртуальный.

— Ты не поверишь, но теперь я парня ищу, — ответно съязвила Лиза.

И рассказала про искомого парня с крестом.

— Петрова, ты же ученый, а игноришь совершенно очевидные факты, которые никак не укладываются в предполагаемую систему, — выслушав, уязвил ее Жека. — Конечно, библейские темы могут быть основой для множества игр, от настолок до ролевух живого действия. Я даже прямо так, с ходу, могу назвать тебе пару примеров. Есть довольно популярная в определенных

кругах настолка «Библия 20 вопросов», этакая «угадайка» на знание текста. Есть видеоигра «Bible Adventures», там предлагают сразу три истории, основанные на библейских сюжетах: «Ноев ковчег», «Младенец Моисей» и «Давид и Голиаф». И можно запросто придумать LARP с воссозданием библейских событий вроде исхода евреев из Египта или суда Соломона, но…

— Что придумать? — переспросила Лиза, услышав незнакомое слово.

— LARP, Петрова, LARP! Ролевые игры живого действия, господи, как можно не знать, вот же ты темная, дремучая… Но! — Фиксироваться на ее невежестве в вопросах игр спец не стал, однако, как тут же выяснилось, лишь потому, что спешил упрекнуть в отсутствии логики. — Ты подумай, ролевики — они же повернуты на ситуативной точности. А тот парень с крестом, он как экипирован был? Хитон обтрепанный, босые ноги, терновый венец — все это было?

— Нет, только крест, — признала Лиза.

— Так, значит, никакой он не ролевик и никого не косплеил! Тащил себе куда-то крест, вот и все. Может, на кладбище?

— Там я уже искала, — буркнула Лиза и на том закончила разговор с вредным Горлумом, так и

не ставшим благородным Арагорном.

А тот не унялся и прислал вдогонку эсэмэс: «В церквях поспрашивай, это ж их артефакт».

В церковь Лиза в последний раз ходила еще девочкой, с той самой ныне уже покойной бабкой. Старая церковь с тех пор не сильно изменилась, разве что территория вокруг нее сделалась более благоустроенной — с лавочками, деревьями и клумбами, впрочем, сейчас засыпанными снегом. Из снега же был вылеплен довольно большой пузырь-шатер, армированный хвойными ветками. В бело-зеленом снежном шатре уютно горели свечи, снаружи толпились дети. Заглядывали внутрь, показывали пальцами.

Лиза подошла и тоже заглянула.

— Как вам? Хороший же вертеп получился? — спросила ее какая-то девушка.

На ней поверх пуховика был длинный холщовый фартук, на руках толстые шерстяные перчатки, на голове поверх вязаной шапочки — почему-то стеклянная маска для ныряния.

Куда она тут ныряет, Лиза понять затруднилась.

— Вертеп? — повторила она.

Слово-то было знакомое, хотя употреблять его прежде не доводилось.

— Рождественский вертеп. — Девушка локтем мягко подпихнула ее к залитому золотисто-розовым светом проему. — Смотрите, вот младенец Иисус, вот Дева Мария, Иосиф, ангелы, волхвы и животные. Я думала настоящих овечек туда запустить, но батюшка сказал — не надо, за ними же убирать придется, обойдемся фигурками.

— А крест есть? — Лиза сунулась глубже в проем.

— Ну, крест-то сейчас зачем? — удивилась девушка. — Рождество же!

— Я, знаете, просто видела вчера тут поблизости молодого человека, он нес большой крест, — объяснила Лиза. — Я и подумала — это он в церковь идет.

— Ну, я не знаю, — усомнилась девушка. — Была бы Страстная неделя, тогда, может, имело бы смысл поставить бутафорский крест, хотя я не уверена, надо батюшку спросить…

— Почему бутафорский? — Лиза ухватилась за слово.

— А какой же еще? — Девушка будто удивилась. — Настоящий-то деревянный, знаете, какой тяжелый будет! На плече не унесешь.

— Бутафорский! — Лиза задумалась, окидывая мысленным взором внезапно открывшиеся

перспективы. — А где может быть нужен бутафорский крест?

Это она саму себя риторически спросила, но девушка решила, что вопрос адресован ей.

— В спектакле каком-нибудь, — ответила она и вынула из карманов молоток и зубило.

Когда Лиза уходила, девушка, закрыв глаза маской для ныряния, ловко выбивала в слежавшемся снегу шатра-вертепа узор. Получалось красиво.

— Ленка, скажи мне, как специалист, в каком спектакле нужен большой бутафорский крест?

Подруга Лена, тоже бывшая однокурсница, после универа устроилась в театр и заведовала там литчастью.

— Ну, первое, что на ум приходит — рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда», — моментально, как на экзамене, ответила подруга. В студенческие годы она была вечной отличницей. — Там крест используется в финальной сцене распятия. Еще «Страсти Христовы» — там он нужен в эпизодах, связанных с Крестным путем, а в «Камо грядеши?» по роману Сенкевича — в сценах гонений на христиан. Вообще, конечно, декорации от конкретной инсценировки зависят, но большой крест может понадобиться и в «Царе Иудейском», и в «Мастере и Маргарите», и в «Фаусте», и в

«Каменном госте», и в некоторых адаптациях «Гамлета» — как символ смерти и искупления, и в экспериментальных постановках на тему «Божественной комедии»… А тебя что-то конкретное интересует?

— Да. — Лиза постаралась максимально упростить запрос. — Меня интересует малобюджетная постановка, которая может идти у нас в пригороде в предновогодние дни.

Про малобюджетную она сказала потому, что резонно рассудила: декорации для дорогих спектаклей в метро не возят.

— Хм… Обычно в таких постановках преобладают светлые, праздничные мотивы… — Лена задумалась, но молчала недолго. — Хотя — да, есть несколько сценариев, где крест вполне может появиться. Во-первых, это рождественские мистерии: в некоторых традиционных версиях показывают не только рождение Христа, но и пророчества о его будущей судьбе. Потом «Щелкунчик» в христианской интерпретации — если постановка акцентирует библейские параллели. Наконец, какая-нибудь «Рождественская сказка» с мрачным подтекстом — например, по мотивам «Девочки со спичками» Андерсена, там крест может быть частью визуальной метафоры… А

почему ты спрашиваешь-то? — спохватилась подруга.

Пришлось и ей рассказать предысторию.

— Да, Петрова, умеешь ты отличиться, — похихикала Лена. — Под Новый год все подарки ищут, а ты — какого-то парня с крестом. Хотя… Знаешь старый анекдот? «Какой лучший подарок для двадцатилетнего юноши? — Двадцатилетняя девушка!» Может, это как раз твой случай? Хотя тебе уже двадцать четыре…

— Тебе смешно, а я должна решить такую проблему…

— Ага, это буквально твой крест! — Подруга заторопилась: — Все, Петрова, я побежала, мне пора: у меня сейчас будет читка пьесы.

У Лизы тоже в тот день до поздней ночи была читка, но не пьесы, а статей в Интернете. Сначала она выясняла, где именно в окрестностях находятся сценические площадки, на которых может готовиться представление с крестом. Как оказалось, таких немало, зря некоторые у нас жалуются, что в области с культурой дело плохо. Лиза нарисовала на карте, скачанной в Интернете и распечатанной на домашнем принтере, больше дюжины кружочков.

Потом по каждому пришлось добывать допол-

нительную информацию, что было трудно и утомительно. Зря некоторые у нас пренебрегают Интернетом: распространяют информацию из уст в уста и посредством самодельных афиш.

И все-таки Лиза нашла кое-что подходящее. В районном Доме культуры творческая студия ставила новогоднюю комедию-гротеск, часть действия которой происходила в заброшенной церкви.

Осталось придумать, как выяснить, туда ли парень с крестом тащил свою ношу. Дожидаться премьеры и идти на представление по билету Лиза не могла, не было у нее столько времени. Решила сказаться журналисткой — благо сохранила удостоверение корреспондента университетской газеты — и проникнуть на сценическую площадку под предлогом подготовки репортажа о предстоящих новогодних мероприятиях.

Отвалилась от компьютера, бухнулась в постель и сразу уснула.

«Ох-ох, крест мой тяжкий»…

Разбудил ее громкий писк эсэмэски. Профессорша Какаду написала: «Жду вас, Лизонька, как всегда». Вопросительный знак в конце предложения не поставила — значит, не спросила, а уведомила.

А был уже одиннадцатый час дня! И Лиза мало того что безобразно проспала, так еще и забыла предупредить профессоршу, что не появится у нее «как обычно». Какое «как обычно», когда она не только не внесла очередные правки, но и потеряла рукопись с пометками!

Текст-то можно было распечатать заново, это проблемы не представляло. Но правки, многочисленные правки! Не вернув ту самую, беспощадно исчерканную въедливой профессоршей рукопись, Лизе придется слезно молить Какаду повторить всю проделанную работу. Ужасно не хотелось.

Сказаться больной и отменить сегодняшнюю встречу в надежде, что получится отыскать потерянную рукопись? Но Какаду такая вредная. Гоняйся за ней потом в попытке согласовать новый визит…

Кажется, оставался только один выход: метнуться в районный Дом культуры, прорваться в закулисье готовящейся постановки, найти там незабываемый крест, узнать, кто его доставил, связаться с этим, хочется надеяться, добрым человеком и вернуть себе рукопись… Если он ее не выбросил. И если это он нес крест. И если тот крест действительно в Доме культуры. Если,

если, если…

Все висело на волоске.

Лиза спешно привела себя в порядок, выхлебала, обжигаясь, горячий кофе и выбежала к вызванному такси. Не тот случай, чтобы экономить деньги: время дороже!

Врать, называясь газетным корреспондентом, не пришлось. В длинном узком фойе, очень похожем на казарменное помещение — не хватало только пары рядов аккуратно заправленных железных коек, — ее никто не встретил. Некому было воспрепятствовать появлению самозваной журналистки.

Слегка обескураженная этим Лиза несколько опасливо прошлась по фойе, поглядывая на украшающие стены детские рисунки в рамочках. Судя по тому, что развешаны те были хаотично, а не аккуратной вереницей, произведения начинающих художников маскировали дефекты штукатурки. В сочетании с отсутствием какого-либо персонала и скудным освещением — горела только одна лампочка над лестницей, ведущей в подвал, — это наводило на вполне определенные мысли.

«Точно, верно, несомненно и наверняка — постановка крайне малобюджетная!»

Лиза спустилась на пару ступенек по слабо освещенной лестнице и увидела гардероб. Там тоже никого не было, но на призыв «Ау, есть кто-нибудь живой?» через минуту-другую к ней в черепашьем темпе выдвинулся сутулый дедушка в вязаной жилетке поверх флисового спортивного костюма. Перемещался он так медленно, что нетерпеливая Лиза ушла бы, даже не узнав о его присутствии в гардеробных далях. По счастью, об относительно скором появлении дедушки оповещали зашевелившиеся на вешалках одежды.

— Сумки не принимаем, за содержимое карманов ответственности не несем, — едва вынырнув к Лизе, предупредил дедушка и отработанным движением протянул руки, готовясь принять ее пальто.

— И это прекрасно! — невпопад, но с искренним чувством ответила она, радуясь, главным образом, возможности задать кому-то свой вопрос: — Скажите, пожалуйста, где тут готовится постановка новогодней комедии?

— Трагикомедии, сказал бы я, да кого интересует мое мнение, — меланхолично ответил дедушка. — Там смех и слезы… Пальто сдаете, нет? — И, уяснив, что тут не имеется для него работы, развернулся и побрел восвояси.

Затихающее колыхание одежд на вешалках сопроводило его уход.

— Зал на втором этаже! — донесся до Лизы голос, приглушенный слоями плотных тканей, — и она вновь осталась в одиночестве.

И на второй этаж, и в зал она тоже проникла совершенно беспрепятственно.

В зале было темно и пусто, сцену освещал одинокий софит. Лиза на цыпочках — каблуки слишком громко цокали — подобралась поближе и рассмотрела декорации. Те, как и ожидалось, были скудными.

На заднике были нарисованы стрельчатые арки. Сверху на веревочке свисал гимнастический обруч с наклеенной на него прозрачной пленкой. Та была старательно раскрашена а-ля витраж — Лиза предположила, что это окно-роза, характерное для готической архитектуры.

Креста на сцене не было.

— А где крест?! — возмутилась Лиза.

Получилось слишком громко.

— Ах, боже мой, да сколько можно! — Из кресла в первом ряду поднялся, разгибаясь и воздевая руки, тощий человек в черном. Он вцепился себе в волосы, картинно вздыбив их, передразнил противным голосом: — «Где крест, где крест?» На

кладбище крест!

Лиза удержалась и не сообщила, что там она уже искала.

— Центральная часть готического собора, чтоб вы знали, девушка, сама по себе всегда имеет вид креста, — замученным голосом сообщил человек в черном, выделив слово «девушка» так, что оно прозвучало презрительно. — И если вы соблаговолите посмотреть наверх, то увидите там витражный круг, называющийся «роза». Проекция его находится на полу и создает соединение креста и розы…

— А настоящий-то крест где? — не выдержала и прервала назревающую лекцию Лиза.

— Дался вам всем этот настоящий крест! — Страдалец всплеснул руками. — Где, где… Прости, Господи, что скажешь… — Он размашисто перекрестился, выдохнул, секунду постоял с закрытыми глазами, потом разлепил ресницы и уже деловито спросил: — Вы кто и что вам нужно?

— Раз у вас нет креста — ничего! — так же деловито ответила Лиза, развернулась и, громко стуча каблуками, пошла к выходу из зала.

Оборвалась последняя ниточка.

К профессорше Смирницкой она явилась с тортиком. И с повинной:

— Леокадия Аркадьевна, простите меня, я такая растяпа! — призналась прямо с порога.

— Растяпа? — Профессорша приподняла насурмленные брови.

— Разиня, растеряха, раззява, ротозейка!

— Прекрасно, деточка, прекрасно. — Профессорша благосклонно покивала.

— Да ничего прекрасного, — повесила голову Лиза. — Я потеряла рукопись с вашими последними правками. Знаете, это была такая странная история…

— И я хочу услышать ее целиком, — перебила профессорша и зашагала в кухню.

Чай был уже заварен. Лиза получила полную чашку и чуть не расплакалась от облегчения.

Она-то думала, Какаду ее заклюет!

Профессорша дождалась, пока Лиза пригубит чай, подвинула к ней блюдце с куском торта и поморгала круглыми глазами: мол, я жду!

— Тот парень вошел на станцию метро одновременно со мной… — начала Лиза.

Профессоршу история восхитила.

— Как интересно! Увлекательно, занимательно, познавательно! — восторгалась она. — Как бы мне хотелось это увидеть!

— Это можно, — кисло улыбнулась Лиза. — У

меня есть фото, правда, качество неважное.

— Я бы даже сказала плохое, скверное, ужасное, — согласилась профессорша, взглянув на смартфон аспирантки. — Но, может статься, дело поправимое. Прошу за мной!

Она подскочила со стула и резво зашагала туда, где Лиза еще не бывала.

Незнакомое помещение оказалось кабинетом. Просторным, светлым и прекрасно оснащенным! Лиза с завистливым удивлением оглядела огромный монитор современного компьютера и с трудом удержалась от нехорошего слова. Вот же старая… птица-говорун! Требует предоставлять ей рукописи в распечатанном виде и черкает их карандашом, а у самой тут такое оборудование — профессиональный книжный редактор позавидует!

— Давайте-ка ваше фото. — Профессорша привычно устроилась за компьютером. — Да не в смартфоне, пришлите мне файл… Ага… Прекрасно, чудесно, замечательно, великолепно… И вуаля! — Она победно кивнула на монитор.

На экране размером со стол для пинг-понга фотография смотрелась иначе, чем на небольшом дисплее смартфона. Лица парня по-прежнему было не разглядеть, но собственно крест стал

виден неплохо, да и фон проявился. Если раньше единственным светлым пятном на снимке была пачка подобранных парнем листов разнесчастной диссертации, то теперь стала видна и серая стена остановки на заднем плане.

— М-да… Вижу, дело плохо, — приблизив лицо к монитору и повертев головой направо-налево, заключила профессорша. Жалостливо глянула на Лизу и спросила неожиданное: — Район там не особо благополучный, правильно я понимаю?

— Да почему же? Район как район. Не элитный, конечно, но не хуже других…

— Я сделала свое предположение на основании этого граффити. — Профессорша указала на правый верхний угол монитора и откатилась в своем кресле на колесиках от стола, чтобы уступить место Лизе. — Вы видите?

Теперь Лиза видела.

Позади парня с его крестом и ее диссертацией на фоне серой стены темнели буквы. Их было две, и они складывались в непечатное слово, обычно являющееся частью распространенного нецензурного выражения, крайне неуважительно упоминающего чью-то матушку.

— Ой, — пискнула Лиза и покраснела.

— Спокойно, деточка. — Профессорша подъе-

хала к столу и, ловко щелкнув мышкой, убрала с экрана фото с матерной надписью. — Как говорила великая Ахматова, для нас, филологов, нет запретных слов. Но теперь я понимаю ход ваших мыслей и поисков…

Она развернулась в кресле, задумчиво посмотрела на Лизу, пробормотала: «Да вы присядьте, присядьте…» и потерла подбородок.

Лиза послушно опустилась на большой диван, очертаниями и гладкостью толстой кожи похожий на холеного бегемота.

— Не имея зацепок для поиска собственно парня, вы попытались найти его крест, это резонно. — Профессорша устремила взор в потолок. Похожая на ледяную скульптуру люстра вопросительно тренькнула хрустальными подвесками. — Однако вы слишком сузили направление поиска. Бесспорно, бутафорский крест — довольно специфический реквизит, но его можно неожиданно и эффектно использовать в самых разных светских мероприятиях и заведениях, если проявить креативность. Вот вам лишь несколько идей: во-первых, квесты, особенно в тематике «Проклятый монастырь», «Тайны Средневековья» или «Реликвии тамплиеров».

Лиза изумленно моргнула: профессорша ее се-

годня удивляла. Казалось бы, замшелая старуха…

— А вы думали, я замшелая старуха? — Профессорша будто подслушала ее мысли и проказливо захихикала. — А у меня внуки и правнуки! А у внуков и правнуков свои излюбленные развлечения, к которым иногда привлекают бабку — или хотя бы рассказывают о них. Дальше: иммерсивные шоу! Крест может быть частью мистического ритуала или артефактом, который нужно «спасти», а также элементом охоты на вампиров.

Лиза снова моргнула.

— Помимо внуков и правнуков у меня есть любимые ученики, нашедшие применение своим талантам в сфере компьютерных игр, — не дожидаясь вопроса, пояснила профессорша.

Стало понятно, кому обязан своими творческими успехами хитрый Горлум Жека Махов.

— Далее: тематические вечеринки и ивенты, — продолжила удивительная старуха. — На готическом фестивале или имитации рыцарского турнира крест может быть частью общего антуража. Еще арт-пространства, инсталляции, концерты групп в жанре готик метал или индастриал… Что? Да, мне нравится Мэрилин Мэнсон! — Профессорша дерзко тряхнула чубом. — Наконец не забывайте про съемки клипов

— особенно в жанрах готика, фэнтези или хоррор, а также специфические подкасты и стримы, где нужен мрачный фон для обсуждения мистических тем.

— Я поняла. — Лиза подняла руку, останавливая поток профессорского сознания.

— Тематические бары! — не умолкала та. — Есть тут у нас неподалеку один такой, «Кладбищенский коктейль» называется.

— Я поняла, мне никогда…

— Корпоративы и тимбилдинги! — перебила ее профессорша. — К примеру, игра на сплочение команды «Крестоносцы и поиск святого Грааля»!

— Я поняла, мне никогда не найти этот крест! — скороговоркой выпалила утомленная бесконечным разнообразием вариантов Лиза.

— Полагаю, что так, — согласилась с ней профессорша и тут же подняла палец. — Но! Вы же можете начать не с конца, а с начала!

Теперь уже Лиза вопросительно поморгала.

— Конец пути креста — та точка, где он в том или ином качестве работает, — объяснила профессорша. — А это слишком широкий разброс, как мы с вами только что установили. Но у пути креста есть начало, вы понимаете? То место, где его сделали.

— Какая-то художественная мастерская! — сообразила Лиза. Обрадовалась, но тут же сникла: — Представьте, сколько их в Питере…

— Много, — кивнула профессорша. — Даже у нас во дворе одна такая есть, правда, там занимаются только вывесками и прочей наружной рекламой, а я как-то хотела сделать большой портрет кота… впрочем, это не важно. Елизавета Владимировна! Вы что же, реветь надумали?

— Я никогда… никогда… не найду его… — Лиза плаксиво скривилась.

— И что? — Профессорша подняла брови выше очков. — Мы его распечатаем заново, пометки восстановим и правки внесем, подумаешь, потратим на это еще немного времени. Вы же не против провести со старухой пару лишних вечеров?

Она подмигнула, и Лиза снова чуть не расплакалась, растрогавшись. И не призналась, что искала парня не только из-за диссера, а еще и потому, что он ей понравился.

— А поиски парня с крестом… Считайте, что это ваш персональный квест, — сказала профессорша. — Интеллектуальная игра, которой вы можете развлекать себя сколь угодно долго… Но непременно расскажете мне, чем она закончится!

Потом они все-таки распечатали несчастный диссер и сели работать. И все то время, пока профессорша без устали черкала листы, Лиза думала не о диссертации, а об этом своем интеллектуальном квесте.

В Питере, наверное, сотни художественных мастерских, но можно не трогать весь город. Достаточно охватить ту его часть, которая в пешей доступности от станции метро, где они встретились — Лиза и парень с крестом…

И вдруг она поняла! Отдельные детали сложились в пазл с отчетливой, ясной, понятной картинкой!

— Леокадия Аркадьевна, я выйду на минуточку?

Ей не терпелось проверить возникшую версию.

Уже стемнело, во дворе Лиза пару раз споткнулась и едва не растянулась на заледеневшей луже. По части красоты и удобства старые питерские дворы — полная противоположность парадным фасадам.

Дверь мастерской под вывеской «Арсений и Ко» была заперта, но за окнами горел свет, а в открытую форточку вырывались звуки и запахи: шумел какой-то прибор, тянуло клеем и краской.

Запинаясь и оскальзываясь, Лиза подобралась поближе к окну и заглянула в просвет, образованный погнувшимися планками жалюзи.

Увидела лишь угол, точнее, часть пола, но этого оказалось достаточно.

На просторном лоскуте полиэтиленовой пленки остались отчетливые следы краски, выпущенной из пульверизатора.

Краска была коричневая, и покрывали ею, судя по сохранившемуся контуру, большой крест.

Помолвку праздновали в булочной-пекарне. Выбор места никого не удивил. Состав гостей — тоже.

Правда, Тома, Ася, Жека и Лена поначалу слегка робели перед своей университетской профессоршей, но Какаду в неформальной обстановке была добродушна, хотя и отчитывала бывших студентов:

— Эх, вы, филологи! Ну ладно я — старуха, мозги закостеневшие, но вы-то должны были сообразить, что это не крест, а буква «Х»!

— Лизка и сообразила, — ревниво напомнила бабка Витальевна.

На профессоршу она посматривала с подозрением, защищала от нее «деток» и все подкладывала им свежие пирожки.

— Так Петрова же у нас самая умная! Целый аспирант! — ехидно похвалил Лизу Жека, ревнуя к ней свою профессоршу. — Без пяти минут кандидат филологических наук!

— А вот скажи нам, кандидат, — Ася подперла щеку ладошкой, — как же ты догадалась, что это была буква «Х»?

Лиза переглянулась с Какаду. Та хихикнула и закрылась широким рукавом белой блузки, как крылышком.

— По двум другим буквам, — ответила Лиза. — Они стояли рядом — «е» и «б»…

— Конечно, это могло быть и самостоятельное слово, — вмешалась профессорша и снова процитировала коллегу Ахматову.

— Но эти буквы были строчные, а самостоятельное слово должно начинаться с прописной, — продолжила Лиза. — И я подумала: какое же именно слово? И придумала только одно. Хлеб! И вспомнила, что мне сказала Анна Витальевна. — Она кивнула бабке, и та приосанилась. — У станции, мол, открылась новая пекарня, у которой еще даже вывески нет.

— Кто ж мог подумать, что буквы для вывески повезут в метро, — пробормотала Лена, уязвленная упреками профессорши больше других.

Привыкла же быть отличницей.

— Да просто у нас в тот день машина сломалась, а буквы нужно было доставить на место срочно, мы и так с монтажом затянули, — виновато объяснил Арсений, и Лиза погладила его по руке: все ведь хорошо, дорогой. Даже прекрасно, отлично, чудесно и замечательно! — И мы разделились: мне самую большую букву — заглавную, Семену — две строчных, Верке — одну, она же девушка.

Семен и Верка, компаньоны Арсения, синхронно помахали надкушенными пирожками.

— Доехали до конечной на метро, на уходящий автобус не успели, остались ждать следующего. А Лиза — шустрая — в отъезжающий запрыгнула… Ну, дальше вы знаете. — Арсений впился зубами в пышный пирожок.

— А я говорила! — воздела указательный палец профессорша. — Будьте внимательнее: повсюду знаки, символы, сигналы, приметы, признаки, знамения…

— Заметишь — и жизнь пойдет другим путем! — довольным тоном договорила за нее Лиза.

Татьяна Устинова
Все ничего

Когда же это кончится, а? Вот это все, что называется «русской зимой»! Нет-нет, «московской зимой»! Русская, где-нибудь в Суздале или Архангельске, вовсе не плоха и вполне прекрасна: белые сугробы, синие тени, дома, утонувшие в чистом снегу по резные наличники, скрип валенок по проселку, галка на березе, веселые голоса, далеко слышные в морозном воздухе!

«Московская зима» — это прежде всего грязь. Грязь кругом — на тротуарах, на проезжей части, на машинах, на сапогах, на полах пальто, на собачьих лапах. «Московская зима» — это темнота. Темнота с утра до ночи, не помогают никакие фонари и веселые огоньки, которыми украшают столицу к празднику. То есть в том конкретном месте, где огоньки навешаны, еще туда-сюда, только за угол завернешь — тьма, грязь и за углом горит одинокий фонарь. Все куда-то переводили время, все чего-то подсчитывали, как именно им распорядиться, временем, и распорядились так, что темно с утра до ночи.

«Московской зимой» никогда и никуда нельзя ходить, можно только ездить — на метро, на троллейбусе, изредка на машине, но это не для слабонервных. Потратить на дорогу до дома два с половиной часа может себе позволить только индивидуум с очень крепкой нервной системой. Слабакам вроде меня не рекомендуется категорически.

И еще почему-то в памяти таких, как я, то есть тех, кому «за сорок», насмерть засели лыжные прогулки. Послушайте, мы же в школе катались на лыжах в соседнем парке, а по выходным ходили с родителями «в походы», довольно далеко, километров по десять, и собака с нами ходила, и папа тащил небольшой рюкзачок с термосом и теплыми носками, если вдруг промочишь ноги в ручье — нужно было перебраться через ручей, чтобы дойти до леса и «хорошей лыжни»!

Зимой полагается ходить на лыжах!..

Женька, муж, просто замучил меня этими лыжами. Пойдем, и все тут!

Куда?! Куда мы пойдем?! На месте лесочка, где всегда катались, теперь проходит скоростная трасса. Трасса одним концом упирается в ворота предприятия, там летом проходит авиасалон, а другим — в поле. То есть по ней можно скорост-

ным образом ездить от ворот до поля. Деньги были освоены, асфальт положен, фонари воткнуты, но лесочка-то нет, свели! Где кататься?!

Да ладно тебе, найдем. У нас из окна видно речушку. Она, конечно, вся тоже освоена местными жителями и их чадами, то есть завалена мусором, пакетами, бумажками, бутылками, банками из-под пива, но зимой все же замерзает и между пакетами, банками и ошметками проложена лыжня. Если не смотреть по сторонам, а строго под ноги, можно кататься.

Хорошо, а что надевать? У меня ничего нет для лыжных прогулок! У меня и в детстве ничего не было, и я помню эти мучения — под тренировочные штаны обязательно нужно было поднадеть для тепла колготки, но не новые же, новые колготки — жуткий дефицит, а старые, порванные, страшно натирали кожу там, где дырки. И куртки у меня не было подходящей, яркой, спортивной, и приходилось надевать длинную, унылую, и в шапке, связанной бабушкой, всегда было невыносимо жарко, и белый свитер так и остался в мечтах, какой там белый свитер!..

Но отвязаться от моего мужа, если уж он что-то вбил себе в голову, нет никакой возможности! Он будет зудеть, пока не заорешь нечеловеческим

голосом: хорошо, черт с тобой, сейчас пойдем на лыжах!..

Перевалив через курганы мусора, мы все же выбрались на некое подобие лыжни и пошли. Я — мрачно сопя. Муж мой — как бы «резвяся и играя».

Постепенно я стала подмерзать и пошла быстрее, а потом уж почувствовала себя Турой Бергер, и чувствовала довольно долго, минут пять-семь, и так прекрасно мне было — лыжи катились, солнышко светило, из мусора мы выбрались, ветер был холодный и крепкий, и нам весело было думать, что вот мы катаемся на лыжах зимой, так и должно быть, в детстве так было, и сейчас так!

…Нет и не будет у нас с вами, ребята, никаких идеальных условий, вот что. Нам всем очень трудно жить — по разным причинам. У кого-то родители болеют, у кого-то дети лентяи, у кого начальник хам, кому зарплату урезали, а кто на скоростной трассе живет. И если все время об этом думать, можно с ума сойти.

А если закрыть глаза на неглаженое белье и кучи мусора вдоль речки, разыскать в шкафу старые брюки, достать с балкона лыжи и пойти, может оказаться, что все ничего. Ничего, ничего.

Еще не все потеряно. Пока зима не кончилась и

можно еще разочек сходить на лыжах!..

Галина Романова
Лучший из мужчин

Глава 1

— Что там случилось, что?..

— Убили кого-то, что ли…

— И ничего не убили, он сам спрыгнул…

Лева, лениво перекатывая во рту жвачку, хмуро осмотрел толпу зевак, собравшуюся у подъезда. Несколько теток: кто в панаме, кто в косынке. Два пожилых мужика. Они стояли в сторонке. Один зажимал под мышкой шахматную доску. Игроки, значит.

Лева осмотрел двор. На одной скамейке, той, что чуть дальше и левее подъезда, лежала газетка. Стало быть, мужики играли в шахматы именно там. Могли что-то видеть.

«Надо опросить», — без особого энтузиазма подумал Лева.

Еще один молодой мужчина, что пристроился к зевакам, свидетелем быть не мог. Он шел откуда-то со стороны соседнего дома. Увидев тело, накрытое тканью, сильно побледнел и поспешил удалиться.

«Впечатлительный», — посмотрел вслед ему Лева.

— Граждане, минуточку внимания, — наконец

подал он голос. — Не расходимся. Идемте за мной во-он к той скамейке с газеткой. Поговорим. Только не все сразу. По очереди.

Лева оглядел нахохлившихся граждан. Понятно. Как охать и ахать, все горазды. Как на вопросы ответить — в отказ. Он точно заметил, как просквозила вдоль кустов одна тетя в панаме. И запомнил ее красные кроссовки, красную объемную сумку и нелепые большие очки с темными стеклами.

— Идемте, граждане. Тут вам больше делать нечего, — Лева кивком указал на подъехавшую машину скорой, из которой выбрались два санитара. — Становимся в очередь…

— …Удалось выяснить, что погибший в доме не проживал. Но часто заходил в подъезд, возле которого было обнаружено тело, — докладывал Лева двумя часами позже начальству. — Поквартирный опрос ничего не дал. Его никто не опознал. Выходит, что погибший либо ни к кому не заходил, либо тот, кого он навещал, молчит или говорит неправду.

— Что значит ни к кому?! — возмутился начальник. — А зачем он в подъезд заходил время от времени? На крыше покурить?

— В точку, товарищ полковник, — улыбнулся

Лева, удивляясь стопроцентной проницательности руководителя. — На крыше были обнаружены следы его пребывания. Ни окурков, ни телефона или документов. Ни на крыше, ни при погибшем. Но остатки еды, мусор из кофейных стаканчиков, пустые контейнеры — все имеет его ДНК. И самое главное: все отходы датируются разным временем. И по экспертизе, и по маркировке на некоторых упаковках с быстрой едой. Установить место покупки не удалось. Но совершенно точно можно сказать, что погибший проводил на крыше какое-то время несколько раз в неделю.

— И что он там делал?! — возмутился полковник. — Не обедать же лазил! Какие-то версии имеются?

— Так точно, товарищ полковник. Предполагаю, что погибший с крыши вел за кем-то наблюдение, — озвучил сумасшедшую идею Лева.

Ну а что! Если больше вообще ничего в голову не лезет.

Погибшего никто из жильцов подъезда не знал. Ни к кому он в гости не ходил. Не мог незаметно прокрадываться: кто-то бы его да заметил. Но никто не заметил. И не признал в нем своего знакомого.

Полковник, подумав, кивнул. Но тут же снова задался вопросом:

— А что там напротив? Что за объект? За кем можно наблюдать?

И тут Лева сразу поскучнел. Напротив крыши не было ничего такого. Просто точно такой же жилой дом. Многоэтажка с большими окнами. Это, пожалуй, единственное, что отличало дом от остальных в этом микрорайоне.

— Там жилой дом, товарищ полковник, — пожал плечами Лева. — Но в нем очень большие, почти панорамные окна. И сквозь них неплохо видно то, что происходит в квартире. Отсюда я делаю вывод, что объект занимался наблюдением за тем, кто там проживает.

— Надо же! — воскликнул руководитель насмешливо. — И так точно подумал! Не за голубями же, прости господи, он туда лазил гоняться…

Расследование зашло в тупик уже через две недели. В доме напротив никто не опознал человека, который, возможно, вел наблюдение за одним из жильцов. Личность его так и не установили, потому что лицо было сильно изуродовано. Отпечатки и ДНК по базе не бились. В списках пропавших без вести и разыскиваемых родственниками его тоже не оказалось.

— Все, глухарь, — сделал вывод Лева, швыряя на свой стол тощую папку с делом. — Знаю такие гиблые дела.

— Это какие? — глянула на него исподлобья юная коллега Верочка Умнова.

— Никто, ничего, нигде. Да, нами установлен факт его предположительного наблюдения за соседним домом, но… Ты помнишь, Вера, сколько там народу проживает?

— Много, — ответила она осторожно. И добавила: — Но не в бесконечной прогрессии. Я тут посчитала и просмотрела отчеты экспертов. С того места, с которого, предположительно, вел наблюдение наш неизвестный, хорошо просматриваются только сорок две квартиры. Я составила список проживающих в них и сделала вывод, что подвергнуться наблюдениям могли лишь жильцы десяти квартир. Во всех остальных тридцати двух обитают либо многодетные семьи, либо одинокие пенсионеры-мужчины. А вот в десяти остальных…

В десяти остальных квартирах, в которых могли проживать потенциальные жертвы сторонних наблюдений, Вера особо выделила троих.

— Первая — это одинокая молодая женщина, хозяйка успешного бизнеса. Ее заводик изго-

тавливает детское мыло. Очень качественное и гипоаллергенное.

— Вторая? — заинтересовался Лева.

Он сел на край своего стола и внимательно взглянул на Веру. Девушка была толковой, умной. Он к ней частенько прислушивался. Не просто так ее судьба наградила такой хорошей фамилией. Не какая-то там, а Умнова. Звучит! И Вера, что главное, ей соответствует!

— Вторая женщина — не одинока. Есть и дети, и внуки, но она недавно овдовела. И осталась единовластной хозяйкой большой четырехкомнатной квартиры. В таком доме, представляешь, сколько эта квартира может стоить?

— Нет. И совсем не представляю, куда ты клонишь? К черным риелторам?

— Не совсем так… — осторожно улыбнулась Вера. — Третья кандидатура, как объект возможного наблюдения, некая разбитная мадам среднего возраста. Она тоже одинока, но партнеров меняет, как перчатки, со слов соседей. Часто устраивает шумные вечеринки. И эти вечеринки так же часто заканчиваются некрасиво. Или звон разбитой посуды, или мордобой, вызовы полиции. Ну и так далее…

— А с чего ты решила, что наблюдать могли

только за женщинами? Этими тремя? Там ведь еще и мужчины одинокие живут. Пожилые. Руководствуясь твоей мыслью, смею предположить, что охота за квартирами могла быть и в том направлении.

— Это если рассматривать версию черных риелторов. А если нет? Вдруг брачные аферисты? — Верочка так рассердилась, что он с ней не соглашается, что даже кончик носика побелел. — Ты знаешь, сколько у нас по стране одиноких, обманутых женщин?

— Ты имеешь в виду: влюбленных доверчивых дур? Которые берут кредиты, дарят квартиры, дома, а потом оказываются на улице?

— Да! — Вера подскочила с места. — И вовсе они не дуры, Лева. Они просто любят всей душой. И это лишает их осторожности.

Глава 2

У него дежавю, елки-палки!

Снова подъезд, снова тело на земле, снова толпа зевак. Только теперь не было панамок и косынок — вместо них зимние шапки: вязаные, меховые. Люди были тепло одеты, руки прятали в варежках или перчатках. Стояла зима, а не лето, как в прошлый раз. И, да, теперь погибшей была женщина, а не мужчина. И еще: упала она с крыши дома напротив. Того самого, за которым, предположительно, наблюдал летний «прыгун».

Лева глубоко надвинул на голову капюшон, потому что мороз давил и ветер поднялся, сметая с подъездных козырьков вчерашний снег. А на нем тонкая водолазка и шапки нет. Не собирался он сегодня никуда, решив, что в такую погоду ничего нигде не случится. В смысле: на улице.

И нате вам!

Лева сегодня не стал опрашивать зевак, поочередно усаживая их на скамейку, выстланную газеткой. Не лето — зима. Он повел их в теплый подъезд того самого дома, с крыши которого сиганула погибшая.

То, что она сама сиганула, сомнений не бы-

ло. Момент ее падения видела дворничиха, чистившая дорожки от снега. Соседка еще, что проживала этажом ниже.

— Вместе вошли в подъезд, — рассказывала она Леве, зябко кутаясь в объемный теплый шарф. — И Марина нажала на последний этаж. Спрашиваю: «Мариночка, вы не ошиблись? У нас седьмой и восьмой». А она так странно посмотрела на меня и говорит: «Мне в последний мой день только на последний».

— Что было дальше? — спросил Лева молодую женщину — мать троих детей. — Вы вышли на своем этаже и…

— Я вышла из лифта, открыла квартиру, а душа ноет и ноет. Слова очень нехорошие она сказала. Оставила покупки в прихожей, вызвала лифт и тоже поехала наверх. А там дверь выхода на крышу приоткрыта.

— У нее был ключ? У Марины?

— Они у всех жильцов подъезда есть. Замок цифровой. Там у многих антенны установлены. Район новый, интернета пока нет. Если и есть, то работает нестабильно. В ЖЭКе предложили спутниковое телевидение. Многие согласились. Выход к антеннам на крышу через цифровой замок. На случай ремонта и все такое…

— Понятно, — пригорюнился Лева.

В случае с летним погибшим все было иначе. Там на двери выхода на крышу висел обычный замок, который давно кто-то скрутил. Замок не запирался, только дужки его вставлялись, имитируя, что заперто. На дужках, к слову, было полно отпечатков погибшего.

— Вы вышли на крышу. Что было дальше? — вернулся Лева к допросу.

— Я вышла и позвала ее по имени. А она стоит на самом краю, руки расставила вот так, — бледная мать троих детей завела руки за спину, — и говорит: «Я сама виновата. Сама! Никто не виноват. Я сама». И все, и прыгнула вниз…

Ее слова подтвердила дворничиха, заметившая с земли широко расставленные и заведенные назад руки погибшей. И еще пара жильцов из дома напротив, случайно увидевших трагический момент. Разговора, конечно, не слышали. А вот момент прыжка — да.

В отдел Лева вернулся голодный, продрогший, злой.

— Хорошо, хоть личность погибшей устанавливать не пришлось, — проворчал он, снимая куртку и вешая ее в шкаф. — Кстати, Вера… Эта одна из тех троих, за которой, предположительно,

наблюдал наш летний прыгун.

— Почему ты называешь его «прыгуном»? Не установлено, что он покончил жизнь самоубийством, — Вера глянула на него исподлобья. — При нем не было посмертной записки, документов, телефона, бумажника. Он туда поднимался неоднократно, ел, оставлял после себя мусор. Не собирался он, обжираясь фаст-фудом, сигать с крыши. Вывод? Его столкнули, забрав все вещи. Возможно, на телефон он что-то или кого-то снимал. А может, при нем даже был бинокль?

— И подзорная труба еще! — фыркнул Лева со злостью.

— Кстати, а кто с крыши прыгнул? Которая из трех женщин? Вдова?

— Нет, вот тут ты ошиблась, — не без удовлетворения произнес Лева, щелкая кнопкой электрического чайника. — С крыши вниз шагнула бизнес-леди — Ушакова Марина Ивановна.

— Неожиданно, — озадаченно моргнула Вера. — Что-то случилось в ее жизни? Летом, когда я их опрашивала, все у нее шло хорошо. Она светилась счастьем. Сейчас зима. И вдруг…

— …И ничего не вдруг, — поприветствовала ее хмурым кивком секретарша Марины Ивановны днем позже. — Мы разорены! Все, что осталось от

наших активов, — а это кот наплакал, — арестовано. На заводе работают приставы. Мариночка Ивановна хотела заложить свою квартиру. Но, когда дошло до дела, оказалось, что она уже заложена-перезаложена.

— Как это? — удивленно моргнула Вера.

— Не знаю! У нее бы спросить, да теперь не получится.

Секретарша встала из-за стола, на котором не было вообще ничего: ни компьютера, ни письменного набора, ни листа бумаги. На углу стояла только картонная коробка с ее личными вещами.

— Я вообще не поняла, что произошло. Марина сияла от счастья.

— Почему? Что за причина? Влюбилась?

— Не знаю! — удивленно округлила глаза секретарша. — Она ведь скрытная очень была. Я только после того, как начался весь этот кипиш, узнала, что Марина была сиротой. Родителей не было и вообще никого, только она и брат чуть старше. Воспитывал их старый дед. Еле дотянул до их совершеннолетия. И помер. Поднимались с братом одни. Это мне судебный пристав тут рассказывал, когда Марину дожидался… У брата был свой бизнес. Он потом и Марине помог. Все было

хорошо. А потом год, наверное, назад между ними словно черная кошка пробежала. Это со слов пристава. У них, кажется, общие знакомые были, отсюда и информация. Пристав мне контакты брата оставил, и я тайком от Марины попыталась до него дозвониться, чтобы привлечь к помощи. Бесполезно. Телефон выключен. И я подумала, знаете что?

— Что? — внимательно смотрела на нее Вера.

— Это он и кошмарит Маринин бизнес. Поссорились — получи…

— А данные брата у вас имеются?

— Конечно. Когда узнала его номер телефона, все выяснила через соцсети. Информации было немного. И, к слову, в мае он вдруг продал свой бизнес и уехал из города. А вот куда — не знаю. В соцсетях тоже никакой активности с начала лета.

Секретарша Марины Ушаковой взяла телефон и принялась искать в нем нужную информацию.

— Вот он, смотрите. Тут один, а на следующем фото с Мариной.

Вера взяла телефон и оторопела. С фото, улыбаясь, на нее смотрел тот самый мужчина, что погиб летом, сорвавшись с крыши.

— Не может быть! — ахнула она. — Это брат

Марины Ушаковой?

— Да, ее родной брат. Все на его страничке есть. И про сестру, и про бизнес. Но с начала лета никакой активности и ни одной фотографии. Может, смылся куда на ПМЖ. Сейчас многие об островной жизни мечтают. А вы чего так удивились? Знаете его?

— Немного. — Вера не стала вдаваться в подробности.

Она попросила ссылку на страницу Михаила Ушакова, простилась и через полчаса уже нервно расхаживала по кабинету.

— Подумать только! Оказывается, с крыши напротив он следил за собственной сестрой. Зачем? Лева, зачем?

— Теперь уже не узнаем.

У Левы немного отлегло от сердца. Установлена личность погибшего летом молодого мужчины. И причинно-следственную связь он тут же определил. Будет с чем идти к начальству.

— Он следил за сестрой, потому что… — Лева закатил глаза. — Хотел кусочек от ее бизнеса тоже. Свой продал и часть ее захотел.

— Она об этом узнала и скинула его с крыши? — недоверчиво фыркнула Вера. — Неубедительно.

— Почему? — воззрился на нее Лева с легким

раздражением.

Вечно Вера все портит.

— Если его с лета нет в живых, кто ее разорил?

Казалось бы, простой вопрос, но Лева не нашелся, что ответить. Потом подумал, подумал и решил:

— Видимо, он уже запустил машину. И проблемы начались уже тогда. Вот тебе задание, Вера. Выяснить, с какого времени начались проблемы в бизнесе Ушаковой.

— Не летом точно. Я же ее опрашивала. Она светилась от счастья.

— Во-от! — поднял Лева указательный палец.

— Что — вот?

— Потому и светилась от счастья, что от ненавистного брата избавилась, пожелавшего кусок от ее пирога.

В кабинете стало тихо. Так тихо, что они услышали, как хлещет снежная крупа по стеклам. Опять метель. Опять холод. Лева ненавидел холод. И зиму тоже не очень любил. Всем лыжным прогулкам с красным носом и озябшими руками он предпочитал безмятежное лежание на пляже. Пусть солнце печет, пусть мошки надоедают, зато тепло.

— Не верю я, Лева, что Марина могла брата

с крыши скинуть из-за денег. У нее же никого, кроме него, из родни не было. И я говорила с ней через пару дней после происшествия. Она улыбалась, была безмятежна и счастлива. Хочешь сказать, избавилась от брата и радовалась? Не-ет, не верю.

— Не веришь, тогда ищи, — рассердился Лева. — Мне все предельно ясно. С тем и к начальству пойду. И вообще, скоро Новый год! Нам никакие проблемные дела не нужны. Уймись…

Глава 3

Вера снова входила в подъезд, в котором трижды побывала летом. Тогда она сначала обошла все квартиры, потом сосредоточилась на трех. Одна теперь пустовала — Марина Ушакова погибла. Наследников у нее не было, после гибели брата никого не осталось.

Кто теперь станет жить в ее большой уютной квартире?

Вера помнила, как приятно было сидеть в удобном кресле у большого балкона с чашкой кофе в руках. Говорили с Мариной обо всем на свете. Это уже после того, как она ответила отрицательно на все Верины вопросы.

— Нет, не видела никого, кто бы мог за мной наблюдать, — был первый ее ответ.

— Нет, я не была свидетелем несчастного случая…

— Нет, не могу даже предположить, кто это был…

Показывать ей фотографию погибшего Вера тогда не стала. Зрелище было жутким, лицо изуродовано. Потом, конечно, его можно было опознать. Уже после работы профильных специ-

алистов. Но на тот момент…

Да и зачем показывать человеку совершенно постороннему фото жертвы, к которой он не имеет никакого отношения?

Так рассуждала Вера. Она просто проводила поквартирный опрос и только.

Покончив с формальностями, они разговорились, и Вера пробыла у Марины Ушаковой непозволительно долго. Почти час. Ушла с легким сердцем.

Насколько ей теперь было тяжело стоять у ее двери и думать: если бы она проявила тогда чуть больше профессиональной трезвости и черствости и показала бы Марине фото ее погибшего брата, то, возможно, Ушакова осталась бы жива.

Что заставило ее так поступить со своей жизнью? Причастность к гибели брата? Неудачи в бизнесе? Или была еще какая-то причина?

Вскоре на Веру смотрели хмельные глаза разбитной мадам. Той самой, которая значилась летом в ее списке. Сейчас Натали, так она представилась, снова была во хмелю, пребывала в легкой меланхолии, и вопросы девушки-полицейского ей, мягко говоря, действовали на нервы.

— Я слышала, она разорилась. И осталась ни с чем, — наморщила загорелый лоб Натали.

— Откуда слышали?

— От друзей. У меня их много. Была вечеринка. Уже после того, как бизнес-леди сиганула с крыши. Много пили, много болтали. И говорили, что мыльный бизнес ее лопнул, как пузырь. Она осталась должна и банкам, и людям. Помочь ей было некому. У нее, по слухам, совсем никого. И обзаводиться друзьями она не спешила. Богатые люди — жадные люди. Знаете, что она мне ответила на одно из моих приглашений?

— Нет, не знаю. Что?

Вера быстро утратила интерес к беседе с разбитной мадам. Та ничего толком не знала. Напускала туману, поводя пьяными глазами. И тратила время на пустую болтовню.

— Она ответила мне, что не общается с людьми моего круга. Представляете?! Это хамство! Поэтому и мужика у нее никогда не было! Жадная дура!..

Вера попрощалась и пошла к лифтам. Ей еще надо было переговорить с вдовой из большой квартиры.

Мягкова Алла Викторовна в прошлый раз неохотно общалась с Верой, даже не пустила ее в квартиру. И долго, с пристальным вниманием изучала ее удостоверение.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась с Аллой Викторовной Вера, не поленилась, снова показала документы. — Можем поговорить?

— Снова вы? — тяжело вздохнула Алла Викторовна. — Что на этот раз случилось? Опять кто-то свалился с крыши?

Она что — ничего не слышала?

Вера присмотрелась к ней внимательнее. Кажется, Мягкова не так давно вернулась из отпуска. И отдыхала, судя по загару, где-то в теплых странах. Посвежела, помолодела даже. И одежду модную купила. В прошлый раз, летом, Мягкова встретила ее на пороге своей квартиры в стоптанных тапках и длинном сером халате. Сейчас на ней был красивый лыжный комбинезон лимонного цвета и черная водолазка. Куртку она только что сняла и держала в руках.

Вере бы порадоваться за вдову, которая нашла в себе силы жить дальше. Но она насторожилась.

— Мы можем поговорить, Алла Викторовна? — спросила она, делая робкий шажок вперед.

— Ну о чем нам с вами разговаривать, девушка? — всплеснула руками та. — Я три часа назад как приземлилась в Москве. Была на отдыхе. Ничего не знаю, не видела и не слышала. Что опять стряслось-то?

— Я войду?

И Вера шагнула в прихожую.

Мягкова не соврала. Ее чемодан с багажной биркой стоял в прихожей. И еще сумка — ручная кладь. Она точно только вернулась.

— Проходите в кухню, кофе сварю. Очень хочу своего кофе. А пока переоденусь.

Она переоделась быстро. Серого скучного халата и стоптанных тапок не было. Мягкова вошла в кухню в домашнем брючном костюме, ладно подчеркивающем ее фигуру, и захлопотала у плиты, без конца делясь впечатлениями об отдыхе. На Верин вопрос, с кем она летала, не ответила, но смутилась и покраснела даже.

— Так что снова привело вас ко мне? — мило улыбаясь, спросила Алла Викторовна, ставя перед Верой чашку кофе.

— Марину Ушакову помните? Она жила в вашем подъезде.

— Марину? Мыльную королеву? — с легким раздражением поинтересовалась Мягкова. — Помню. А почему «жила»? Она съехала? Продала квартиру? — Она опустила голову, и длинная челка упала ей на лицо.

— Нет. Она покончила собой два дня назад. Забралась на крышу и спрыгнула.

Мягкова подавилась глотком кофе и кашляла до слез, но не позволила Вере постучать по спине.

— Не надо, — задушенно произнесла Алла Викторовна, вытирая выступившие слезы. — Марина… Спрыгнула с крыши! Ужас какой! А почему?!

— Причину она не назвала. Успела лишь крикнуть своей соседке — та пыталась ее остановить, — что сама виновата. Вы ничего не знаете, Алла Викторовна?

— О чем? — спросила та, не поднимая головы. — О причине ее дикого поступка? Нет. Не знаю. Но…

— Что?

— Марина в последние месяцы очень странно себя вела.

— И как странно?

— Ну… — Мягкова вскочила и нервно заходила по просторной кухне. — Врывалась ко мне. Могла среди бела дня устроить скандал. Или посреди ночи.

— Скандал?! — изумилась Вера. — Вы не ладили? На какой почве между вами возникли разногласия?

Мягкова остановилась, посмотрела на Веру с затаенной беспричинной радостью во взгляде, а

потом выдохнула:

— Вадим… Все из-за него. Из-за него она меня возненавидела. Дико ревновала.

— Вадим? Кто это?

— Мой мужчина. Он лучший из мужчин. Самый-самый! — смущаясь совершенно по-девичьи, призналась Мягкова. — Точнее, мой будущий муж. Мы собираемся пожениться через месяц.

— А Марина?.. Почему она ревновала?

— Раньше он жил с ней, а потом ушел ко мне. Так бывает. — Она широко развела руками, уже не скрывая широкой улыбки. — Он полюбил меня внезапно. Мы случайно столкнулись в лифте. И нас так закрутило!

— В какой момент? — уточнила Вера. — Летом?

— Нет, почему летом? Это случилось в самом конце осени. Помню день — двенадцатое ноября. К слову, Вадим с Мариной собирались в этот день пожениться, но он опоздал в ЗАГС. Что-то на работе у него стряслось. Она уехала, не дождалась его. Вернулась домой вся в истерике. Он влетает в лифт, а там я. И он понял, что это судьба.

— Что — это?

У Веры свело скулы от такой откровенной безбашенности взрослой женщины. Причем уже второй по счету. Сначала Марина, теперь

вот Алла. У них в подъезде вирус, что ли, какой распыляют?

— Ну, то, что он опоздал в ЗАГС. Не стал мужем Марины. Он даже букет, который вез для нее, мне подарил. Прямо в лифте. Это было, как в сказке! — Алла закрыла лицо руками. — У меня никогда такого не было! Мой покойный муж не знал, как ухаживать. Единственным его подарком мне стало — обручальное кольцо. Да, он был хозяйственным, добрым, детей любил. Много работал. Квартиру вот эту купил. Детям помогал. Но совершенно не романтик! А тут я… Я впервые почувствовала себя женщиной.

— Что было дальше? В лифте? — уточнила Вера.

— Мы начали целоваться. Марина звонит, верещит что-то в трубку. Проклинает его. Угрожает всеми карами небесными. А мы с Вадиком… Мы целуемся, как безумные!

Глава 4

— Они и есть безумные, Лева. Все эти ошалевшие от одиночества женщины, уставшие от своих потухших глаз, смотрящих на них день за днем из зеркала… Они безумны в своем желании любить и быть любимыми. И такие подонки, как этот Вадим…

— Ты только не расплачься, — попросил ее по-дружески Лева и швырнул на стол несколько распечатанных листов. — Пришла информация о брате Марины Ушаковой.

— Что там? — опасливо покосилась Вера.

Она до сих пор не верила в причастность Марины к гибели брата. Как и в то, что Михаил мог пытаться как-то навредить ей. Бизнес отжать, который когда-то помог поднять, и все такое.

— Что там, что там… — попыхтел беззаботно Лева. — Нормальный чел. Законопослушный. Ни единого привода. Работал всю свою недолгую жизнь. Бизнес устойчивый. Тоже как-то с детской парфюмерией связанный. И вдруг в один прекрасный момент все продает и собирается в Москву переезжать. Его девушка, с которой я общался по телефону час назад, была, честно, в

шоке. Они собирались пожениться. И вдруг он все бросает и срывается.

— Какую назвал причину? — заинтересовалась Вера. — Надоела она ему?

— Нет. Сказал, что едет сестру вытаскивать из любовного омута. Дословно.

— Ничего себе! — Сердце у Веры забилось быстро-быстро. — И как?

— Девушка, к слову, опознала в погибшем летом парне своего жениха — Ушакова Михаила. Долго и безутешно плакала, — со вздохом добавил Лева. — Ох уж эти разбитые сердца…

— Так что она рассказала, Лева? Не отвлекайся!

— Она рассказала, что Михаил пытался поговорить с Мариной, но безуспешно. Она влюбилась и слушать ничего не пожелала. В смысле, ничего плохого о своем избраннике.

— А Михаил что-то о нем знал? Нехорошее?

— И вот тут начинается самое интересное, Вера…

Лева покосился на окно, за которым бесновалась метель, обещая заносы и пробки на дорогах. А он опять не взял с вешалки шапку, понадеялся на капюшон.

— Оказывается, Михаил, прежде чем лезть к

сестре с нравоучениями, собрал подробное досье на ее избранника. И был уверен, что он брачный аферист.

— А я тебе говорила! — Вера подскочила с места. — Когда еще Михаил летом с крыши сорвался, я тебе говорила!

— Но ты уверяла, что он сам брачный аферист. И высматривает потенциальную жертву, — возразил Лева, подняв палец к потолку. — А оказалось, что Михаил Ушаков — дважды жертва. Первый раз — когда на имущество его сестры нацелился мерзавец, а она погнала брата с наставлениями прочь. Второй — когда этот мерзавец его столкнул с крыши.

— Думаешь — это он? Парень его сестры убил Михаила?

— Есть такая версия. Я тут не поленился и снова прошелся по дому, с крыши которого упал Михаил. Опросил еще раз всех жильцов. Да, Вера, не делай таких глаз. Пожертвовал выходным, — скроил печальную мину Лева. — И кое-что выяснил.

— Что же?

— С предпоследнего этажа того самого подъезда, которым пользовался Ушаков, наблюдая за домом напротив, можно проходным коридором

попасть в крайний подъезд рядом стоящего дома. Арка там проездная. Дома стоят стена к стене. И для удобства аварийных бригад оставили коридор…

— Убийца Ушакова мог воспользоваться этим коридором, чтобы остаться незамеченным, то есть выходящим из подъезда, где совершил преступление? Лева, гениально! А почему мы сразу этот коридор не заметили?

— Там ширма была из строительных лесов. А сейчас их убрали, и дверца заветная обнаружилась. Убийца знал об этой двери, а мы нет. Упустили время, и он разорил-таки Марину, доведя ее до самоубийства.

— Он не этим ее довел. — Вера сделалась печальной. — Бросил у алтаря, если можно так выразиться. Не явился в ЗАГС в назначенное время.

— А зачем ему? Он уже все успел. На Марине, как выяснилось, пять крупных кредитов. Счета были почти обнулены на момент банкротства ее фирмы, квартира вот-вот отойдет банку. Он изрядно ее пощипал. Зачем же жениться? Надо его искать, пока он снова кого-нибудь не облапошил.

— Он уже начал, Лева! — Вера почти задыхалась

от гнева. — Вдова… Мягкова Алла Викторовна! Он к ней переехал. Я видела мужские тапки у порога. Сволочь такая, даже из подъезда не вышел, как новую жертву нашел. Надо его брать, Лева!

И вот тут Леве сильно взгрустнулось. То ли разыгравшаяся метель его расстраивала, то ли перспектива ехать на задержание брачного афериста по такой погоде.

— Что? — не поняла Вера, уже надевая пуховик.

— Дело в том, Верочка, что Ушаков, собрав приличное досье на избранника своей сестры, так и не нашел ни единого заявления от пострадавших. Ему вообще нечего предъявить этому альфонсу. Все женщины делились или отдавали ему последнее совершенно добровольно. И твоя Мягкова… Ты сама сказала, что она боготворит романтика Вадима, бросившего Марину ради нее. Чую, останется она без квартиры, если дети не подсуетятся вовремя и не остановят маму.

Вера стояла на пороге их кабинета — одна рука в рукаве пуховика, второй болтается — и напряженно размышляла.

— Нам есть, что ему предъявить, Лева. Обвинение в предумышленном убийстве брата своей бывшей невесты.

— Надо доказать. У нас же ничего нет, — возразил Лева, но тоже полез в шкаф за курткой.

— У нас ничего не было, пока мы не знали, кого и где искать. Сейчас же… Мы исследуем каждый сантиметр сквозного коридора. Опросим всех, даже кошек в том дворе! Но найдем, непременно найдем доказательства!

Глава 5

Вадик должен был вот-вот прийти. У него страшные проблемы на работе. Он до поры до времени не вдавался в подробности, но Алла уже догадалась — что-то очень серьезное.

Отпуск не прошел для него даром. Вадика и отпускать-то не хотели. Он буквально вырвал у начальства обещание дать ему неделю.

Они вернулись с отдыха неделю назад. Вадик сразу же вышел на работу. Вроде все было нормально, но он с каждым днем становился все печальнее и печальнее. Ночами лежал без сна, ворочался, вздыхал. Вчера она не выдержала и задала ему вопрос в лоб:

— Ты из-за Марины так переживаешь?

Алла уже рассказала ему, что та покончила с собой, пока они были в отъезде.

— Еще чего! — даже рассердился такому вопросу Вадик. — Она психически была нездорова. Уберег меня Господь от брака с ней! Нет, милая. У меня проблемы на работе.

— Большие?

— Да. Очень серьезные проблемы. Малыш…

Когда он так ее называл — мать двоих взрос-

лых детей, бабушку двух внуков, — Алла таяла, как мартовский снег, как сливочное масло на солнцепеке. Ощущала себя милой, нежной, беспомощной, совершенно юной девочкой.

— Что за проблемы? Давай решать вместе, — предложила Алла ночью.

И Вадик нехотя начал рассказывать о том, что за время его отпуска заместитель напортачил с заказом важных клиентов. Вся партия пошла в брак. А деньги заплачены. Теперь руководитель требует компенсации клиентам. Или он отдает Вадика под суд.

— Почему тебя?! — расплакалась Алла.

Это же настоящее горе, если Вадик окажется в тюрьме!

— На документах везде моя подпись. А зам уволился и умотал за границу. Его не найти. А я вот он — рядом!

— И что же делать? Сколько денег ты должен?

— Пятьдесят миллионов, — выдохнул Вадик и тут же схватил ее за руки: — Не пугайся так, малыш, не долларов — рублей.

Но все равно это была огромная сумма. У него не было своего жилья и машины, чтобы продать. Вадим все оставил бывшей жене с детьми, потому что очень порядочный и честный. Кредит ему

тоже не дадут. Требуют в залог недвижимость. А у него ее нет!

— Давай, я возьму кредит, — предложила под утро Алла.

Они так и провалялись без сна, решая, как выпутаться из страшной беды.

— Ты же не работаешь, малыш. У тебя одна пенсия. Кто даст кредит? Да еще такой! — Его глаза наполнились благодарными слезами. — Какая же ты милая, добрая. Обожаю тебя! Иди ко мне…

Они все же уснули под вой метели, убаюканные мыслью, что с бедой справятся сообща. Уже утром вместе пойдут в банк и попробуют взять кредит под залог ее квартиры. Она стоила гораздо больше, чем он был должен.

Но когда Алла проснулась, Вадика уже не было рядом. Он ушел на работу. Так написал в записке, оставленной под тарелкой для завтрака. Он ей приготовил и накрыл стеклянной крышечкой. Овсяная каша с вареньем и два тоста.

«Пойду увольняться. Скоро буду, любовь моя!»

Алла, беспечно напевая любимую мелодию, достала документы на квартиру из секретера. Нашла нужные, положила в сумку. Открыла шкаф в поисках более строгого пальто. В желтом пуховике она будет выглядеть слишком легко-

мысленной. Ее вид должен вызывать сочувствие, а не зависть. А ей сейчас многие завидовали. Даже родная дочь, недавно пережившая развод с мужем.

— Ты чокнулась на старости лет, мама, — ужаснулась дочка, узнав, что Вадик поселился в родительской квартире. — Он даже из подъезда не вышел, найдя еще одну дурочку…

Алла на нее обиделась, призвала не завидовать, разговор оборвала и больше дочери не звонила. Та ей тоже.

Она почти собралась, надела темный строгий костюм — трикотажные брюки и кардиган. И пальто подходящее нашлось, но оно все еще висело на вешалке. Алла ждала Вадика.

Когда позвонили в дверь, она выдохнула с облегчением. Ну, наконец-то! А то уже заволновалась. Вдруг его арестовали? Не дождавшись положительного решения вопроса, начальник взял и отдал ее любимого под суд.

За дверью стоял не Вадик, а двое полицейских. Алла уже была с ними знакома: и летом наносили ей визит, и недавно — когда Марина с крыши сиганула.

— Добрый день, — вежливо поздоровались они и одновременно показали документы. — Можем

поговорить?

— Что опять стряслось? Кто-то еще с крыши шагнул? — отозвалась она раздраженно, но отошла в сторону, впуская полицейских.

— Где ваш сожитель? — сразу спросил Лев Сергеевич.

— Вадик? — округлила Алла глаза. — На работе. Решает вопрос.

— Ну, работы-то у него никакой нет, Алла Викторовна, — глянула на Мягкову с укоризной Вера. — И никогда не было. Ваш Вадик и не Вадик вовсе, а Смирнов Иван Семенович. Но и это не важно. В каждом городе он представляется женщинам разными именами. А так он Смирнов. Ваня Смирнов.

— Что вы несете? — с раздражением оборвала ее Алла Викторовна, усаживаясь удобнее на диване. — Я видела его паспорт!

— И паспортов у него для наивных дамочек, — вроде вас, уж извините, — целая дюжина, — проникновенно и грустно глянул на нее Лев. — Попробую угадать…

— Что угадать?

Мягкова бледнела и чувствовала это. Эти двое ворвались в ее квартиру неожиданно. Она не смогла их остановить. А должна была! Потому

что они сейчас все-все-все испортят в ее жизни, только начинающей налаживаться.

Они с Вадиком сейчас пойдут в банк, возьмут кредит, оплатят все его долги. И у них даже останутся деньги на отдых на рождественских каникулах. Они уже под утро об этом мечтали и даже рассматривали варианты.

А эти двое…

— Вадик рассказал вам какую-то страшную историю о себе. Он попал в дикий переплет и в результате должен крупную сумму денег. Срочно требуется продажа квартиры или огромный кредит, чтобы покрыть его долг. Чтобы его не посадили в тюрьму, или не убили бандиты, или чтобы не умерла его мать или ребенок — тут варианты множатся, — меланхолично заговорил Лев Сергеевич. — И вы согласились… На что, Алла Викторовна? Продать квартиру, которая стоит под сто с лишним миллионов? Или взять кредит под ее залог? Удивлены? — Он поймал ее недоуменно вскинувшийся взгляд.

— Откуда вы… — начала она, но вдруг прикусила губу. — Вы все же его арестовали?

— Пока нет, ищем. Думаю, он не вернется сюда, Алла Викторовна. Потому что почуял за собой слежку, — с печалью глянула на нее девушка. —

Вы готовы написать на него заявление?

— Я?! — в ужасе отшатнулась Алла. — За что?! Да вы что?!

— Так я и думала, — покивала Вера. — Но хорошо, что мы вовремя. Иначе остались бы, как Марина, ни с чем.

— При чем тут Марина?

Алла была не настолько наивной и глупой, чтобы не понимать, в чем дело. Верить не хотелось. Но понимать она уже начала.

— Марину ваш так называемый Вадик лишил жилья, бизнеса, денег. Он долго тянул из нее средства, окружив заботой, вниманием, любовью. И под шумок оформил генеральную доверенность на свое имя. Она подмахнула не глядя, была занята сильно. Даже не поняла, что подписывает. Этот мерзавец обнулил счета, набрал на ее имя огромных кредитов. И в ЗАГС не явился, зацеловав в тот день вас до обморока прямо в лифте, — говорила Вера негромко, но с таким осуждением, что Алла готова была сквозь землю провалиться. — А перед этим летом он столкнул с крыши ее брата, который наблюдал оттуда в бинокль за перемещением мерзавца по квартире сестры в ее отсутствие. Фотографии найдены в облаке его пропавшего телефона. И

теперь вашему сожителю уже будет предъявлено обвинение не в мошенничестве — тут мы почти бессильны, никто не хочет его обвинять, — а в предумышленном убийстве и доведении до самоубийства. Выйдет ваш общий герой-любовник из тюрьмы очень-очень нескоро. Вам все понятно, Алла Викторовна?

Не все, но многое. И так стало стыдно! Мучительно стыдно и перед соседями, и перед дочерью, и перед этими полицейскими, которые явились, чтобы ее спасти. А еще больше стыдно стало перед мужем покойным, которого она не считала романтиком. Он ведь…

Он все здоровье отдал, работая как проклятый ради нее и детей. Старался. Все в дом. Все для них. Квартире этой как радовался! А пожить толком не успел.

— Господи, что я чуть не натворила… — закрыла лицо руками Алла и расплакалась. — Найдите его! Привлеките к ответу! Все, что потребуется, я подпишу…

— Валечка, будь осторожна! — Мама кутала ее в вязаный шарф, провожая на вокзале. — Новый Год в чужом городе… Ты же там совершенно одна!

— Нет, мам. Он там ждет меня. Уже трижды

звонил. Ждет!

Губы сводило от улыбки, рвущейся наружу. Она была невозможно счастлива. Впервые, кажется, в жизни. И это было небезответное чувство. Ее любили тоже.

— Ох уж этот твой Лев, — укоризненно качала головой мама. — Как-то быстро все, стремительно. Не успели через интернет познакомиться — и уже вместе Новый год встречать! Москва — огромный город. Не затеряйся там, милая…

Ей самой было страшновато. Особенно после маминых нравоучений. Но, сев в вагон и заперев купе, где ехала только она одна, Валя предалась мечтаниям.

Как они встретят вместе самый замечательный праздник в году. Как потом полетят куда-то на отдых. Лев пока еще не определился с выбором. Ждал ее.

— Не могу взять на себя такую ответственность, — пояснил он ей в телефонном разговоре. — Вместе выберем. Мне как раз отпуск дают…

Москва встретила ее страшным морозом. Выбравшись из вагона на улицу, Валя мгновенно промерзла до костей. Ей казалось, что пар изо рта тут же превращается в сотни мелких ледяных капель и со звоном обрушивается у ее ног.

Льва на перроне не было!

Господи, где же он?! Валя долго стояла и ждала, что он вот-вот появится. Схватит ее, закружит, как в кино. Осторожно поцелует в щеку. Они же ни разу не виделись вживую. В губы целоваться рано.

Льва не было.

Валя готова была расплакаться, оставшись на перроне в одиночестве.

Она совершенная дура! Наивная, как те женщины, о которых недавно был репортаж по телевизору и писали все интернет-издания.

Они все попались на удочку какого-то брачного афериста. Он брал на них огромные кредиты, оставлял без жилья. И, кажется, даже были жертвы среди этих бедных женщин и их родственников.

Сама же читала и попалась на ту же удочку!

Валя вдруг вспомнила, как настояла на том, чтобы самостоятельно оплатить коттедж в дорогом загородном клубе, где они должны были праздновать с Левой. Перевела ему ни много ни мало целых сто тысяч, которые долго копила. Он будто оплатил бронь и даже вызвался закупить продуктов.

И вот его нет. Денег нет. Номера брони тоже.

А она одна — идиотка — стоит на перроне, льет ледяные слезы и не знает, что делать дальше.

— Валя! — громко позвал ее почему-то женский голос.

Она обернулась. По перрону к ней спешила высокая, стройная девушка. Подошла, зачем-то показала удостоверение полицейского.

— Я Вера. Я коллега Льва. Он опаздывает. Застрял в пробке на два часа. Предпраздничная Москва, что вы хотите.

— А вы… — Валя не знала, можно уже радоваться или нет.

— Я живу неподалеку. Он слезно попросил вас встретить. Переживает очень. Вот, говорит, не так давно задерживал альфонса-афериста. И сам как будто его роль примериваю. Девушка приедет, а меня нет! В общем, я тут. Лев в пробке. Предлагаю подождать его в моей машине на парковке. Есть возражения? Или встречные предложения?

Валя замотала головой и послушно пошла за Верой из полиции — коллегой Льва. Они полтора часа сидели в машине, слушали негромкую музыку и болтали обо всем. В том числе о гадком аферисте, обманывающем доверчивых влюбленных женщин.

А потом приехал Лев. Они еще издали увидели

его машину и поспешили на улицу.

И случилось так, как в кино! Лев бросился к ней. Подхватил, закружил. Расцеловал в обе щеки. Тут же, поставив ее на ноги, полез в машину за букетом. И снова целовал ее. Только теперь в губы. Они увиделись, уже можно.

Валя больше не плакала, хотя все внутри дрожало от волнения и желания еще чуть-чуть поплакать — теперь от того, что все так хорошо.

Вон как все здорово вышло в ее истории. Зря мама нагнетала, а она сама боялась.

Они простились с Верой и поехали за город. В дороге сквозь мягкую негу полусна Валя слушала, как Лев читает ей нотации мягким добрым голосом. О том, что она доверчивая, так нельзя. Он, конечно, ее теперь от себя ни на шаг не отпустит. Потому что она…

— Очень доверчивая, Валечка. — Он нежно трогал ее за руку. — Знаешь, скольких женщин обманул недавний мерзавец! Сколько судеб поломал! Он согласился сотрудничать со следствием, и мы устали записывать его признания. Надо быть осторожнее, Валечка. Чтобы ничего не случилось.

— Ничего не случится, Лева, — мягко и тихо оборвала она его речь. — Потому что судьба мне

подарила тебя. Самого лучшего и надежного из мужчин. Все остальное не важно. И главного злодея ты уже поймал. Разве нет?

Наталия Антонова
Наша бабушка пошла вразнос

Действующие лица и события романа вымышлены, сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

От автора

Стоял удивительный декабрь. Теплый и снежный. Каждую ночь он укрывал городские улицы, дороги, площади, скверы и парки тончайшим и чистейшим покрывалом легкого белого снега. Казалось, что первый зимний месяц во чтобы то ни стало решил подарить замученным беготней и суетой людям настоящее предвкушение медленно приближающегося праздника.

От этого ежедневного ожидания чуда сладко замирали сердца и кружились не только головы людей, но и крыши многоэтажек готовы были поверить в то, что у них есть крылья! И они могут летать! Хотя бы ночью во сне, когда все вокруг погружается в сон до утра. Дремлет на небе, застланном толстыми слоями облаков, как пуховыми одеялами, невидимая невооруженному глазу луна. Перестают взвизгивать сигнализации

припаркованных во дворах автомобилей, и только фонари сонно моргают длинными ресницами излучаемого ими самими света.

И если такая почти что пасторальная картина наблюдалась в городе, то что же говорить о пригороде…

Тишь и благодать…

Примерно так думал детектив Морис Миндаугас, время от времени отрывая глаза от книги и бросая умиротворенные взгляды то на хозяйку детективного агентства Мирославу Волгину, то на большого пушистого кота Дона, что-то тихо мурлычущего себе под нос.

Мирослава лежала на расстеленном перед камином ковре рядом со своим любимым котом и тоже читала.

Неожиданно она приподнялась на локте, а потом и вовсе села.

— Морис, как ты думаешь, — спросила она, — почему люди — не медведи?

— Интересный вопрос, — проговорил он и улыбнулся.

— Нет, — не хотела успокаиваться она, — на самом деле! Представляешь, мы могли бы с тобой погрузиться в спячку, видеть сладкие сны.

— И сосать лапу, — подсказал он.

Она рассмеялась:

— Почему сразу лапу? Можно какой-нибудь палец!

— На ноге?

— На чем угодно, — отмахнулась она. — Зато у нас не было бы до весны никаких хлопот. Даже работать не надо.

— А вы не хотите работать?

— Угу.

— Почему?

— Лень, — вздохнула она.

— Понимаю, — ответил Морис.

Он действительно понимал, что говорила она так исключительно потому, что скучала по работе, которой у них не было уже две недели. Возможно, все их потенциальные клиенты и впрямь залегли в спячку до весны, точно медведи.

Ан нет, судя по зазвеневшему в гостиной телефону, кто-то все-таки нуждался в их услугах.

Морис поднялся с насиженного места и снял трубку городского телефона, по которому, как правило, и звонили их потенциальные клиенты.

— Детективное агентство «Мирослава», я вас слушаю, — проговорил он в трубку ровным голосом.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте…

— Вас беспокоит Игорь Александрович Гришин.

— По какому поводу?

— Мы думаем, что нашей бабушке угрожает смертельная опасность.

— Мы?

— Да, нас четыре брата! Пожалуйста, примите нас и хотя бы выслушайте!

— Ммм…

Морис уже включил громкую связь, и Мирослава слышала весь разговор.

— Вы наша последняя надежда, — между тем продолжал назвавшийся Игорем Гришиным. — В полиции нас даже выслушать не захотели! И вообще смотрели, как на полных идиотов!

— Гм…

— Артемий Петрович сказал, что вы творите настоящие чудеса!

— Артемий Петрович? — слегка заинтересовался Морис.

— Да! Богатиков!

Мирослава вспомнила о том, что работы у них нет и в ближайшей перспективе не предвидится, поэтому кивнула.

И Морис проговорил в трубку:

— Хорошо, приезжайте.

— Сейчас? — воодушевился голос в трубке.

— Нет, завтра в половине шестого вечера.

— Хорошо. — Градус энтузиазма в голосе звонившего понизился.

— Вы знаете наш адрес?

— Нет.

— Это за городом, — предупредил Морис.

— Понимаю, диктуйте адрес.

Миндаугас выполнил просьбу звонившего и уже собрался положить трубку, как услышал:

— Подождите! Можно нам приехать к вам вчетвером?

— Вы случайно не джазовый квартет? — попытался пошутить Морис.

— Нет, мы двоюродные братья, — серьезно прозвучало в ответ.

Морис посмотрел на Мирославу и, после того как она снова кивнула, сказал:

— Ну что ж, приезжайте.

Клиенты приехали раньше назначенного им времени, но дожидаться срока решили, не подъезжая к охране поселка. Однако охранники сами заприметили их машину и, сочтя ее подозрительной, подошли вдвоем и постучали в окошко.

Сидевший за рулем опустил стекло.

— Вы к кому? — строго спросили его.

— Мы в детективное агентство, но приехали раньше и ждем.

— Как ваша фамилия?

— Гришин. Игорь Александрович.

Когда задавший вопрос охранник и его напарник отошли от машины, водитель сказал сидевшему рядом:

— Он не спросил, в какое именно мы агентство приехали.

Тот, к кому он обращался, пожал плечами. Зато ответил один из сидевших на заднем сиденье:

— Надо думать, что здесь только одно детективное агентство.

Скоро вернулся один из охранников и сказал:

— Проезжайте, вас ждут.

— Спасибо.

— Вроде как бы не за что, — скупо улыбнулся охранник.

Задумчивый вечерний ветерок поднял легкое облачко снега, когда автомобиль остановился у ворот, которые тотчас начали открываться.

В свете фонаря клиенты рассмотрели, что их встречает высокий широкоплечий парень в куртке из искусственного меха, который начинал серебриться и искриться всякий раз, когда на него

падал малейший отсвет от фонарей. Парень махнул рукой, приглашая въехать на территорию.

Темно-синяя «Мазда», казавшаяся при вечернем освещении черной, медленно въехала на подъездную дорожку и остановилась.

Из салона выбрались четверо. На первый взгляд, они казались раздвоившейся парой тех, которых называют «двое из ларца». Хотя Морис пока разглядел только их фигуры, но впечатление у него о новых клиентах сложилось именно такое.

— Я Морис Миндаугас, — проговорил он, — сотрудник детективного агентства «Мирослава».

Парни по очереди назвали себя. Морис задержал взгляд на назвавшем себя Игорем Гришиным. Именно он и звонил в агентство накануне.

— Пойдемте, — обратился он ко всем четверым разом, — Мирослава Волгина ждет вас в своем кабинете.

И они покорно гуськом пошли за ним по расчищенной от снега дорожке.

На пороге их встретил огромный черный пушистый кот. Один из парней невольно отшатнулся.

— Не бойтесь, — успокоил его Морис, — он не кусается.

— Я… я… знаю, — пролепетал в ответ парень.

«Неужели в наше время еще кто-то верит в магию черных котов?» — подумал про себя Морис.

Оставив в прихожей верхнюю одежду, парни вошли в кабинет детектива, Морис закрыл за ними дверь, оставшись один в приемной.

Навстречу посетителям из-за стола поднялась совсем еще молодая женщина и, приветливо улыбнувшись, предложила:

— Давайте знакомиться. Я Мирослава Игоревна Волгина, — назвала она себя первой.

Они представились по очереди:

— Игорь Александрович Гришин.

— Владимир Андреевич Гришин.

— Семен Матвеевич Ладынин.

— Тимур Евгеньевич Васюков.

Мирослава кивала всякий раз, когда каждый из них называл свое имя. Про себя она удивлялась их похожести. Мало того, что они были практически одинакового роста, у них были одинакового цвета волосы, хотя стрижка была разной. Совпадали цвет и разрез глаз. И только внимательно присмотревшись, можно было найти различие в чертах их лиц. Но все-таки разными их делали не лица, а их выражение.

Мирослава предложила клиентам сесть там, где они хотят. И каждый самостоятельно, не огля-

дываясь на другого, выбрал себе место.

Когда они расселись, детектив сказала:

— Я слушаю вас.

И вот тут-то три брата одновременно посмотрели на четвертого. А именно на Игоря Гришина.

Мирослава предположила, что он старше остальных по возрасту, хотя позднее выяснилось, что это не так. Но по какой-то причине именно он пользовался у братьев непререкаемым авторитетом.

— Я вам звонил, — сказал между тем Игорь Гришин, — мне и излагать нашу историю. Я постараюсь быть кратким.

— Это необязательно, — невольно улыбнулась Мирослава.

Он внимательно посмотрел на нее и проговорил каким-то проникновенным голосом:

— Понимаете, у нас есть бабушка.

— Понимаю.

— Нас четверо внуков. Мы в бабушке души не чаем! — произнес он жарко и, подумав, зачем-то добавил еще: — В том смысле, что мы ее очень любим.

— Поздравляю, — сказала детектив.

— Не с чем! — вырвалось у одного из внуков.

— Вот как?

— Мы совершили большую глупость! — поспешил пояснить Игорь Гришин. — По приколу подарили бабушке на юбилей билет на курсы женского счастья после семидесяти.

— И что?

— Нам даже в голову не пришло, чему ее там научат!

— Чему же?

— Тому! На курсах она нашла себе подружек.

— Не понимаю, чем это плохо?

— Тем, что они теперь отрываются по полной!

— Я вас, кажется, не понимаю.

— Они ходят на стриптиз!

— Да?! — пряча улыбку, переспросила Мирослава.

— Представьте себе! Но это не все! Бабушка решила выйти замуж!

— В семьдесят лет сделать это еще не поздно, — с самым невинным видом отозвалась детектив.

Все четыре внука посмотрели на нее с явным неодобрением, но Мирослава и ухом не повела, спросила:

— Ваша бабушка богата?

— В том-то и дело, что нет! — привычно ответил за всех братьев Игорь Гришин.

— Тогда почему это вас так встревожило?! —

удивленно спросила Мирослава.

— Потому что она выходит за богатого! — чуть ли не выкрикнул один из братьев.

— О! — выдохнула детектив и добавила: — В таком случае вам радоваться надо.

— Как бы не так! — хором вырвалось у братьев.

— Гм… — недоуменно обронила Мирослава. И проговорила: — В чем проблема?

— У него, в смысле у жениха, — пояснил Игорь Гришин, — двое сыновей и трое внуков.

— Кажется, я начинаю догадываться, — проговорила Мирослава.

— Вот-вот! Их-то уж точно не могла обрадовать перспектива отца и дедушки жениться на нашей бабушке, у которой за душой ни гроша.

— Плюс прицеп из детей и внуков, — сердито фыркнул Владимир Гришин.

— Можно уладить это дело миром.

— Мы боимся, что уже поздно.

— То есть?

— Бабушке стали приходить на телефон эсэмэс с угрозами.

— Она говорила об этом своему жениху?

— Нет. И не хочет.

— Но сказала вам?

— Нет, эсэмэски случайно на телефоне бабушки увидел я, — невесело сообщил Тимур Васюков.

— И рассказали об этом братьям?

— Рассказал. Сам я не знал, что предпринять. Да и вообще… — неопределенно протянул Тимур.

На помощь брату пришел Семен Ладынин:

— Одна голова хорошо, а четыре — лучше.

Мирослава кивнула и спросила:

— А как ко всему этому отнеслись ваши родители?

— Про эсэмэски они ничего не знают. А так отмахиваются, говорят, это ее жизнь, в смысле бабушкина, и пусть живет, как хочет.

— Резонно.

Братья, судя по взглядам, которым они вновь одарили детектива, были с этим не согласны.

— Просто они не хотят понять суть проблемы, — сказал Тимур Васюков.

— Прячут голову в песок, — буркнул в поддержку мнения брата Владимир Гришин.

— Нас поддерживает только давняя бабушкина подруга, — вставил свое слово Семен Ладынин.

— То есть осуждает поведение вашей бабушки?

— Типа того, — смущенно сказал Тимур Васюков.

— Елена Анатольевна всегда была разумной женщиной, — твердо заявил Игорь Гришин.

Мирослава поняла, что ей не переубедить внуков оставить бабушку в покое. Она решила, что здесь нужен не детектив, а психолог. Поэтому проговорила решительно:

— Я вам сочувствую. Но все-таки не понимаю, чего вы хотите от меня? Я занимаюсь исключительно раскрытием убийств.

— Так мы поэтому к вам и пришли! — ошарашил детектива Игорь Гришин.

— В смысле?! — удивленно вырвалось у Мирославы.

— На пороге бабушкиной квартиры убили соседа. Следователь в частном разговоре дал понять, что в убийстве могут обвинить и кого-то из нас!

— В частном разговоре?! — еще больше удивилась Мирослава.

— Ну да, не под протокол это было сказано.

— Не понимаю, с чего бы следователю подозревать в убийстве вас? — Про себя Мирослава предположила, что братья достали следователя, и он, чтобы отвязаться от них, решил припугнуть парней.

— На соседе было пальто бабушкиного жениха, — сообщил ей Игорь Гришин.

— Как оно на нем оказалось? — проявила интерес Мирослава.

— Очень просто! — воскликнул Тимур Васюков. — Он стащил его с вешалки, когда бабушка выходила к почтовому ящику. Она имеет премиленькую привычку оставлять дверь открытой, когда, как она сама выражается, отлучается на минуточку.

Мирослава знала, что такую привычку имеют многие пожилые люди, и не только пожилые. Она спросила:

— Никто не хватился пальто?

— Хватились, — вздохнул Игорь Гришин.

— Но они никому об этом не сказали, — добавил его брат Владимир.

— Почему?

— Не захотели поднимать скандал.

— Интересный взгляд на кражу имущества, — прокомментировала детектив.

— Это все бабушкин жених! — ответил, не скрывая возмущения в голосе, Тимур Васюков.

— Понимаете, — словно извиняясь за бабушкиного жениха, сказал Семен Ладынин, — Ефим Трофимович Скоробогатов человек богатый, поэтому и не захотел заморачиваться с поисками вора своего пальто. Для него одним пальто боль-

ше, одним меньше — никакой разницы нет.

— Что же было дальше? — спросила Мирослава, про себя уже принявшая решение до конца разобраться в этой запутанной истории.

— Пришла жена соседа, Антонина Акимовна, — тяжело вздохнул Игорь Гришин, — вспомнила, чье это пальто, и велела мужу немедленно вернуть вещь ее хозяину.

— Сосед, по ее словам, поначалу не хотел расставаться со своей добычей, но она припугнула его полицией и разводом.

— Второе, скорее всего, напугало его больше, — фыркнул Тимур Васюков.

— Сосед пошел возвращать пальто? — спросила Мирослава.

Игорь Гришин пожал плечами:

— Наверное.

— И его убили именно в это время?

— Да!

— Интересно.

— Очень! Следователь считает, что убить хотели вовсе не нашего соседа!

— А кого?

— Догадайтесь с трех раз, — невесело обронил Владимир Гришин.

— Следователь считает, что убить хотели

жениха вашей бабушки Ефима Трофимовича Скоробогатова? — спросила Мирослава.

— А вы считаете по-другому? — спросил ее Тимур Васюков.

— Не забывайте, что на Свистоплясове было пальто Ефима Трофимовича! — сказал Игорь Гришин.

— Свистоплясов — это сосед, стянувший пальто?

— Ну конечно! Тот еще алкаш!

— Он что же, нес возвращать пальто не в руках, а надев на себя?

— Представьте себе!

— Непонятно, зачем он это сделал.

— Вероятно, хотел напоследок насладиться дорогой вещью. Ведь неизвестно, что у пьяного в голове.

— Склонна согласиться с вами, — кивнула детектив.

— Вот и посудите сами, — сказал Игорь Гришин, — Свистоплясов и Скоробогатов практически одного роста, похожие фигуры у обоих. Поэтому преступник, увидев человека в пальто Скоробогатова, принял его за Ефима Трофимовича и ударил отверткой в спину.

— Отверткой?

— Да, отверткой.

— Отвертка — не камень, не железяка какая-то, на улице ее не найдешь. Это значит, что преступник принес ее с собой.

— Конечно!

— Это говорит о том, что убийца выслеживал свою жертву, и если он опознал ее по пальто, то неплохо знал Скоробогатова вплоть до того, во что он одет, — сделала выводы детектив Волгина.

— Вот и следователь рассуждает в таком же ключе. И кто, спрашивается, мог знать об этом? Только родственники со стороны Скоробогатова и со стороны нашей бабушки. То есть мы!

— Могли знать и просто знакомые Скоробогатова, — возразила Мирослава.

— Могли, — согласились братья, — но в первую очередь подозревать все-таки будут нас и родственников Ефима Трофимовича.

Мирослава ненадолго задумалась. Потом сказала:

— Вы навряд ли будете интересны следователю.

— То есть? — удивились братья.

— Если кто-то и охотится на Скоробогатова, то точно не вы.

— Почему вы так уверены в этом?

— Да потому, что вы от его смерти не получаете никакой выгоды!

— Мы получаем назад свою бабушку, — обиженно посопел Васюков.

— Не будьте ребенком! — слегка повысила голос Мирослава. — Вы каждый жили своей жизнью и к бабушке только наведывались.

— Мы часто ее навещали, — не согласился Владимир Гришин.

— Так, — сказала Мирослава, — давайте определимся, вы хотите, чтобы я нашла человека, который убил соседа на пороге квартиры вашей бабушки, или же вы хотите, чтобы я похлопотала за вас и вам выделили одну на четверых уютную камеру?

— Нет! Нет! — замахали руками братья. — Мы не хотим в тюрьму.

— Так я и думала, — усмехнулась Мирослава и пододвинула Игорю Гришину лист бумаги и ручку, — пишите.

— Что писать? — удивился он.

— Имя-отчество-фамилию вашей бабушки, ее жениха, имена и фамилии ваших родителей и их контакты.

— Родителей не надо, — жалобно проговорил Тимур Васюков.

— Надо, Федя, надо, — ответила детектив.

— Я не Федя, — обиделся Тимур, — и никогда им не был.

— Он у нас темнота, — пояснил Мирославе Владимир Гришин, — лета не знает.

— Я знаю лето, — не согласился Тимур.

— Пишите, пишите, — напомнила Мирослава отвлекшемуся от дела Игорю. — Если знаете имена и контакты детей Скоробогатова, то их тоже запишите, не забудьте о подругах своей бабушки.

— Мы не знаем имен и номеров телефонов ее новых подруг. А вот с Еленой Анатольевной бабушка дружит с юности. Я бы советовал вам с нее и начать.

— Хорошо, начну с нее, — согласилась Мирослава. — Напишите мне имя убитого соседа, его жены, детей, если есть.

— Мы знаем только, как их зовут. Номера их телефонов нам неизвестны.

— Пишите то, что знаете, — разрешила Мирослава.

После того как Игорь Гришин закончил составлять список, детектив взяла из его рук листок и внимательно с ним ознакомилась. Затем спросила:

— Кто из вас будет заключать договор с нашим агентством?

— Я буду, — вздохнул Игорь Гришин.

После чего вся четверка была отправлена Мирославой в приемную к Морису Миндаугасу.

Прошел почти час, прежде чем Миндаугас, проводив двоюродных братьев, зашел в кабинет Мирославы.

— Итак, что мы имеем? — спросил Морис, усаживаясь на стул напротив нее.

— Четверку сумасбродных братцев и убитого соседа под дверью их бабушки, — ответила Мирослава.

— Может, они и не такие уж сумасбродные, — усмехнулся Морис.

— Ты же слышал, сколько времени они морочили мне голову рассказом о причудах своей бабушки.

— Слышал. Но пришли-то они к нам из-за убийства соседа.

— С этого и надо было начинать, — сердито ответила Мирослава.

— Наверное, рассказом о бабушке они хотели ввести вас в курс дела.

— Не знаю я, чего они хотели, но заниматься я собираюсь убийством соседа, а с капризами своей

бабушки пусть они разбираются сами.

— И все-таки странно, — проговорил Морис.

— Что странно?

— Зачем братьям оплачивать расследование убийства соседа?

— Разве ты не понял?

— Что именно?

— Они все четверо уверены, что убить хотели жениха их бабушки, Ефима Трофимовича Скоробогатова.

— А вы в этом не уверены?

— Пока я ни в чем не уверена.

— С чего вы собираетесь начать?

— С кого, а не с чего, — поправила помощника Мирослава.

— С кого, — послушно повторил Морис.

— Как и настоятельно советовали мне Гришины, с давней подруги их бабушки.

— Интересно, почему вы решили последовать их совету? — спросил Морис. А про себя подумал: «Это так не похоже на вас».

— Потому что хочу побольше узнать о прошлом бабушки наших клиентов.

Морис не стал спрашивать, зачем ей это надо, спросил только:

— А чем заняться мне?

— Нырни в интернет и узнай все, что можно, о братьях, их родителях, о бизнесе жениха Ираиды Максимовны.

— А о ней самой? — спросил Морис.

— Ну, если она там засветилась, то да. И еще о курсах женского счастья для великовозрастных дам.

— Хорошо, — ответил помощник детектива.

* * *

На следующий день рано утром Мирослава уехала в город. С вчера она долго думала над тем, предупредить ли ей о своем визите подругу Гришиной или нагрянуть к Карпухиной неожиданно.

В конце концов она решила позвонить Елене Анатольевне. Скорее всего, женщина захочет перезвонить кому-то из братьев, не поверив детективу на слово.

«И это правильно, — подумала Мирослава, — в пожилом возрасте опасно быть доверчивой. Да и в любом другом возрасте в наше время тоже».

Когда Мирослава позвонила давней подруге Ираиды Максимовны на домашний телефон, та, нисколько не удивившись, внимательно выслушала детектива и спокойно проговорила:

— Хорошо, я буду вас ждать. Пташка я ранняя, поэтому не могли бы вы приехать часам к девяти утра?

Мирослава согласилась, хотя и понимала, что встать ей придется ни свет ни заря, учитывая не только расстояние до города, но и возможность пробок.

Без пяти девять на следующее утро она стояла возле двери подъезда, в котором жила Карпухина, и жала на кнопку домофона.

Дверь открылась сразу, из домофона прозвучало:

— Заходите, пожалуйста.

Мирослава про себя удивилась уверенности женщины в том, что пришла именно она, и решила про себя, что незваные гости к Елене Анатольевне не ходят.

Времени до назначенного срока оставалось совсем мало, поэтому детектив, вопреки своей привычке, поднялась на лифте.

Хозяйка поджидала ее возле открытой двери.

— Здравствуйте, Мирослава Волгина, — произнесла она со сдержанной улыбкой.

— Здравствуйте, Елена Анатольевна, — вежливо ответила детектив и шагнула в квартиру, повинуясь приглашающему жесту хозяйки.

Карпухина привела ее в гостиную, усадила в одно из кресел возле журнального столика и тоном светской дамы спросила:

— Вам чай, кофе?

— Спасибо, — дружелюбно улыбнулась детектив, — можно просто побеседовать?

— Можно, — важно кивнула хозяйка квартиры и, пододвигая поближе к гостье сразу две вазы — с конфетами и крупными, судя по всему, крымскими яблоками, предложила: — Угощайтесь.

— Спасибо, — улыбнулась Мирослава, взяла из вазы яблоко и положила его рядом с собой. — Елена Анатольевна, внуки вашей подруги обратились в наше агентство для того, чтобы мы расследовали убийство соседа вашей подруги…

— Я все знаю! — перебила ее Карпухина.

— Даже так? — обронила Мирослава.

— Мальчики позвонили мне и все рассказали.

— Я вижу, что вы у них в авторитете, — попыталась пошутить детектив.

Но Карпухина приняла ее слова за чистую монету и сказала с нескрываемой гордостью в голосе:

— Конечно! Ведь они росли на моих глазах, — пояснила она и добавила: — И даже где-то на моих руках. А сейчас они оказались в сложной ситуации.

— Вы имеете в виду убийство соседа Ираиды Максимовны?.. — осторожно спросила детектив.

— Я имею в виду поведение Ираиды!

— То есть?

— Сами подумайте, как надо себя вести, чтобы у тебя на пороге убили человека!

— По-моему, от этого никто не застрахован, — заметила Мирослава.

— Ничего подобного! — резко возразила женщина и добавила безапелляционно: — Такого никогда не могло случиться со мной!

— Возможно, — не стала спорить Мирослава и попросила: — Елена Анатольевна, не могли бы вы рассказать о своей подруге?

— Конечно, могла бы, — вздохнув, ответила женщина. — Мы с Ираидочкой знакомы с ранней юности. Вместе в институт поступали, вместе учились, в один год вышли замуж за своих сокурсников, гуляли друг у друга на свадьбе. Потом пошли дети. У меня двое, у Ираидочки четверо. Появились внуки. В один год мужей похоронили. И после этого еще больше сблизились. Я была уверена, что мы так и будем тихо-смирно доживать свой век. И вдруг, — глаза женщины гневно сверкнули, — все в одночасье изменилось!

— В одночасье? — переспросила Мирослава.

— Можно сказать, что именно так все и было! Представляете, внуки решили то ли сделать бабушке сюрприз, то ли разыграть ее, взяли и записали ее на курсы женского счастья для тех, кому за семьдесят?!

— И Ираида Максимовна пошла на курсы?

— Не то слово пошла! — сердито взмахнула рукой Елена Анатольевна. — Побежала! Вприпрыжку! И что тут началось!

— Что?

— Ираиду точно подменили!

— Чего же именно в ней коснулись перемены?

— Она стала совершенно другим человеком!

— Например?

— За примером далеко ходить не надо, — насупилась женщина, — Ираида, как молоденькая, стала шастать по кабакам! Посещать стриптиз!

— С кем же она ходила?

— С такими же вертихвостками, в какую превратилась сама!

— И где же она с ними познакомилась?

— Вот на этом самом тренинге женского счастья!

— Понятно.

— Но это не все! Она стала ходить на быстрые свидания!

Мирослава, чтобы не улыбнуться, подняла вверх брови, имитируя удивление.

— Вы вот удивляетесь!

— Не то чтобы очень…

— А ведь это бесстыдство! Если хотите, распущенность! — перебила ее Карпухина.

— Думаю, что в этом нет ничего особо предосудительного, — попыталась Мирослава встать на защиту Гришиной.

— Как это нет?! — напустилась на нее Карпухина. — Как можно так вести себя в нашем-то с ней возрасте?! Ведь это разврат!

Чтобы как-то отвлечь Елену Анатольевну, Мирослава спросила:

— Так значит, на этих быстрых свиданиях Ираида Максимовна и познакомилась с Ефимом Трофимовичем?

— На них самых!

— Насколько мне известно от внуков Ираиды Максимовны, Скоробогатов человек серьезный и, насколько я поняла, порядочный.

— Он состоятельный! И этим все сказано, — презрительно фыркнула Елена Анатольевна.

— Но что плохого в состоятельности Скоробогатова?

— Вы еще слишком молоды, — с осуждением

в голосе проговорила пожилая женщина, — и видно, не слышали поговорку, что «трудом праведным не наживешь палат каменных».

— Ах, вот вы о чем, — мягко отозвалась Мирослава, — на самом деле в жизни бывает по-разному.

— Я живу на свете больше семидесяти лет и ни разу не видела, чтобы кто-то, честно работая, разбогател.

Мирославе были неизвестны истоки богатства Скоробогатова, и поэтому она предложила:

— Давайте не будем считать чужие деньги. Ведь богатство Ефима Трофимовича не имеет отношения к убийству соседа вашей подруги.

— Да как же это не имеет? — всплеснула руками Карпухина и во все глаза уставилась на детектива. — Вы что же, думаете, что убить хотели этого алкоголика?

— Какого алкоголика?

— Да Женьку Свистоплясова!

— А вы что, хорошо его знаете?

— Неплохо! Он же давным-давно живет, жил... — поправилась она, — в квартире напротив Ираиды. Сколько раз с ним нос к носу сталкивалась! И вечно он или пьяный, или выпивши.

— Понятно. И поэтому вы считаете, что убийца

ошибся?

— Конечно, ошибся! Игоряша же вам сказал, что на Свистоплясове было пальто Скоробогатова?

Мирослава сообразила, что Игоряша — это Игорь Гришин. И спросила:

— Значит, вы считаете, что убить хотели Ефима Трофимовича?

— Это как дважды два! Да и полиция так же думает!

— Откуда вы знаете, о чем думает полиция? — спросила Мирослава, пряча улыбку.

— Логику надо включать! — заявила Карпухина и, смерив детектива выразительным взглядом, демонстративно постучала по лбу согнутым указательным пальцем правой руки.

— Ну да, — обронила Мирослава и, поднявшись с кресла, начала прощаться.

— Вы что же, уже уходите? — недоуменно спросила Карпухина.

— Да, Елена Анатольевна, спасибо за уделенное мне время. Вы мне очень помогли.

— А вы даже яблоко не съели. — На этот раз в голосе Карпухиной прозвучало искреннее огорчение.

— Можно, я возьму его с собой? — спросила Мирослава, желая развеять огорчение Карпухиной.

— Да, конечно! — искренне обрадовалась Елена Анатольевна. И, проводив Мирославу до двери, напутствовала ее просьбой: — Вы уж постарайтесь, найдите этого негодяя. Женьку, конечно, не оживить. Но, может, хоть Ефима убережете.

— Все-таки вам жалко Скоробогатова? — спросила Мирослава.

— Да не его! — отмахнулась Елена Анатольевна. — А Ираиду! Эта дурочка влюбилась в него по уши! Того и гляди, с ума свихнется!

— Хорошо, Елена Анатольевна, я обещаю вам, что очень постараюсь найти убийцу Евгения Марковича Свистоплясова.

— Я думаю, что убийцу нужно искать среди родственников Скоробогатова.

— Я поищу, — пообещала Мирослава и побежала вниз по лестнице.

Она сомневалась в том, что к убийству соседа приложили руку родственники Скоробогатова, приняв Евгения Марковича за Ефима Трофимовича.

Детектив решила, что после того как она выслушала полный осуждения рассказ Елены Анатольевны Карпухиной о старинной подруге, неплохо было бы выслушать и саму подругу, то есть Ираиду Максимовну Гришину.

Забравшись в салон своей машины, детектив достала мобильник и набрала номер телефона Гришиной.

— Ираида Максимовна, — сказала она, услышав веселое «алло», — вас беспокоит детектив Мирослава Волгина. Надеюсь, ваши внуки предупредили вас, что обратились в наше агентство с просьбой расследовать убийство вашего соседа Евгения Свистоплясова.

— Да, Игореша мне звонил, — сказала пожилая женщина.

Мирослава отметила про себя, что бабушка, как и ее подруга, называет внука Игорешей.

— Я могу к вам сегодня приехать? — спросила Мирослава.

— Да, конечно, — все так же весело проговорила Ираида Максимовна, — когда вам удобно?

— Прямо сейчас, — ответила Мирослава.

— Жду, — донеслось из трубки, и Гришина отключила связь.

На этот раз Мирославе довольно долго пришлось ждать, когда ей ответят по домофону. Наконец запыхавшийся голос ответил:

— Ой, извините! У меня плюшки подгорали! Вы ведь Мирослава?

— Да, Мирослава Волгина, детектив.

— Помню, помню, проходите.

Поднявшись на нужный ей этаж, Мирослава уже собралась нажать на кнопку звонка, но дверь открылась. На пороге возникла миловидная стройная блондинка с молодежной стрижкой. На ней был элегантный брючный костюм. И только элегантно подвязанный фартук говорил о том, что кроме умения следить за собой дама еще и хозяйством занимается собственноручно.

Когда они оказались в гостиной, Мирослава исхитрилась разглядеть бабушку «Игоряши» более пристально. И призналась себе, что даже самый придирчивый наблюдатель не дал бы Ираиде Максимовне более пятидесяти лет. Разве что с небольшим хвостиком.

— Сейчас будем есть плюшки! — объявила хозяйка дома и молниеносно испарилась.

Вернулась она минут через пять, катя впереди себя сервировочный столик со стеклянной столешницей, уставленной чашками, чайничком, блюдом с плюшками и вазочками со сладостями.

— Вы любите сладкое? — спросила Гришина.

Мирослава ничего не ответила, только улыбнулась.

— Понимаю, — кивнула хозяйка.

«Ничего-то вы не понимаете», — подумала про

себя детектив; говорить о том, что она любит соленое, Мирославе почему-то не хотелось. Но она любила именно его и притом с самого детства.

— Я, знаете ли, время от времени люблю испечь что-нибудь эдакое. — Ираида изобразила пальцами что-то вроде завитков на плюшках. Хотя плюшки выглядели самыми обыкновенными и ничего эдакого Мирослава в них не находила. — Вот только они у меня немного пригорели. Но я думаю, что ничего страшного, — нерешительно добавила Гришина.

— Ничего страшного, — охотно согласилась Мирослава.

Может быть, потому, что ей до плюшек не было никакого дела. Хотя ради приличия она все-таки взяла одну. И тут же приступила к делу:

— Ираида Максимовна, не буду от вас скрывать: кроме ваших внуков я еще имела беседу с вашей подругой Еленой Анатольевной Карпухиной.

— Представляю, чего вам наговорила обо мне Ленка, — фыркнула хозяйка дома, и озорные искорки так и запрыгали в ее очаровательных серо-голубых глазах.

— Я думаю, что Елена Анатольевна сильно привязана к вам и искренне переживает за вас.

— Еще бы ей не быть привязанной ко мне, —

кивнула Гришина, — мы, почитай, с ней всю сознательную жизнь вместе. Я ведь тоже к ней привязана. Но Лена такая моралистка, — доверительно проговорила Ираида Максимовна, не сводя взгляда с лица Мирославы.

— Наверное, ее можно понять, — осторожно проговорила детектив. — Мне кажется, что она желает вам только добра.

— Я тоже желаю и ей, и себе добра, — ответила Ираида Максимовна, переводя взгляд с лица детектива на чашку с чаем.

Она немного помолчала, а потом сказала:

— Только мы с Леной по-разному понимаем суть желаемого добра.

— Поясните, пожалуйста, — попросила Мирослава.

— Пожалуйста, — ответила Ираида Максимовна. — Для Лены добро — это здоровье, крыша над головой, небольшой запас денег, чтобы хватало на все необходимое. И главное — благополучие детей и внуков. — Женщина снова замолчала и на этот раз надолго. Мирослава терпеливо ждала.

— А что добро для вас? — тихо спросила детектив.

— В сущности, все то же самое, — ответила Гришина. — Но я хочу еще получить от судьбы

пригоршню счастья для себя. Понимаете?

— Кажется, да.

— Не просто счастливую старость, а, можно сказать, третью молодость со всеми сопутствующими ей возможностями и удовольствиями. Я не чувствую себя замшелой старухой! Я хочу любить и быть любимой! Я вырастила детей, внуков, я выполнила свой долг по полной, а окружающие требуют от меня, чтобы я до самого конца продолжала оставаться клушей! А я не хочу! Понимаете? — Глаза женщины посмотрели на Мирославу с вызовом.

— Отлично понимаю, — спокойно ответила детектив. — И я совсем не думаю, что ваши внуки и, скорее всего, дети хотят, чтобы вы вели скучную жизнь образцовой старушки. — Губы Мирославы тронула улыбка.

А Ираида Максимовна весело рассмеялась.

— Как это вы хорошо сказали! — воскликнула она и процитировала слова Мирославы: — «Вести жизнь образцовой старушки». Я сразу представила себя в старом застиранном халатике из ситца, с платочком на голове и на ногах старенькие стоптанные тапочки.

— Я не совсем это имела в виду, — засмеялась следом за ней и Мирослава.

— Да-да, знаю! — перебила ее Гришина. — Вы имели в виду образ моей подруги и всех тех пожилых женщин, которые, что называется, блюдут себя. А я вот отрываюсь по полной. Хотя, — она задумалась на мгновенье и продолжила: — Не буду обманывать ни себя, ни вас: если бы внуки не подарили мне эти тренинги женского счастья, я бы тоже недалеко ушла от Лены.

— И чему же такому вас научили на этих курсах? — проявила интерес Мирослава, не удержавшись от того, чтобы не заметить: — Хорошо, что вы не нарвались на мошенников.

— Хорошо, — охотно согласилась с ней Гришина. — Эти тренинги ведут две подруги: Эвелина Бабочкина и Маргарита Искорка.

— Это их псевдонимы? — спросила Мирослава.

— Вы, наверное, очень удивитесь, но это их настоящие имена и фамилии. Мы видели их лицензию и паспорта. Им обоим по семьдесят пять лет. При этом обе прекрасно выглядят. И просто светятся счастьем и излучают энергию света! Они много путешествуют. Полгода назад вернулись из Индии, а до этого были в Бразилии.

— Они замужем?

— Да! У обеих уже третий брак.

— Как интересно…

— Не иронизируйте, — укоризненно вырвалось у Гришиной.

— Ни в коем случае, — ответила Мирослава, — мне действительно интересно.

— Ладно, — махнула рукой Ираида Максимовна, — чтобы полностью оправдать ваш интерес, скажу, что их нынешние мужья — индийские принцы!

— Вы серьезно? — Брови детектива взлетели вверх.

— Не понимаю, чему вы так удивляетесь, — снисходительно отозвалась Ираида Максимовна, — вот у писательницы Марии Арбатовой, насколько мне известно, муж тоже бенгальский принц.

— Но она же писательница, — проговорила Мирослава.

— Понимаю ваш намек, вы хотите сказать: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

— Нет, я имела в виду вовсе не это, — весело рассмеялась Мирослава. И замахала руками: — Не обращайте на меня внимания, Ираида Максимовна, продолжайте, пожалуйста.

— Да, собственно, и продолжать особо нечего.

— Ну как же! Вы рассказали о преподавателях тренингов, но ни слова не сказали о них самих.

Чем вы на них занимались?

— О! Сначала мы познакомились друг с другом. Вы не представляете, какими зажатыми и, я бы даже сказала, напуганными мы практически все были.

— Что же вас напугало?

— Как что?! — искренне удивилась непонятливости детектива Гришина. И тут же пояснила: — Нашим решением прийти на эти курсы!

— И все? — спросила Мирослава.

— А вам мало?

Детектив пожала плечами.

— Ах, молодо-зелено, — шутливо укорила ее Гришина. — Вы забываете, что у каждой из нас за плечами был огромный опыт жизни, умения не выходить за колею, короче, жить как все.

Мирослава ничего не ответила на это признание. Сама-то она точно жила не так, как все. Да и окружающие ее люди вроде бы жили по-разному. Но, наверное, она далеко не все знает о жизни старшего поколения. Так получилось, что родители Мирославы погибли в аварии, когда ей было всего два года. Воспитывали ее дедушка с бабушкой, ну и две тети, тогда еще совсем молоденькие девушки, были рядом.

— До того, как пойти на тренинги, я вполне

довольна была своей обыденной жизнью. И на внуков даже рассердилась поначалу, подумала, что они надо мной подшутить хотят. Как теперь говорят молодые, захотели бабушку по приколу разыграть.

«Надо думать, что Ираида Максимовна была недалека от истины в своих догадках», — промелькнуло в голове у детектива.

— На эти тренинги, — продолжала между тем Ираида Максимовна, — я пошла больше из любопытства. Интересно мне стало, чему это можно научить взрослую, я бы даже сказала, долго живущую на свете женщину.

— И что же?

— А то! Нашим наставницам удалось перевернуть нашу жизнь, вернее, поставить с ног на голову наше представление и о жизни, и о счастье.

— Каким же образом это им удалось?

— На первый взгляд кажется, что самым тривиальным: они просто расширили границы нашего восприятия мира. Сначала мы отправились в небольшой круиз по реке, во время которого лучше узнали друг друга. И, как ни странно, но, общаясь с другими женщинами, я лучше узнала себя. Я поняла, что моя жизнь утекает как песок

между пальцами. И осознала, что дальше так продолжаться не может. С этого момента я решила начать жить по-настоящему! — Ираида Максимовна, не в силах сдержать восторга, развела обе руки, подняв их вверх.

— После речной прогулки, — подсказала Мирослава, — вы отправились на стриптиз…

— А что, разве нельзя?

— Почему же нельзя, можно, — улыбнулась Мирослава.

— На стриптиз мы отправились не сразу, сначала были выставки, театры, филармония, а потом, да, клуб, в котором выступали стриптизеры. Мы пошли туда, чтобы узреть и оценить красоту мужского тела. Наши наставницы сказали нам, что большинство женщин, проживая целую жизнь, так и не постигают красоты мужского тела, поэтому не умеют быть чувственными и наслаждаться дарами, которые преподносит плотская любовь.

— Я, кажется, понимаю, чему именно хотели научить вас ваши наставницы. Раскрепощению…

— Да! И притом в любом возрасте!

— Отлично. Что последовало за стриптизом?

— Быстрые свидания! — воскликнула Ираида Максимовна, и глаза ее при этом озорно блеснули, словно ей было не семьдесят с хвостиком, а

семнадцать или… Во всяком случае, не больше восемнадцати.

— И там вы познакомились с Ефимом Трофимовичем?

— Да! Но далеко не сразу. Сначала я вообще побаивалась отправляться на эти свидания и тем более флиртовать с мужчинами, которых я вижу в первый раз. Но наши наставницы сказали, что это нормально! И в этом нет ничего плохого.

— В общем-то, они правы, — согласилась с неизвестными наставницами Мирослава.

— А еще, — призналась Ираида Максимовна, — у меня в голове сидел страх, что я останусь у разбитого корыта.

— То есть? — решила уточнить Мирослава.

— Ну как же! Девочкам чуть ли не с пеленок внушают, что на десять девчонок приходится девять ребят. А уж в нашем-то возрасте, думала я, на десять старушек один старичок. — Гришина весело рассмеялась. — И знаете что?

— Что? — спросила Мирослава.

— Не важно, сколько ребят на сколько девчонок, важно знать про себя, что тебе, именно тебе мужчина найдется. И вот, когда я в это поверила, тогда и встретила Ефима Трофимовича. Я с первого взгляда поняла, что это мой мужчина. А он

потом сказал мне, что почувствовал то же самое.

— Все это замечательно, — одобрила Мирослава, — и я от всей души желаю вам счастья. Но давайте поговорим о вашем соседе Свистоплясове.

— Давайте. — Ираида Максимовна уронила безвольно руки и вся точно поникла, как цветок в предчувствии грозы.

— Ираида Максимовна, какие отношения у вас были с соседом и с его женой?

— С соседом — никаких. Он почти всегда был выпивши. А я не люблю пьяных. С его женой Антониной мы нормально общались. Она же не виновата в том, что ее Женька пьет. — При этом Ираида Максимовна почему-то посмотрела на Мирославу вопросительным взглядом.

Детектив пожала плечами.

— Ну вот, — продолжила Гришина, — я даже жалела ее, но вслух своей жалости никогда не высказывала. Не хотела ее обижать. И сын их Толик нормальный, непьющий, работящий парень. Женат. У них есть дети.

— Сын живет с родителями?

— Нет, они живут у родителей жены. Хотя Карина, жена Толика, и говорила, что они там живут друг у друга на голове. А Толик смеялся, мол, в

тесноте, да не в обиде.

— Почему же они не переехали на съемную квартиру?

— Для того чтобы снимать квартиру, нужны деньги, — пояснила Гришина, — а деньгами-то они не особо богаты.

— Понятно, — сказала Мирослава и спросила: — Ираида Максимовна, вы не думаете, что убить хотели вашего жениха?

— Мы с Ефимом так не думаем. Но следователь, кажется, в этом уверен.

— Его логику можно понять: кому нужен нищий алкоголик, а ваш жених мог кому-то мешать.

— Кому может мешать Ефим?

— Например, его дети могут опасаться того, что отец завещает свои капиталы вам.

— Очень мне нужны его капиталы, — отмахнулась Ираида Максимовна.

— Но его дети и внуки могут думать иначе.

— И напрасно! Впрочем, я не думаю, что у них могла подняться рука на отца и деда.

— Конкуренты? — предположила Мирослава.

— Про конкурентов я ничего не знаю, — призналась Ираида Максимовна, — я вообще не разбираюсь в бизнесе. Он меня просто не интересует.

— Однако ваш Ефим Трофимович не может существовать отдельно от своего бизнеса. И вам придется принять их вместе.

— Наверное, вы правы, — ответила пожилая женщина, и в ее глазах впервые за все время разговора промелькнула тревога. — О бизнесе и конкурентах вам лучше поговорить с самим Ефимом.

— Хорошо, я поговорю с ним, — согласилась Мирослава, хотя и так собиралась это сделать.

— Я прямо сейчас позвоню ему, — вызвалась Ираида Максимовна.

— Позвоните, — кивнула Мирослава.

Скоробогатов согласился поговорить с детективом и предложил ей приехать к нему на фирму.

Через час с небольшим Мирослава уже входила в кабинет бизнесмена.

Поздоровавшись с ней, Скоробогатов придирчиво осмотрел ее с ног до головы, потом предложил сесть и сам сел напротив.

— Я знаю, о чем вы хотите поговорить со мной, — сказал он.

— В этом нет никакого секрета, — ответила Мирослава.

— Да-да, убийство соседа Ираиды, — кивнул он. И озадачил ее: — Но сначала я хочу поговорить с

вами о другом.

— О чем же? — спросила Мирослава.

— Как вы относитесь к смыслу жизни? — спросил хозяин кабинета.

— К смыслу жизни? — не поверила своим ушам детектив.

— Да-да, вы не ослышались, — улыбнулся он.

— Затрудняюсь ответить.

«Не говорить же ему, — решила Мирослава, — что, по ее мнению, смысл жизни заключается в том, чтобы просто жить и по мере возможностей не пятнать свою жизнь неблаговидными поступками или, как говорят продвинутые, не портить себе карму». Но она вовсе не собиралась делиться сокровенными мыслями со свидетелями, проходящими по тому или иному делу.

— А я в последнее десятилетие часто задумывался над этим самым смыслом, — сообщил Скоробогатов.

— И что же надумали? — спросила Мирослава для того, чтобы поддержать разговор.

— Вы слышали что-нибудь о Диогене? — спросил бизнесмен.

— Я слышала о двух Диогенах. Какого именно вы имеете в виду? — ответила вопросом на вопрос Мирослава.

— Двух?

— Да, Диоген Синопский и Диоген Лаэртский.

— О! Как честный человек, я должен признаться, что знаю только одного из них. Того, который сидел в бочке и нагрубил Александру Македонскому, попросив в ответ на предложение царя исполнить его любое желание отойти и не заслонять солнце.

Мирослава улыбнулась.

— Еще он ходил днем с зажженным фонарем, — продолжил Скоробогатов. — Когда его спросили, что он делает, философ ответил: «Ищу человека».

— Это Диоген Синопский. И он сидел не в бочке.

— А в чем же, по-вашему? — усмехнулся мужчина.

Мирослава проигнорировала его усмешку и ответила:

— Прославленный философ не мог сидеть в бочке по той простой причине, что бочек тогда еще не было. Ученые выяснили, что Диоген жил в глиняном сосуде, который назывался — пифос. Такие сосуды часто обнаруживали археологи при раскопках. Большая часть пифосов имели высоту полтора-два метра. Их полностью закапывали в землю и хранили в них зерно, вино, соленую

рыбу и другие продукты. Один из таких пифосов и превратил в свое жилище Диоген. Философ поместил его на центральной площади города Коринфа.

— Допустим, — кивнул Скоробогатов в знак того, что принял к сведению сообщенную Мирославой информацию, и спросил: — А что известно о вашем Диогене?

— О моем? — улыбнулась Мирослава. — Вы имеете в виду Диогена Лаэртского?

— Да!

— О нем почти ничего не известно.

— То есть?!

— Диоген Лаэртский — позднеантичный историк философии, живший предположительно во втором-третьем веке нашей эры. Никто ничего не знает о его жизни, но до нашего времени дошли его труды, в основном это сочинения о других великих людях древности.

— Понятно. Тогда давайте вернемся к моему Диогену, — предложил Скоробогатов.

— Что ж, давайте вернемся, — не стала возражать Мирослава.

— Вы помните, что он говорил о смысле жизни?

— «Если в жизни нет удовольствия, то должен

быть хоть какой-нибудь смысл», — ответила детектив.

— А конкретно о смысле жизни?

— Диоген был киником и считал, что человек должен довольствоваться малым. Но к вам, я думаю, это не относится, — добавила она.

Скоробогатов поморщился и сказал:

— Так вот, Диоген считал, что смысл жизни состоит в достижении состояния самодостаточности, — с нажимом в голосе проговорил Скоробогатов, — когда человек постигает суетность внешнего мира и становится безразличным ко всему, кроме спокойствия собственной души.

— Насколько я понимаю, — пряча улыбку, проговорила Мирослава, — вы с ним не согласны.

— Представьте себе, нет. Вернее, не совсем. Не стану отрицать, что не смог бы всю жизнь обходиться плащом, посохом и миской.

Дедушка с бабушкой о смысле жизни Мирославе ничего не говорили, просто трудились всю жизнь и растили детей и внуков. Но тем не менее ей нужно было выруливать из сложившейся ситуации, и она спросила дружелюбно:

— Я предполагаю, что ближе к старости Диоген несколько отошел от строгих принципов, которых придерживался изначально.

— Что вы хотите этим сказать? — выразил явную заинтересованность Ефим Трофимович.

Мирослава охотно объяснила:

— В 338 году до нашей эры разразилась названная Херонейской битва греков с македонским царем Филиппом Вторым. Диоген покинул Афины, отправившись к берегам Эгины. Но корабль, на котором он плыл, захватили пираты. Все, кто находился на корабле, были либо убиты, либо взяты в плен. В числе выживших был Диоген. В те времена работорговля была обычным делом, и Диоген оказался на невольничьем рынке. Пожилой философ не мог похвастаться силой, выносливостью, ремесел он тоже не знал. Но сумел восхитить своим остроумием купца-коринфянина Ксеанида, который решил, что Диоген будет хорошим учителем для его детей. И он не ошибся в своем выборе. Евбул в книге «Продажа Диогена» рассказал, что Ксеанид не прогадал, и Диоген оказался превосходным воспитателем и наставником для его детей. Диоген не только обучил их всем существовавшим тогда наукам, но и научил многим полезным вещам, которые пригодились им в повседневной жизни.

— Типа варить, стирать, штопать, — усмехнулся Скоробогатов.

— Типа, — кивнула Мирослава. — Ученики любили учителя и заботились о нем, заступались за Диогена перед родителями. Знакомые философа предлагали выкупить его из рабства, но он категорически отказывался от их предложений, утверждая, что даже в рабстве он может быть «господином своего господина». Скорее всего, Диогену неплохо жилось в доме Ксениада — у него была крыша над головой, регулярное питание и доброе отношение учеников. Обретя свободу, он лишился бы всего этого. На старости лет о нем некому было бы позаботиться. А так, по словам все того же Евбула, Диоген дожил у Ксениада до глубокой старости. Умер философ в родном Коринфе и, что особенно интересно, в один день с Александром Македонским — 10 июня 323 года.

— Не знал подробностей его жизни, — задумчиво проговорил Ефим Трофимович. — Получается, что на склоне лет даже для философа еда и крыша над головой важнее свободы. Но я его не осуждаю.

— Я и подавно, — ответила Мирослава и тут же спросила: — А что вы сами, Ефим Трофимович, думаете о смысле жизни?

— Вам на самом деле интересно это знать? — неожиданно хитро прищурился Скоробогатов.

— Конечно, — ответила она, не отворачиваясь от его испытующего взгляда.

— Вот доктор Мясников, — не спеша проговорил Ефим Трофимович, — высказал интересную мысль. Суть ее заключается в том, что никакого смысла жизни не существует. И нужно просто жить.

«Ого, — подумала Мирослава, — доктор-то, оказывается, мой единомышленник».

— Но при этом свою жизнь нужно раскрашивать как можно ярче.

— Разумно, — согласилась Мирослава.

— Именно этим, — усмехнулся Скоробогатов, — я и начал заниматься на склоне своих лет.

— Вы имеете в виду свой роман с Ираидой Максимовной? — спросила детектив.

— Да, — кивнул он, — его в первую очередь, но не только. Просто мы с Ираидочкой решили раскрашивать свою жизнь вместе. И какие у кого-то могут быть возражения? — насупил он брови.

— Никаких, — открыто улыбнулась ему Мирослава.

— Это у вас никаких, а у других имеются.

— И какие же?

— Седина в бороду, бес в ребро. И все в таком духе с намеком на то, что в нашем возрасте пора

подумать о душе.

— Я думаю, что о душе, в смысле ее состояния и содержания, нужно думать всегда, — заметила Мирослава.

— И я о том же! — обрадовался ее пониманию Скоробогатов.

— Ефим Трофимович, под другими вы имеете в виду своих детей?

— Ну что вы?! — искренне возмутился мужчина. — Я воспитал достойными людьми своих детей и внуков.

— Тогда детей Ираиды Максимовны?

Скоробогатов недолго подумал и помотал головой:

— Нет, с детьми Ираиды все в порядке. Но вот ее внуков, как мне кажется, что-то смущает в наших отношениях с их бабушкой.

— Что же?

— Не знаю, — развел руками Скоробогатов.

— А я, кажется, знаю, — проговорила Мирослава.

— И что же? — Казалось, он весь превратился во внимание.

— Убийство на ее пороге соседа Евгения Марковича Свистоплясова, одетого в ваше пальто.

— Да, незадача, — вздохнул Скоробогатов и

спросил с толикой недоверия в голосе: — Вы думаете, что только это?

Мирослава молча кивнула.

— Вы все-таки думаете, что убить хотели меня? — спросил бизнесмен.

— Не исключено.

— Не всегда я действовал по закону и даже по совести, — с тяжелым вздохом признался Ефим Трофимович.

«Елена Анатольевна была права», — промелькнуло в голове детектива.

Словно угадав ее мысли, Скоробогатов сказал:

— Но это все в далеком прошлом. Неблаговидные поступки своей жизни позднее я постарался загладить благотворительностью. Я и сейчас продолжаю тратить на добрые дела немало средств.

— А как относятся к этим непредвиденным тратам ваши дети?

— С пониманием, — уверенно ответил мужчина. И, не удержавшись, добавил: — Я вам уже говорил, что воспитал своих детей достойными людьми.

— Я помню, — ответила Мирослава, — но далеко не все выносят испытание большими деньгами.

— Я знаю об этом, — ответил Скоробогатов, — поэтому сызмальства приучал детей зарабаты-

вать деньги самостоятельно. И им это понравилось. Они очень скоро поняли, что деньги, заработанные своими руками и своей головой, имеют вес, стократно превышающий вес денег, полученных просто так из чужих рук. Даже если это руки родного отца.

— В теории все это может быть и так, — сказала Мирослава, — но на практике…

— На практике, — перебил ее Скоробогатов, — я давно разделил свою компанию на равные части между своими детьми, и они активно участвуют в ее управлении, планировании и развитии. Так что им хватает своих барышей, и нет нужды убивать отца, чтобы получить те крохи, что им достанутся после моей кончины.

— Что ж, Ефим Трофимович, — сказала детектив, — мне кажется, что вы приняли мудрое решение.

— Ну еще бы, — довольно хмыкнул он.

— Но все-таки, может быть, вы отыщете в своей памяти хоть одного какого-нибудь завалящего недоброжелателя.

Скоробогатов весело рассмеялся, потом развел руками и проговорил:

— Помилуйте, сударыня, я бы и рад угодить вам, но не припомню никого.

— Спасибо за то, что уделили мне время, — сказала Мирослава, поднимаясь со стула.

— Разве я мог поступить иначе, — благодушно отозвался Ефим Трофимович, — ведь я в некотором роде лицо заинтересованное.

«Ох, и лукавит Ефим Трофимович, — подумала про себя Мирослава, — он лицо, заинтересованное в раскрытии убийства не в некотором роде, а напрямую».

Но после разговора с ним у нее не осталось причин считать, что убить хотели именно жениха Ираиды Максимовны Гришиной. А ведь ее внуки считали именно так. Иначе они не обратились бы в детективное агентство. Только беспокойство за бабушкино благополучие могло заставить парней потратить деньги на детективов.

Мирослава подумала и решила, что встречаться с детьми Скоробогатова, пожалуй, не стоит. Она предполагала, что их всех по очереди сейчас трясет следователь. Главная версия у полиции то, что соседа убили по ошибке, из-за надетого им чужого пальто. Убить же хотели именно богача Скоробогатова. И полиция не свернет с этого пути, пока не узнает всю подноготную семейства Скоробогатовых.

«Бедные», — посочувствовала им Мирослава.

Ее интуиция подсказывала, что в данном случае искать нужно, как говорится, прямо под фонарем. Правда, пока голос интуиции звучал очень тихо. И поэтому Мирослава решила познакомиться с детьми Ираиды Максимовны Гришиной.

Она обзвонила их по очереди и назначила каждому из них свидание в «Белоснежке». Никто из них не отказался встретиться с детективом. Если в их голосах и звучало что-то, то явно не страх и не опасение, а скорее любопытство.

Встреча была назначена на завтра. Сегодня же ее ждали вкусный ужин и уютный вечер в кругу так называемой семьи — помощника Мориса Миндаугаса и кота Дона.

После того как посуда была убрана со стола и они расположились возле камина, Морис спросил:

— Вы не думали о том, как мы будем встречать Новый год?

— Как обычно, — лениво отозвалась Мирослава.

— Что значит, как обычно? — не согласился он. — Каждый Новый год должен быть особенным.

— Ну-ну, — насмешливо протянула Мирослава, — нарядим нашу красавицу-елку, накроем

стол, откроем шампанское. И здравствуй, Новый год!

Морис не удержался и хмыкнул:

— Какая вы, однако, неоригинальная.

— Оригинальности мне хватает в работе. А в виде новшества можем еще прикупить игрушек для нашей елочки.

— Можем, — согласился он. — А вместо Деда Мороза поставим под нее Шуру.

— Ты хочешь заморозить моего лучшего друга? — Она погрозила ему пальцем.

Перед новогодним праздником они наряжали елку, которая росла у них во дворе. Так что замерзнуть под ней ночью было немудрено. Но Морис предложил выход:

— Мы наденем на него тулуп, валенки и шапку.

— Слышал бы Шура твои слова, — сказала Мирослава.

— Я надеюсь, что вы не передадите ему их, — засмеялся Морис.

— Ладно, шутки в сторону, лучше скажи, что ты нарыл в интернете на фигурантов нашего дела.

— Представьте себе, никакого криминала.

— И на жениха Ираиды Максимовны Гришиной?

— Если вы имеете в виду Скоробогатова, то он чист перед законом, яки слеза младенца.

— Ты уверен? — не поверила Мирослава.

— Увы и ах, — ответил он, — если у Ефима Трофимовича и были в прошлом какие-то грешки, то небольшие. Темные личности его не крышевали, он не был своим среди криминальных авторитетов.

— Интересно, как же он умудрился не попасть на зуб ни одной хищной рыбе, которыми кишмя кишели просторы бизнеса в еще не столь отдаленные времена.

— Понятия не имею, — отметил Морис. — Хотя, — задумался он, — среди его друзей был некто Гуревич Иван Степанович.

— Шутишь? — присвистнула Мирослава.

— Да нет, в Сети имеются их совместные фото на пикнике, на рыбалке, на охоте. Два десятка лет назад Гуревич был большой шишкой в МВД. Но теперь он ведет скромную жизнь заслуженного пенсионера на своей даче в пригороде. Правда, дача, по слухам, немаленькая. Но сути дела это не меняет.

— В таком случае со Скоробогатовым все понятно, — проговорила Мирослава.

— С его детьми и внуками тоже все в порядке.

— Так я и думала. А что с детьми и внуками Ираиды Максимовны?

— С ними вообще все просто — учитель, врач, архитектор, инженер. Внуки, вернее, трое из них, занимаются мелким бизнесом, один адвокат, но, опять же, все в рамках закона.

— И все-таки я хочу с детьми Ираиды Максимовны познакомиться, — сказала Мирослава, — договорилась о встрече с ними в «Белоснежке».

— Со всеми разом? — спросил Морис.

— Да, почему нет?

— Вам виднее, — произнес он, нежно проводя рукой по мягкой шерсти примостившегося рядом кота.

На следующий день Мирослава прибыла в «Белоснежку» раньше назначенного срока, выбрала столик.

Фишкой кафе было то, что весь обслуживающий персонал был там облачен в одежду гномов и гномих, сама хозяйка кафе время от времени проплывала мимо посетителей по залу в облике Белоснежки, и каждое ее появление вызывало, особенно у сильной половины посетителей, заслуженный фурор.

Приостановив шествующего мимо гнома, Мирослава попросила его поставить к выбранному

ею столику еще один стул.

Длинноногий рыжеволосый гном и не подумал ей возражать и говорить, что это в их заведении не положено. Нет, он просто кивнул, озорно блеснув при этом своими голубыми, как майское небо, глазами, и приставил к столику пятый стул.

— Спасибо, — поблагодарила его Мирослава и добавила: — От вас веет весной.

— Весной?

— Да! От ваших голубых глаз и солнечных волос.

— А! — выдохнул он и испарился.

Мирослава позвонила на телефоны детям Ираиды Максимовны Гришиной и сообщила номер столика, за которым их ждет.

Никто из них не опоздал и не заставил детектива ждать; вскоре две сестры — Полина Владимировна и Анна Владимировна, а также два брата — Александр Владимирович и Андрей Владимирович уселись за столик и с удивлением стали смотреть, нет, не на детектива! А друг на друга! Как же они удивились тому, что собрались все вместе! И чуть ли не в один голос воскликнули:

— Как же давно мы не виделись!

— На дне рождения мамы, — ответила одна

из сестер.

— Точно, точно, — закивали все остальные.

Обменявшись еще несколькими восклицаниями, они все четверо, как по команде, обратили свои взоры на Мирославу.

— И зачем вы нас собрали здесь? — спросил Александр Владимирович, отец Игоря Гришина.

Все остальные просто закивали, и Мирослава поняла, что Александр в этой компании неформальный лидер. Она вспомнила его сына, и уголок ее губ дрогнул в едва заметной улыбке.

«Видно, это у них наследственное», — подумала она.

— Я просто хотела увидеть вас, — ответила детектив.

Если ее ответ и ошарашил их, то ни один из них не выдал своего удивления. Мирослава не сомневалась в том, что Игорь проинформировал родителей, теть и дядю о том, что нанял частного детектива.

— Для начала давайте познакомимся, — предложила она.

— За этим дело не станет, — ответил Александр Владимирович Гришин и назвал себя.

Его сестры и брат последовали его примеру.

— Рада с вами познакомиться, — сказала Ми-

рослава.

— Мы тоже, — ответили они вразнобой и без особого энтузиазма.

— Вы, конечно, знаете, что убит сосед вашей матери?

— Туда ему и дорога, — сразу же отозвалась Анна.

— Почему? — спросила детектив.

— Да потому, что он уже всех достал! Тырит все, что плохо лежит! И попрошайничает.

— Плохо, что дядю Женю убили на мамином пороге, — сказала Полина.

— Хорошего в этом мало, — согласился Александр Владимирович и спросил: — Но мы-то тут при чем?

— Так это твой сын нанял детектива, — хмыкнул Андрей Владимирович.

— Допустим, что детектива Игорь нанимал не один, — ответил брату Александр и обвел окружающих многозначительным взглядом.

— Не ссорьтесь, мальчики, — призвала братьев к порядку Анна.

— Нанял и нанял, — поддержала сестру Полина и обратилась к Мирославе: — Если вы хотите нас о чем-то спросить, то спрашивайте, мы ответим на все ваши вопросы.

— Конечно, ответим, — кивнула Анна.

Мирослава отметила про себя, что, судя по всему, сестры, в отличие от братьев, дружны между собой. Но это не относилось к делу, поэтому она не стала развивать свою мысль.

Обведя взглядом присутствующих, она сказала:

— Меня интересует ваше мнение по поводу того, хотел ли убийца убить вашего соседа или был намерен отправить на тот свет вашего будущего отчима.

— Я думаю, что убить хотели Ефима Трофимовича, — тихо сказала Полина.

— Почему вы так считаете?

— Потому что кому может быть нужен наш сосед дядя Женя Свистоплясов? Он алкоголик. И у него ничего нет.

— Да уж, — согласился Александр, — у дяди Жени в кармане вошь на аркане и блоха на цепи.

— А мне кажется, что убить хотели именно Свистоплясова! — возразила Анна. — И никакое чужое пальто не могло обмануть убийцу.

— Да за что же его убивать? — спросил Александр.

— За то, что он всех достал.

— Вообще-то за это не убивают, — возразил

брат. Но особой уверенности в его голосе не было.

— А каково ваше мнение? — обратилась Мирослава к отмалчивающемуся Андрею.

— Я не знаю, — ответил он, — пусть полиция выясняет, кто и кого хотел убить. А вам предстоит искать, кто убил Свистоплясова, раз уж вы заключили договор с нашими сыновьями.

— В общем-то, вы правы, — согласилась Мирослава, — но ведь у вас все-таки есть свое мнение на этот счет.

— Разрешите мне оставить его при себе, — уперся Андрей.

— Вольному воля, — отозвалась детектив.

— Андрюша думает, что убить хотели Скоробогатова, — подала голос Анна.

— Да? — переспросила Мирослава. — Почему же он молчит?

— Тактика у него такая, — усмехнулся Александр, — ни во что не вмешиваться.

— Типа моя хата с краю, — добавила Анна.

— Хочу заметить, — проговорила детектив, — что это самое опасное место расположения для хаты.

— Я никого не трогаю! — повысил голос Андрей, видимо, задетый обструкцией брата и сестер. — И

хочу, чтобы меня никто не трогал.

Мирослава не собиралась перевоспитывать взрослого мужчину и просто пожала плечами, давая таким образом понять, что готова считаться с его точкой зрения.

— Что вы можете рассказать мне о Евгении Марковиче Свистоплясове?

— О дяде Жене и говорить-то нечего, — ответила Анна, — сколько я себя помню, он вечно пьяный.

— И почти никогда не работает! — сказала Полина.

— Совсем?

— Ну почему же совсем, — усмехнулся Александр. — Тетя Тоня все время пытается куда-нибудь его пристроить. Но он проработает день-два, от силы неделю, и вылетает!

— Вылетает?

— Точно так! Вернее, его выгоняют за пьянку.

— Даже в грузчиках он не задерживается.

— Выходит, что он жил на деньги жены? — спросила детектив.

— Выходит, так, — сказала Полина, — тетя Тоня всю жизнь работает на двух, на трех работах.

— Почему же она его до сих пор не выгнала? — спросила Мирослава.

Полина вздохнула:

— Понимаете, эта квартира была собственностью родителей дяди Жени и досталась ему по наследству. А тете Тоне идти некуда, она сама детдомовская. Вот и мучается всю жизнь с пьяницей.

— А дети?

— У них только сын Толик. Но он, слава богу, к бутылке не прикладывается. Женился на хорошей девушке. Дети у них. Два сына. Хорошие мальчики.

— Да только с тестем и тещей мало радости жить, — заметил Александр.

— То есть у Свистоплясовых квартира маленькая и семье сына места там нет?

— Квартира у них большая! — возразила Анна. — Просто Карина, это жена Толика, — пояснила женщина, — не хочет жить в одной квартире с алкоголиком. И ее понять можно! Какой пример возьмут внуки с деда, вечно стоящего на бровях?

— Перспектив получить жилье у семьи Толика и Карины нет? — спросила Мирослава.

— Не предвидится.

— Ипотека?..

Полина замахала руками:

— Что вы! Это кабала на всю жизнь. Да и зарпла-

та у Толика с Кариной, что называется, средняя. А детей надо одевать, обувать, кормить и, к сожалению, время от времени лечить.

— Получается, что надеяться они могли только на уход в мир иной отца семейства, — сделала вывод детектив.

— Вы говорите страшные вещи, — осуждающе проговорила Полина.

— И если вы на что-то намекаете, — добавила Анна, — то ни жена, ни сын, ни невестка на это не способны.

— Я ни на что не намекаю, — ответила Мирослава.

Про себя же подумала, что нужно проверить алиби всех членов семьи Свистоплясовых.

— И у меня к вам еще один вопрос: скажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к предстоящему браку своей мамы с Ефимом Трофимовичем Скоробогатовым?

— Мы только «за»! — хором ответили сестры. — Мама имеет право быть счастливой.

— Иметь-то она имеет, — не удержался на этот раз Андрей, — но как отнесутся к этому дети Скоробогатова?! Ведь он весьма и весьма богатый Буратиночка.

Мирослава не собиралась сообщать кому бы

то ни было, в том числе и сидящим сейчас с ней за одним столом детям Ираиды Максимовны, что Буратиночка уже разделил свое богатство между детьми и у них не может быть претензий к женитьбе отца.

— Лично я думаю, — между тем проговорил Александр, — что наша мама и Ефим Трофимович оба взрослые и дееспособные люди, и им самим решать, связывать свои судьбы или нет.

— Что ж, давайте хотя бы выпьем кофе и съедим хоть какой-то десерт, чтобы не огорчать милого гнома, уже уставшего бросать в нашу сторону призывные взгляды, — сказала Мирослава.

Присутствующие рассмеялись.

Александр сказал:

— Лично я закажу полноценный обед.

— Я, пожалуй, тоже, — последовал примеру брата Андрей.

Обе сестры и детектив ограничились вкусным фирменным чаем Белоснежки и яблочным пирогом, посыпанным корицей.

На следующий день Мирослава отправила Мориса проверять алиби Анатолия и Карины Свистоплясовых. Они были оба работающими людьми. Евгения Свистоплясова убили в будний день. Следовательно, нужно было узнать, не отлу-

чались ли муж и жена Свистоплясовы с работы.

Сама же отправилась искать улики под фонарь, то есть на место преступления.

Начала она с поквартирного опроса.

Никто из соседей не сказал ни одного хорошего слова в адрес убитого. Зато все жалели жену и сочувствовали семье сына.

Одна из соседок так и сказала:

— Хоть поживут теперь по-человечески.

Другая, Татьяна Игнатовна Красавина, и вовсе разоткровенничалась и сообщила детективу, что Женька Свистоплясов получил наследство, и теперь-то он его точно не пропьет.

— Какое такое наследство? — удивилась детектив. Ей никто и словом не обмолвился, что убитый получил наследство.

— Какое точно, я не знаю, — ответила женщина, — но покойник незадолго до того, как его убили, говорил, что большое, и хвастался, что теперь-то он позовет всех своих дружков, и они славно погуляют.

— Странно, если он получил наследство, то зачем ему понадобилось воровать чужое пальто?

— Это вы странная женщина, — проговорил подошедший к ним мужчина.

— А вы, собственно, кто? — спросила Миро-

слава.

— Сосед я из квартиры напротив, вот, ходил за хлебом, за кефиром. — Он поднял пакет со своими покупками и потряс им чуть ли не перед самым носом детектива. — Зовут меня Аркадий Самуилович Ливянт.

— Очень приятно, Аркадий Самуилович, а я детектив Мирослава Волгина.

— Взаимно, — кивнул Ливянт.

— Аркадий Самуилович, почему вы назвали меня странной женщиной?

— Потому что вы не понимаете очевидной вещи.

— Поясните, пожалуйста, какой именно.

— Вам непонятно, зачем Женька украл пальто, если получил наследство?

— Допустим…

— Милая барышня! Наследство еще оформить и продать нужно, а трубы у Свистоплясова горели сейчас! Сию минуту! Вот он и примеривался продать чужое пальто, а деньги пропить. Да жена помешала.

— Откуда вы это знаете?

— Так Антонина сама рассказала, — ответил Ливянт.

— Татьяна Игнатовна, — обратилась Миросла-

ва к Красавиной, — вы не помните, кто слышал, как Свистоплясов рассказывал вам о наследстве?

— Я слышал, — ответил вместо соседки Ливянт.

— Еще Тая Гузельская с первого этажа с нами стояла и Вася Попереченков с четвертого этажа.

— Больше никого не было?

— Вроде нет, — ответила женщина.

— Из взрослых больше никого не было, — подтвердил ее слова Аркадий Самуилович.

— А не из взрослых? — быстро спросила Мирослава.

— Подростки внизу тусовались. Но не думаю, что они к нашему разговору прислушивались, — сказал Ливянт.

— Вы не помните, кто именно из подростков там был?

— Я и не видел кто, просто слышал, что они там шумят.

— Мы уже сколько раз их из подъезда гоняли, — пожаловалась Красавина, — а они все равно там кучкуются.

— Вы сказали, что семья сына Свистоплясовых здесь не живет?

— Не живет, — кивнула Красавина.

— А внуки бабушку навещают?

— Навещают, конечно. Карина, сноха, в аптеке работает, так она и лекарства присылает Антонине. Внучок их приносит.

— Вы не знаете, давно приходили внуки к Свистоплясовым?

— Да нет, недавно. Володя прибегал. Сашу давно не видела.

— Не в тот ли день мальчик приходил, когда их дедушка перед соседями наследством хвастался?

— Этого я сказать не могу. Не знаю.

— Что же, спасибо, — сказала Мирослава и, поднявшись этажом выше, нажала на кнопку звонка квартиры Свистоплясовых.

Дверь ей открыла немолодая женщина во всем черном.

— Антонина Акимовна Свистоплясова? — тихо спросила Мирослава.

— Да. А кто вы?

— Я детектив Мирослава Волгина.

— Но полиция уже расспрашивала меня.

— Да, я знаю. Но я не из полиции.

— А откуда? — на этот раз удивилась женщина.

— Я частный детектив. Веду расследование по поручению внуков Ираиды Максимовны.

— Ах, вот оно что! Полиция говорила мне, что

моего мужа убили по ошибке. Но мне от этого не легче. — Жена Свистоплясова всхлипнула с такой искренней горечью, что в мыслях детектива пронеслось: «Так ведь она любила его! Не зря говорят, что любовь зла». Додумывать свою мысль она не стала.

Мирославе не хотелось причинять женщине дополнительную боль, но она должна была спросить ее:

— Антонина Акимовна, вы не допускаете мысли, что убить на самом деле хотели вашего мужа, а не Скоробогатова?

— Господь с вами! — замахала на нее обеими руками жена Свистоплясова. — За что же было убивать моего Женечку? Он в жизни даже мухи не обидел.

— Может быть, его убили из-за наследства? — спросила Мирослава.

— Из-за наследства? — широко распахнула заплаканные глаза жена Свистоплясова, вернее, теперь уже вдова. — Из-за какого такого наследства? — переспросила женщина.

— Но ведь тетя оставила Евгению Марковичу наследство?

— Ах, вот вы о чем, — горько рассмеялась женщина. — У Жени на самом деле умерла тетка. Но

никакого наследства она не оставила. Квартира у нее была неприватизированная и отошла государству. Все, на что мог претендовать Женя, так это шесть соток, которые, да, перешли ему. Но толку-то в них!

— То есть? Участок же можно продать.

— Кому он нужен, этот участок с развалившимся фанерным домиком, гнилым забором и заросшим сорняками яблоневым садом и огородиком? — выдохнула Свистоплясова.

— Участок можно облагородить, забор восстановить, на месте развалившегося домика построить новый.

— Нет, нельзя, — покачала головой Антонина Акимовна. — Там полным-полно таких заброшенных дач, и никто ничего в этом месте покупать не хочет.

— Почему?

— Потому что, во-первых, далеко, а во-вторых, никакой транспорт туда не ходит.

— Но дачи же кто-то построил.

— Построили, — кивнула Свистунова. — При царе Горохе, когда была советская власть, работал завод-гигант, от которого теперь и кучки пепла не осталось. Вот он-то и давал своим работникам шесть соток, как теперь говорят, в экологически

чистом месте, и возил туда людей на заводском автобусе. Советская власть окончилась, завод давно сровняли с землей, дачи люди побросали. Старики умерли, а молодым они и бесплатно не нужны.

— Но соседи говорят, что ваш муж хвастался своим наследством, намекал на то, что его можно выгодно продать.

— Язык у моего Женечки был без костей, — вздохнула женщина, — да и цену он любил себе набивать. Хотел, чтобы люди его уважали. А уважать-то его было не за что, — признала жена Свистоплясова и всхлипнула.

Мирослава подождала, пока она успокоится, потом спросила:

— Может быть, ваш муж накануне своей гибели с кем-нибудь ссорился?

— Ни с кем он не ссорился. Да его и не принимал никто всерьез. Даже если Женя лез в бутылку, от него просто отмахивались. И он сразу успокаивался. Так что не там вы ищете, — она снова горько усмехнулась, — если только не думаете, что его Ефим Трофимович проткнул отверткой за кражу своего пальто.

— Я так не думаю, — тихо ответила Мирослава и, как показалось Свистоплясовой, сменила

тему: — Антонина Акимовна, вас внуки часто навещают?

— Раза два в неделю. А что?

— Оба?

— Оба. Но чаще всего по очереди. Младший, правда, иногда заиграется и забудет, что к бабушке надо зайти.

— И часто с ним такое случается?

— Да нет, но вот как раз в день гибели дедушки не только забыл прийти, но и лекарства потерял, которые мне с ним Карина посылала. Мы не сразу хватились. Сами понимаете, не до того было.

— Понимаю. Но потом вы спросили внука, как же это случилось? Он объяснил?

— Объяснил. Сказал, что с ребятами в какую-то игру заигрался, а где оставил лекарства, он не помнит.

— Они были в сумке?

— Зачем в сумке, в мешочке, ну в таком, как в «Пятерочке» выдают. Карина их десятками покупает, а потом все в них кладет.

— Еще один вопрос, Антонина Акимовна: ваш внук разбирается в электричестве?

— В электричестве? — переспросила женщина.

— Ну да, типа розетку починить.

— Нет, что вы! Володеньке всего двенадцать

лет, кто же ему доверит чинить электроприборы? У нас вон лампа мигает. Она, конечно, старенькая, как говорится, в обед ей будет сто лет. Но выбрасывать жалко. Она же еще хорошая. А я, грешным делом, — Антонина Акимовна смутилась, — молодость вспомнила и вышивкой занялась. Так мне под ней очень удобно. А она вроде ничего-ничего, да как начнет мигать, точно ей что-то в глаз попало.

— Может, нужно просто лампочку сменить? — предложила Мирослава.

— Нет, лампочка хорошая. Лампочки-то я и сама менять умею. А тут Саша сказал, что-то в ней замыкает.

— Саша?

— Да, старший внук. Я ему позвонила, и он обещал прийти.

— Но не пришел?

— Не успел. Саша занят был с репетитором, ему в этом году ЕГЭ сдавать. А как у него окошко появится, так и обещал забежать. Но не успел, — снова повторила Антонина Акимовна, — убили моего Женечку.

Мирослава решила, что больше ничего узнать о Свистоплясовой она не сумеет, и простилась с убитой горем женщиной.

Не успела она сесть за руль своего автомобиля, как зазвонил ее мобильник. Высветился номер сотового Миндаугаса.

— Морис, я слушаю тебя, — отозвалась она.

— Хочу вас порадовать, — проговорил он, сделал крохотную паузу и добавил: — Или огорчить.

— Пожалуйста, сделай то или другое, но побыстрее, — попросила она, усаживаясь за руль своей серой «Волги».

— Короче, у сына и снохи Свистоплясовых железное алиби. Они были на работе, в обеденный перерыв находились вместе со своими сослуживцами.

— Хорошо.

— Не понял!

— Чего ты не понял?

— Выходит, что результат вас удовлетворил?

— Конечно. Теперь мы знаем, что ни сноха, ни сын не убивали Евгения Свистоплясова. И это, знаешь ли, радует.

— Но все-таки его кто-то убил, — тихо обронил Морис.

— И мы будем его искать, — так же тихо ответила Мирослава и отключила связь.

Она уже хотела было тронуть автомобиль с

места, как передумала, и вернулась в подъезд, в котором жили Гришина и Свистоплясовы.

Детектив решила выяснить, кто из подростков был в подъезде, когда Евгений Свистоплясов хвастался перед соседями своим наследством.

Мирослава прикинула, что подростки чаще всего собираются на площадке между первым и вторым этажом, возле почтовых ящиков. Она не надеялась на то, что кто-то из жильцов мог видеть ребят там. Но наверняка их гвалт мешает кому-то из соседей, и они выходят для того, чтобы прогнать их из подъезда, поэтому тот или иной жилец сможет ей назвать хоть кого-то из завсегдатаев подростковых сборищ.

Начать она решила с первого этажа. Но дверь ей открыли только в одной.

Молодой долговязый парень, выслушав ее вопрос, ответил, что он понятия не имеет, кто из подростков бывает на сборищах в подъезде.

— Вам не мешает шум?

— О! — воскликнул он и замахал на нее руками. — Если бы вы слышали, как орет наш пацан! Его ор перекрывает все шумы!

— Отчего же он у вас так кричит? — спросила Мирослава.

— Зубки у него режутся! Мы с женой уже ко-

торую ночь не спим! Днем ходим как чумные! И ничего не соображаем!

— Что ж, извините, — едва заметно улыбнулась Мирослава, — желаю вашему малышу поскорее обзавестись зубами и позволить вам выспаться.

— Вашими бы устами, — пробормотал парень и закрыл дверь.

Мирослава поднялась на второй этаж. Здесь ей повезло больше. Открылась первая же дверь, в которую она позвонила. Когда она делала поквартирный опрос, в этой квартире никто не отозвался, видимо, хозяйка куда-то уходила.

— Здравствуйте, — сказала Мирослава, — я детектив, меня зовут Мирослава Волгина.

— А я Варвара Геннадьевна Пронина. Чем могу помочь?

— Варвара Геннадьевна, у вас здесь подростки собираются, вам не мешают?

— Так нет, но когда шуметь начинают или, того хуже, курить и дым идет к нам в квартиру, я их просто выгоняю.

— Вы не знаете их имен, адресов?

— Некоторых знаю. За главного у них Мишка Игонин из дома напротив. Квартиру не знаю, но живет в среднем подъезде на четвертом этаже. Потом еще Сева Ростовцев. Живет в подъезде

рядом, квартира, как наша, только на первом этаже. А через подъезд на третьем этаже Валентин Галчонок.

— Галчонок? — переспросила Мирослава.

— Да, фамилия у Вали такая.

— Большое вам спасибо, Варвара Геннадьевна, — поблагодарила Мирослава.

Она спустилась вниз, решив ограничиться полученной от Прониной информацией.

Сначала она отправилась в дом напротив и разыскала Михаила Игонина. Дверь ей открыла младшая сестра Михаила и не только сообщила, что он дома, но и проводила детектива в комнату Михаила.

По внешнему виду парня можно было предположить, что детективы его навещают каждый день. Он охотно согласился ответить на вопросы Волгиной.

Мирослава предположила, что парень был рад тому, что можно было под благовидным предлогом хоть на время оторваться от выполнения домашних заданий, которые он, скорее всего, считал занудной ерундой, которая никак не могла пригодиться ему в будущем.

Он предложил Мирославе удобный стул и спросил:

— Что вы хотите у меня узнать?

— Михаил, скажите, пожалуйста, вы знакомы с Владимиром Свистоплясовым?

— С Володькой что ли? — на этот раз удивился он.

— Можно сказать и так, — кивнула детектив.

— Но он тут не живет. Только забегает к бабушке.

— Скажите, не забегал ли он? — Мирослава назвала день убийства Евгения Свистоплясова.

— Этого я точно не помню, — проговорил подросток и взлохматил набегающую ему на глаза челку.

— А что вы помните?

— Последний раз, когда я его видел, он на нас прицыкнул.

— Что значит прицыкнул?

— Тихо, говорит! Мы от удивления рты открыли. Вообще-то он тихий пацан. А тут вдруг такое. У меня руки зачесались шею ему намылить.

— Намылили?

— Нет. Он сорвался с места и убежал.

— Куда? К бабушке?

— В том-то и дело, что нет. Выбежал из подъезда.

— Может, он вас испугался?

— Куда там! Он даже не смотрел на меня.

— Почему он хотел, чтобы вы помолчали?

— Представления не имею, — пожал плечами парень. — По-моему, он к чему-то прислушивался. Там взрослые базарили. Но я не видел кто, и не слышал, что они там обсуждали.

— Вы не помните, у Володи было в тот день что-то в руках?

— Зеленый пакет из «Пятерочки». Он почти постоянно с такими к бабке своей приходит.

— Спасибо, — сказала Мирослава и пошла искать двух других подростков.

Найти ей удалось только одного Валю Галчонка, он крутил карусель, на которой сидели два карапуза и просто визжали от восторга. Как потом выяснилось, один из карапузов был младшим братом Валентина.

Галчонок поднапрягся и вспомнил, что Володька Свистоплясов прислушивался к громко говорящим на верхнем этаже взрослым, а потом убежал.

— Почему же он убежал? — спросила Мирослава.

— Я думаю, что он услышал голос своего деда и понял, что он пьяный, вот и убежал. Хотя, с другой стороны, — Валя задумался, почесал в за-

тылке, — дед-то его пьяный каждый божий день. Так что не знаю, чего Володька убежал.

Мирослава поблагодарила мальчика и отправилась искать дворника.

Дворника Али она отыскала в дворницкой. Он сразу же предложил напоить ее чаем, так как сам как раз чаевничал.

— Вы просто как Чапай, — пошутила Мирослава.

— Я такой, — важно ответил Али, а потом спросил: — А почему как Чапай?

— Василий Иванович тоже говорил я пью чай, и ты садись пить чай.

— И это правильно, — одобрил Али.

Мирослава хрумкнула карамелькой, которые терпеть не могла, и, дружелюбно улыбнувшись, спросила:

— Али, не находили ли вы зеленый пакет с лекарствами?

— Как не находить, находил, — ответил Али.

— И что вы с ним сделали?

— Объявление на подъездах наклеил, что найден пакет с лекарствами.

— Никто за ним не пришел?

— Нет, — горестно покачал головой дворник, — и объявление содрали. А один жилец даже

обругал меня.

— За что? — спросила Мирослава.

— Сказал, что я своими каракулями дверь порчу, — обиженно ответил Али.

— Скажите, а где сейчас этот пакет?

— Да вон он лежит. — Мужчина кивнул на полки, прибитые к стене. На одной из них и впрямь лежал зеленый пакет.

Проследив за ее взглядом, дворник проговорил:

— Он грязный был.

— Грязный? — быстро переспросила Мирослава.

— Ну да, пятна какие-то размазанные. Я его вытер.

— О господи! — вырвалось у Мирославы.

— Что такое? — встревожился дворник.

— Ничего, — ответила Мирослава, — но, Али, пакет придется отдать в полицию.

— Я бы с радостью, — ответил дворник. — Но боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Что они меня засмеют и прогонят.

— Не прогонят. Мы с вами вместе пойдем.

— Но если только вместе, — несколько недоверчиво протянул дворник.

Мирослава достала мобильник и набрала номер телефона своего клиента Гришина.

Он отозвался сразу:

— Здравствуйте, Мирослава, я слушаю вас.

— Игорь, вы помните фамилию следователя, который ведет дело об убийстве Свистоплясова?

— А как же! Я же имел честь с ним разговаривать. Зовут его Юрий Тимофеевич Абашкин. Блондинчик неопределенного цвета, знаете, такой оттенок, что не сероватый и рыжеватый, что-то среднее.

— Понятно, — сказала Мирослава. — Спасибо.

— А зачем он вам? — заторопился Игорь Гришин, боясь, что она отключит связь. — Вы что-то узнали?

— Я вам позднее дам полный отчет, — ответила Мирослава и отключилась.

С Юрием Абашкиным она была не просто знакома, ей и работать с ним приходилось, в частности, над делом «Зимняя месть». Они тогда неплохо ладили.

Так что, подхватив дворника Али, Мирослава повезла его вместе с зеленым пакетом к следователю.

Уже в машине Мирослава спросила:

— Али, вы трогали то, что находится в пакете?

— Нет, — покачал он головой, — зачем мне? Я заглянул, там лекарства. А мне они зачем? Я же здоровый.

— Точно помните, что не трогали? — на всякий случай уточнила Мирослава.

— Точнее не бывает. Я что, старик что ли, чтобы ничего не помнить? — ответил Али.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — улыбнулась Мирослава.

— Разве можно обижаться на такую красивую девушку? — ответил он.

— Комплимент принят, — улыбнулась Мирослава.

Следователь Абашкин, узнав, кто просится к нему на прием, сразу же согласился принять ее.

— Юрий Тимофеевич, я по делу, — проговорила в трубку Мирослава, — и не одна.

— Вы всегда по делу, — вздохнул он и спросил: — И кто же на этот раз с вами?

— Дворник Али…

— Это уже что-то новенькое, — усмехнулся следователь.

Когда Мирослава вместе с Али вошли в кабинет, Абашкин, широко распахнув руки, направился к ней навстречу. Но увидев, что детектив протянула ему руку, пробормотал себе под нос:

— Обнимашки отменяются, — и пожал ее руку двумя руками.

Али продолжал неуверенно топтаться возле двери.

— Кто это? — спросил следователь, переводя взгляд с Мирославы на дворника.

— Я же вам сказала, это Али, главный свидетель в вашем деле.

— В каком деле?

— В том, которое вы ведете.

— Так у меня, как вы сами знаете, не одно дело.

— Знаю, знаю. Мы пришли к вам с Али по делу об убийстве Евгения Марковича Свистоплясова. У вас ведь никаких версий по этому делу нет.

— Почему сразу нет? — сделал вид, что обиделся, Абашкин. — Сначала мы предполагали, что убить хотели жениха соседки напротив Скоробогатова. Но потом эта версия отпала, и теперь рабочая заключается в том, что его убили свои же дружки-алкаши.

— А вот и нет, — сказала Мирослава. — Мы тут с Али принесли вам раскрытие убийства на блюдечке. Правда, Али? — Она оглянулась на дворника.

— Правда, правда, — закивал он, хотя понятия не имел, о чем именно говорит Мирослава.

— Али, предъяви, пожалуйста, улику, — попросила Волгина.

Дворник с готовностью шлепнул на стол следователя пакет, в котором лежал второй пакет с лекарствами.

— Что это? — спросил следователь, осторожно заглядывая внутрь.

— В пакете зеленый пакет, в котором находятся лекарства, предназначенные жене убитого Антонине Акимовне Свистоплясовой.

— А почему они оказались у вас? — следователь перевел взгляд с Мирославы на Али и обратно.

— Потому что внук Володя Свистоплясов не донес их до бабушки и уронил во дворе. А Али, — Мирослава одарила дворника взглядом, полным уважения, и тот сразу приосанился, — сохранил его.

— Для чего?!

— На пакете с лекарствами должна быть кровь убитого. По крайней мере, какие-то ее следы должны сохраниться.

— Почему здесь следы крови?

— Али не знал, что пакет относится к убийству и протер его.

Следователь вздохнул и попросил:

— А нельзя ли все по порядку рассказать?

— Можно, — ответила Мирослава. — Но учтите, что это пока только моя версия.

— Я учту, — ответил Абашкин и повторил свою просьбу более нетерпеливым голосом: — Вы только рассказывайте.

«Излагайте», — мысленно поправила Мирослава бывшего коллегу и начала свой рассказ с самого начала.

И, уже подходя к завершению своего рассказа, призналась:

— Я тоже сначала склонялась к тому, что убить должны были Ефима Трофимовича Скоробогатова, но, поговорив с ним самим, с его невестой, детьми невесты, я поняла, что эта версия несостоятельна. И тогда я стала думать, кому выгодна смерть Свистоплясова. Все пребывали в уверенности, что этот алкоголик никому не нужен. Да, посторонним его уход из жизни действительно не приносил выгоды. Но у него есть сын, который, можно сказать, ютится в тесной квартире тещи и тестя с женой и двумя детьми, вместо того чтобы жить в большой квартире своих родителей.

— И вы решили, что Свистоплясова убил его сын? — спросил следователь.

— Или его жена, то есть сноха убитого, — ответила Мирослава. — Но у них у обоих оказалось

алиби. Я побеседовала с соседями и узнала, что в день своей гибели Свистоплясов громко, чуть ли не на весь подъезд распространялся о том, что получил большое наследство и, продав его, устроит пир на весь мир для своих дружков. Другие соседи сказали, что во время откровений убитого внизу тусовались подростки.

— И что? — спросил Абашкин.

— Пока ничего, — пожала плечами Мирослава. — Но я поговорила с вдовой Свистоплясова, и она сообщила, что ее навещают внуки. В день гибели деда младший внук Владимир Свистоплясов должен был принести бабушке лекарства, но не только не принес их, но и потерял весь пакет, в котором они лежали.

— Бывает, — обронил Абашкин.

Мирослава проигнорировала его реплику и продолжила:

— Я узнала, что Владимир Свистоплясов стоял внизу вместе с местными подростками, когда его дед рассказывал о наследстве. Он явно прислушивался к разговору взрослых, так как, по словам одного из подростков, даже прикрикнул на них, чтобы они не шумели. Вот список подростков, которые могут подтвердить, что внук Свистоплясовых был в тот день в подъезде и мог слышать

похвальбу деда перед соседями.

— А потом? — спросил следователь, пробегая глазами по бумаге, врученной ему детективом.

— А потом он убежал.

— Убежал, — следователь постучал карандашом по столу, — с чего вы взяли, что он вернулся?

— Интуиция нашептала, — усмехнулась Мирослава.

— Понятно, интуиция. А если серьезно? — спросил следователь.

— Более серьезные вещи вам сообщит пакет, который нашел Али. Если там будут следы ДНК Евгения Свистоплясова, то вам, наверное, нужно будет провести обыск в квартире, в которой живет внук убитого.

— Однако отвертку он уже успел выбросить. Я почти уверен в этом.

— А вот это навряд ли, — не согласилась с ним Мирослава. — Скорее всего, он вымыл ее и положил на место. Нагоняя от отца мальчик получать не захотел бы.

— Понятно.

— И еще.

— Что?

— Если следов от отвертки нет в пакете с ле-

карствами, то он сунул ее либо в карман куртки, либо брюк. Значит, на них должна остаться кровь его деда, как бы он ни старался ее замыть.

— Точно! — воскликнул Абашкин и, прощаясь, пообещал: — Я вам позвоню.

Мирослава предложила Али довезти его обратно до места его работы и проживания. Но он отказался, сказав, что ему нужно на рынок. Тогда она подбросила его до рынка. Предложила подождать. Но он, поблагодарив ее, отказался:

— Я здесь пробуду долго. А обратно доберусь на автобусе, он прямо у ворот рынка останавливается.

— Ну что же, Али, спасибо за помощь и до свиданья.

— Это вам спасибо, — ответил он.

— За что? — спросила Мирослава.

— Не скажу, — ответил он и хитро улыбнулся, а потом помахал ей рукой.

* * *

Следователь Юрий Тимофеевич Абашкин, как и обещал, позвонил Мирославе. Сославшись на то, что разговор это не телефонный, пригласил ее на чашечку кофе в любимую почти всеми горожанами кофейню «Старая мельница». Абашкин перед

началом разговора заказал для нее чашку чая и кофе для себя. На десерт, с согласия Мирославы, он выбрал миндальные пирожные. А для себя, сославшись на то, что голоден как волк, еще и два пирожка с рисом и мясом.

Глядя на то, с каким аппетитом он их уплетает, Мирослава сразу же вспомнила о друге детства Шуре Наполеонове, тоже следователе, который обожал хорошо поесть.

Словно прочитав ее мысли, Абашкин сказал:

— Кстати, вам привет от Шуры.

— Спасибо. Ты поставил его в известность о нашей встрече?

— Мы столкнулись с ним нос к носу в дверях, ну я и проболтался, — виновато улыбнулся Абашкин.

— Ладно, — снисходительно отозвалась она, — спасибо за переданный привет. А теперь рассказывай о деле.

— Собственно, и рассказывать нечего, — вздохнул Абашкин. — Ты правильно все угадала. Мальчишка принес бабушке лекарства, услышал, как пьяный дед хвалится наследством и обещает спустить его на пьянку. А тут еще в семье начались нелады, отец мальчика стал ссориться с тещей, вернее, она с ним. Паренек боялся, что

отец уйдет из семьи. Он после подслушанного разговора выбежал из подъезда, ходил по улице, потом вернулся, чтобы отдать бабушке лекарства, и увидел, как пьяный дед в чужом пальто приближается к квартире соседей. Как он сам признался, не понимает, что на него нашло, но вытащил отвертку, которую стащил у отца, чтобы опередить занятого брата и самому починить бабушкину лампу, и изо всей силы всадил ее в деда. Потом испугался и убежал. Отвертку он вытащил, так как понимал, что отец ее хватится. Сунул ее в карман. При этом испачкал руки, заляпал ими пакет с лекарствами, но даже не заметил этого. Пакет он где-то выпустил из рук. Где, не помнит. Но раз Али нашел его во дворе, значит, там и выронил. Пришел домой, помыл отвертку, положил ее на место. Застирал куртку. Но следы крови, ясное дело, остались и там, и там. Вот, собственно, и весь рассказ.

Они помолчали несколько минут. Потом Мирослава сказала:

— Жалко мальчишку.

— Вы правы, — согласился с ней следователь. — Это один из тех случаев, когда преступника жальче, чем его жертву.

Братья Гришины остались довольны работой

детектива.

На прощание Мирослава сказала братьям:

— Есть простой способ оградить себя и наследников Скоробогатова от всех недоразумений.

— Какой? — спросили братья в один голос.

— Вы не претендуете даже на малую толику денег жениха вашей бабушки? — уточнила детектив.

— Не претендуем! — заверили ее братья.

— Тогда пусть ваша бабушка заключит со своим женихом брачный контракт.

— И все? — снова разом спросили братья.

— И все.

* * *

— Морис, а что ты думаешь о Диогене? — спросила Мирослава.

— Я о нем вообще не думаю, — честно ответил Миндаугас.

— И все-таки! Памятников Диогену соотечественники воздвигли много. На родине философа в городе Синопе на памятнике вырезали эпитафию:

«Время точит и камень, и бронзу,
Но слова твои, Диоген, жить будут веч-

но!

Ведь ты учил нас благу довольствоваться малым

И наметил пути продвижения к счастливой жизни!

Пусть состарится медь под властью времени — все же

Переживет века слава твоя, Диоген:

Ты нас научил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,

Ты указал нам путь, легче которого нет».

— В теории все это, может быть, и звучит возвышенно, — ответил Морис. — Но на практике… — И он спросил Мирославу: — Вы могли бы отказаться от своей работы?

— Нет.

— А от своего коттеджа, утопающего в прекрасном саду?

— Тоже нет, — честно ответила Мирослава.

— Вот и я хотел бы навсегда остаться здесь с вами. — Он осторожно дотронулся до ее руки.

И Мирослава не убрала свою руку.

Евгения Державина
Исповедь снега

Все события этого рассказа — плод воображения автора, а все совпадения — случайны.

Идеальный план

Такси свернуло с шоссе на узкую подъездную дорогу, петлявшую между заснеженных сосен. В салоне пахло кофе и мятной жвачкой, которую Мила жевала, чтобы не думать. Хватало того, что накануне она почти не сомкнула глаз, мысленно прокручивая каждый ход предстоящей ей партии. И вот сегодня игра началась…

За окном быстро темнело. Сумерки сизым покрывалом наползали на верхушки гор, когда такси плавно притормозило у огромного двухэтажного дома в стиле альпийского шале.

Швейцар учтиво распахнул пассажирскую дверь.

— Добро пожаловать в наш отель! Как вы доехали? — заученно спросил он и, не дожидаясь ответа Милы, принялся выгружать ее багаж.

Плотнее затянув красный вязаный шарф — подарок мамы, она вышла из машины и вдохнула морозный воздух с терпкой примесью смолистого дыма из каминных труб.

В молочном свете фонарей открывалась классическая картина фешенебельного горнолыжного курорта: припорошенные пушистым снегом кры-

ши коттеджей, вычищенные до блестящей глади дорожки, деревянные указатели, приглашающие в «Лесную купель», «Кедровую баню», ресторан «Медвежий угол» и на лыжные трассы. Картина, доступная лишь по предоплате с пятью нулями.

Мила взялась за чемодан, стоящий возле крыльца.

— Позвольте мне! — Швейцар забрал ношу и подхватил горные лыжи, которые она уже успела обкатать — целый месяц занималась с инструктором трижды в неделю, чтобы не выделяться на склоне.

— Спасибо! — поблагодарила Мила, глядя на вывеску на фасаде отеля: Mountain Valley Krasnaya Polyana Deluxe. Видимо, «Горная долина» звучала не так гламурно и вряд ли собрала бы очередь из богатеев.

Войдя в просторный холл, Мила невольно остановилась, разглядывая оленьи рога на бревенчатых стенах, стойку ресепшена из глянцевого черного мрамора и высоченный деревянный потолок, где среди массивных балок будто парила люстра из сотни зеркальных шаров, похожая на гигантскую молекулу. «Сочетание альпийского уюта и стиля хай-тек», — вспомнила она заголовок с сайта отеля, хотя на фото все казалось

намного скромнее.

На ресепшене Мила получила ключ и выслушала вполуха информацию по заселению — после бессчетных часов, проведенных за изучением спутниковых карт, она сама могла бы водить экскурсии по территории «Маунтин Вэлли».

Снегоход довез ее по укатанной снежной тропинке до коттеджа с несколькими номерами. Ей достался угловой с хорошим обзором, как она и хотела.

Мила осмотрела свои хоромы на ближайшие две недели. Огромный мягкий диван, настоящий камин с корзиной поленьев, в спальне — широченная кровать с меховым пледом и еще одна ванная комната с теплым полом и такой дорогой косметикой, какую Мила видела только в журналах. Вся эта роскошь выглядела, как на фото из рекламного буклета, однако не приносила ей никакой радости. Еще бы! Три ее зарплаты за «незабываемый отдых среди сосен и гор». Эту сумму можно было вложить в ремонт маминой комнаты или поставить новые окна во всей квартире. Но она выбрала единственный шанс все изменить.

Мила распахнула двери на балкон с видом на лес. Она немного свесилась через перила и

посмотрела налево — туда, где между черных стволов виднелась ярко освещенная терраса еще одного двухэтажного коттеджа, поменьше.

Где жил *он*...

Завтра будет очень важный день — день, когда Мила увидит человека, ради которого приехала. Поэтому она заказала ужин в номер, без аппетита поела и, приняв душ, забралась под толстое одеяло. Нужно хорошенько выспаться, прежде чем приступить к первому пункту своего плана.

Пункт 1: «Знакомство»

Мила стояла у подножия склона со стаканчиком облепихового чая в руках. Справа вилась пешеходная тропинка, откуда она пришла. Слева — лыжная трасса, круто уходящая под уклон.

Солнце слепило даже через стекла темных очков, пока ее взгляд был прикован к вершине.

Наконец там показалась одинокая фигура лыжника в кислотно-зеленом комбинезоне. Четкими резаными поворотами он вписался в линию спуска и пошел вниз по укатанному полотну.

Мила выждала момент, пока мужчина подъедет достаточно близко. Сделав вид, что разглядывает пейзаж, она сжала стаканчик с чаем и решительно шагнула ему наперерез. Снег под ногами оказался неожиданно гладким, будто отлитым из фарфора. И очень скользким.

За спиной раздался скрежет. Глухой удар палок, фонтан снежной пыли — и кто-то резко затормозил в метре от нее.

— Осторожней! — услышала Мила. Запоздало отпрыгнув, она потеряла равновесие и упала. Чай выплеснулся на снег ржавым облепиховым пятном.

Мила задрала голову и, сдвинув темные очки на лоб, посмотрела на лыжника.

— П-простите, я вас не заметила!

— Пешеходам тут не место, — проворчал парень лет двадцати пяти, подняв визор.

Поправив красный шарф, Мила глубоко вздохнула в попытке успокоить колотящееся, как после пробежки, сердце. И вовсе не от испуга.

— Понимаю. Хорошо, что вы такой опытный лыжник, — миролюбиво сказала она, вглядываясь в карие, сощуренные от солнца глаза. — Иначе бы мы столкнулись.

— Ладно уж. — Голос парня смягчился. Он подкатился ближе и протянул ей руку в перчатке: — Не ушиблись?

Мила встала, отряхивая комбинезон.

— Нет, разве что самолюбие слегка пострадало… и чай, — кивнула она на оранжевое пятно. — Еще раз извините!

— Бывает. Если что, пешеходная тропа вон там. — Он махнул палкой и опустил визор.

— Спасибо!

Мила подняла пустой стаканчик и зашагала в указанном направлении, спиной ощущая его взгляд.

Итак, первый шаг сделан: Глеб ее заметил.

* * *

На следующее утро ровно без пятнадцати девять Мила вошла в ресторан, окунувшись в теплый аромат корицы и свежих круассанов. Дремавший вчера аппетит тут же проснулся, и она не спеша двинулась вдоль длинного, уставленного деликатесами стола с икрой, утиным паштетом, ассорти благородных сыров — видимо, чтобы гости не забыли, сколько они заплатили за отдых.

На десертной витрине возвышалась аккуратная горка румяных сырников. Рядом белело воздушное безе, похожее на заснеженные вершины, а золотистые вафли, украшенные свежей малиной и листиками мяты, так и просились на фото в ленту социальных сетей. Под ненавязчивый джаз в скрытых колонках по залу кружили официанты, подливая гостям кофе и апельсиновый фреш.

Выбрав яйца пашот с авокадо и трюфельным маслом, Мила устроилась у окна — за столиком, который обычно занимал Глеб.

Он приехал всего три дня назад и, как надеялась Мила, еще не успел увлечься какой-нибудь из тех гламурных нимф, что сейчас дефилировали по ресторану на десятисантиметровых «лабутенах»

и в шиншилловых шубках.

А может, зря она рассчитывала, что Глеб на нее клюнет? Но судя по фото в соцсетях, Мила как раз была в его вкусе. Правда, чтобы выглядеть погламурнее, она осветлила русые от природы волосы и в свои двадцать восемь все же освоила искусство незаметного макияжа и легкой укладки.

Глеб появился минут через десять и сел за соседний столик. Мила украдкой на него посмотрела. Чуть влажные после душа темные волосы, нос с горбинкой, четкие скулы, карамельный загар — лицо, знакомое по сотням фотографий из Сети. И в то же время совершенно чужое.

Она знала о нем все: его зовут Глеб Загорский и ему двадцать три. Каждое утро он пробегает пять километров, завтракает ровно в девять, пьет эспрессо с корицей и обожает мучное. У него родинка под левой лопаткой и привычка щелкать пальцами, когда нервничает. Он учится на пятом курсе Сеченовки, коллекционирует виниловые пластинки и однажды выиграл городской шахматный турнир.

Но при этом Мила не имела ни малейшего представления, как начать с ним разговор…

Внезапно Глеб поднял на нее глаза, и в них мелькнуло узнавание. Он улыбнулся. Мила от-

ветила тем же и отвернулась к окну. Стараясь казаться спокойной под его внимательным взглядом, она уставилась на зимний пейзаж. Снегопад не прекращался со вчерашнего вечера, словно наверху решили поиздеваться над водителем маленькой снегоуборочной машинки — она без остановки наяривала один и тот же участок перед входом, как заводная игрушка.

— Кхм… — откашлялся кто-то рядом.

Мила уловила горьковато-цитрусовый аромат с оттенком зеленого чая — Clive Christian 1872 Masculine. Нишевый дорогущий парфюм — пять сотен евро за флакон, который, как она знала, Глеб обычно покупал в Париже.

Придав лицу чуть удивленное выражение, Мила подняла на него глаза.

— У вас свободно? — спросил Глеб с широкой улыбкой. — Или вы любите завтракать в одиночестве?

— Ничего не имею против компании, — дружелюбно отозвалась она.

Поманив официантку, чтобы та перенесла его тарелку, он протянул Миле руку:

— Глеб.

Ладонь оказалась мягкой и теплой, не то что вчера в перчатке.

— Мила.

— Красивое имя. Кажется, мы недавно встречались… на склоне?

Она закатила глаза, признавая свое фиаско:

— Боже, не напоминайте. Мне до сих пор стыдно!

— Да ладно, с кем не бывает, — усмехнулся Глеб, откусывая половину круассана, и продолжил с набитым ртом: — Впервые здесь?

Элегантно отпив сока, Мила кивнула:

— Да, пока пытаюсь освоиться.

— Хочешь, я помогу? — с ходу перешел он на «ты». — Побуду твоим персональным гидом. Если, конечно, ты не привезла его с собой…

Мила опустила взгляд, чуть улыбнувшись.

— Нет, я совершенно одна.

Глеб заметно оживился:

— Отлично! Я тоже. В смысле, без девушки… Приехал к родителям и младшей сестре. Они тут уже две недели.

— Наверное, здорово отдыхать вместе с семьей? — спросила Мила, испытывая легкую зависть: последний раз они с мамой ездили к Черному морю лет десять назад.

— До тех пор пока тебя не достанут вопросами и нравоучениями, — хмыкнул Глеб, прожевав оче-

редную булочку. — Но я их люблю, вот и стараюсь пару раз в год проводить каникулы вместе.

Мила сделала вид, что удивлена:

— Ты еще учишься? Просто выглядишь таким… взрослым.

— Перед тобой будущий хирург, — театрально поклонился он. — У нас все очень не быстро: университет, аккредитация, ординатура…

Они заказали кофе, и Глеб стал увлеченно рассказывать о студенческой жизни. Мила подыгрывала, хотя почти все это уже знала.

— А ты? — спохватился Глеб. — Тоже учишься?

— Недавно защитилась. Сейчас работаю помощником нотариуса, — соврала Мила и добавила с усмешкой: — Знаю, звучит скучно, но не так страшно, как принято думать.

На самом деле она окончила вуз пять лет назад и давно трудилась юристом в адвокатском бюро. Однако вряд ли Глеб искал знакомства с великовозрастной занудой, а скромный образ помощницы выглядел куда безобиднее. Правда, легкой добычей она становиться не собиралась. Поэтому к следующему пункту плана стоило переходить без спешки.

Пункт 2: «Сближение»

Для импровизированной экскурсии по территории отеля Глеб где-то раздобыл электрический снегокат.

Мила уселась позади на прохладное сиденье.

— Держись за меня, так безопаснее, — предложил он.

Обхватив его за талию, даже через куртку Мила ощутила под пальцами твердые мышцы, а в груди — неожиданное тепло, будто когда-то уже обнимала этого человека. Но тут же одернула себя: «Не привязывайся к нему!» — и постаралась сосредоточиться на мелькающем пейзаже.

Из-за белых холмов вырастали корабельные сосны. Снегопад наконец закончился, и заснеженная дорога стала похожа на взбитый сливочный крем там, где его не настиг вездесущий трактор.

Через полчаса катаний Глеб эффектно затормозил у двухэтажного дома, взметнув сноп снежных брызг.

— Мы живем здесь, у нас отдельный коттедж. А ты?

— Вон там. — Мила неопределенно показала в сторону коттеджей.

— Значит, мы соседи! Приходи сегодня на шашлыки.

У Милы екнуло сердце, но она постаралась скрыть радость. Еще слишком рано.

— Спасибо, только…

— Если что, родители не против! — быстро добавил Глеб. — Мама очень гостеприимная, сестра просто обожает любые тусовки. А отчим наверняка поднимется к себе и будет работать.

— Как-нибудь обязательно приду, — улыбнулась Мила, слезая со снегоката.

— Эй, я тебе еще конюшни не показал! — запротестовал Глеб.

— Я немного замерзла. И на склон попасть хотела.

— Снова будешь гулять в опасных местах? — приподнял он бровь.

Мила рассмеялась:

— На этот раз на лыжах.

— На какой трассе катаешь?

— Пока на синей.

— Мои девчонки там же, может, и встретитесь. Тогда пересечемся на обеде? — Глеб щелкнул пальцами: — Скажем, в два в «Медвежьем углу»?

Она сделала вид, что колеблется, потом кивнула:

— Если успею — у меня еще занятия с инструктором.

* * *

Мила выскользнула из кабины подъемника и поспешила к ресторану.

Было почти три, и Глеб, скорее всего, уже ушел. Она задержалась дольше, чем планировала — инструктор увез ее на самую дальнюю трассу. К тому же оказался слишком болтливым: с улыбкой под цвет снежного склона и легкой щетиной, он то осыпал Милу комплиментами, то бравировал сложными терминами. От его усилий у Милы разболелась голова, и она решила в следующий раз попросить вместо него кого-то другого.

Пристроив лыжи под навес, она отряхнула ботинки и толкнула тяжелую стеклянную дверь — в отражении на миг заплясали ослепительные горные вершины.

Ресторан «Медвежий угол», похожий больше на пятизвездочное шале, чем на берлогу, был забит голодными лыжниками в пестрых костюмах. К своей радости, Мила увидела знакомый профиль у окна: Глеб разговаривал с ухоженной женщиной в бордовом джемпере. Рядом вертелась рыжая девочка лет семи.

Убедившись, что он ее заметил, Мила скромно направилась к пустующему столику у стены.

— Эй, Мила! Иди к нам! — окликнул Глеб.

Она изобразила раздумье, но он уже пододвигал стул:

— Давай, места всем хватит!

Женщина в бордовом джемпере сдержанно кивнула:

— Присоединяйтесь.

— Это Мила, — представил ее Глеб, когда она устроилась за столом. — Моя мама Дарья. А это Соня.

— Я заказала карамельное мороженое! — с гордостью сообщила девочка.

— М-м-м, надо будет тоже попробовать, — улыбнулась Мила, небрежно поправляя салфетку на коленях.

Обычно она обходилась без обеда: ее путевка включала завтраки и ужины. Но сегодня пришлось сделать исключение, поэтому Мила взяла со стола меню, намереваясь выбрать что-то бюджетное. Хотя это слово было неуместно: обычные котлеты здесь делали из оленины под соусом из топинамбура, кедровых орехов и пармезана. Классический бульон превратился в «консоме из перепелки», а гречка — в «гречотто с вешенками

и сливочным кремом» по такой цене, будто эти вешенки выращивал шеф-повар лично.

Да уж, если бы мама узнала, как она тут шикует, покрутила бы пальцем у виска: «Ты с ума сошла — спускать такие деньжищи?!» Но мама лежала в больнице, а дома, в опустевшей гостиной, ее любимое продавленное кресло с пристроенным на подлокотник вязанием теперь облюбовал их пес Тошка. Он клал морду на недовязанный рукав и грустил…

Мила отбросила меланхоличные мысли и заказала официанту французский луковый суп с сырными крутонами — самое недорогое, что нашла в меню.

— Ну Гле-еб, ну пошли со мной! — проканючила Соня, видимо, возвращаясь к прерванному разговору. — Никто из подружек не хочет кататься, а одной скучно!

— Сонь, я же сказал, что еще не решил, — отмахнулся Глеб, затем повернулся к Миле: — Какие у тебя планы на вечер?

— Записалась в СПА, — без тени смущения соврала она. — Мед, соль и что-то там с лавандой. Говорят, выйду оттуда другим человеком.

— Надеюсь, я тебя потом узнаю, — хмыкнул он, накручивая на вилку остатки болоньезе. — А

завтра?

Мила отпила воды, придумывая, что бы ответить.

— А завтра Мила идет с нами на каток! — внезапно заявила его сестра.

Дарья нахмурилась:

— Соня…

— А что? Пусть сама скажет! — Та требовательно посмотрела на Милу. — Пойдешь?

— Я не очень-то умею кататься, — честно призналась она.

— Подумаешь, — фыркнул Глеб. — Я тебя научу!

Соня скрестила на груди руки:

— А мне ты сказал, что «каток для малышей»! С чего это ты передумал?

Уши Глеба моментально покраснели, и от этого он стал похож на провинившегося ребенка.

— Ну не могу же я оставить вас одних… — пробормотал он.

— Нет уж, — не уступала его сестра. — Иди, тусуйся со взрослыми, а Милу учить буду я!

Дарья покачала головой:

— Мила, не обижайтесь. Соня — наш семейный диктатор, но вы не обязаны соглашаться.

— Все в порядке, — с улыбкой ответила она. — Я

с удовольствием.

— Ура! — Соня радостно подпрыгнула на месте. — У меня даже есть запасные варежки, на случай если ты будешь часто падать. Только они синие… — с досадой добавила она, нахмурив рыжие бровки.

— Главное, чтобы теплые, — подыграла Мила.

Глеб взглянул на часы и поморщился:

— Черт, мне пора — договорился с Ростиком махнуть на черную трассу.

— Опять? — вздохнула Дарья. — Вы же оба свернете там шеи!

Но он уже нехотя встал, натягивая куртку.

— По шее получу я, если снова опоздаю. Ты же знаешь, у твоего мужа в голове встроенные швейцарские часы, даже если мы всего лишь на Красной Поляне.

Он помедлил, глядя на Милу чуть дольше, чем требовалось.

— Тогда до встречи на катке?

— До встречи, — кивнула она, ощущая легкий трепет в районе солнечного сплетения. Кажется, все шло по намеченному ею плану.

Вскоре официант принес ее луковый суп и Сонин десерт с торчащими разноцветными зонтиками.

— Глеб в тебя влюбился, — сообщила та, раскапывая горку маршмеллоу в поисках мороженого.

Дарья чуть не поперхнулась кофе:

— Соня!

— Ну правда, мам! Видела, как он покраснел? А ведь сам не хотел на каток идти. И все потому, что в прошлом году упал и порвал штаны, а все смеялись.

— Сонечка, хватит! — Дарья попыталась сдержать улыбку.

— А теперь с нами Мила — и он тут как тут! — гнула свое Соня, набивая рот мороженым. — Фсе с ним яфно! А ты?

— Я? — не поняла Мила.

— Тоже влюбилась?

— Я еще не решила, — пробормотала она, уткнувшись в тарелку.

— Тогда решай быстрее, — важно сказала Соня. — А то я его знаю: найдет себе какую-то принцессу — с такой на каток не сходишь.

* * *

Соня снова тянула Милу на лед — «Давай еще кружочек! Я уверена — в этот раз у тебя точно получится!» — и та уже жалела, что согласилась.

Колени гудели от падений, волосы выбились

из-под шапки, она запыхалась и мечтала, чтобы Глеб ее спас. Он честно пытался — под предлогом выпить глинтвейн или посмотреть на звезды, — однако Соня с упорством олимпийского тренера каждый раз возвращала Милу обратно.

— Только если последний, — выдохнула она, отряхивая синие варежки. И добавила, увидев нахмуренные рыжие бровки: — Говорят, тут потрясающие пончики, но палатка закрывается через полчаса, а я так о них мечтала…

— Ну ладно, — великодушно разрешила Соня, — пошли прямо сейчас — я тоже проголодалась.

— Давай и Глеба позовем?

— Так уж и быть. А то ты в него не влюбишься!

У палатки Соня встала на цыпочки и скомандовала в окошко:

— Мне самый большой, с посыпкой!

Получив заветный кулек, она вручила его Миле со словами:

— Это тебе за страдания!

Пончики пахли ванилью и детством. Сахарная пудра таяла от горячего дыхания и превращалась в сладкую глазурь. Мила невольно улыбнулась тому, как Соня, облизывая пальцы, рассказывает Глебу про свой «секретный прием» равновесия. Что-то теплое и незнакомое кольнуло в груди.

Наверное, воспоминание о том, чего у нее никогда не было: сестры, брата, большой семьи. Только мама…

После пончиков Соня подобрела и все-таки позволила Глебу пойти вместе с ними. Целый час они катались, держась за руки и устраивая хороводы. Вскоре Соня убежала на детскую дискотеку, наконец оставив их с Глебом вдвоем.

— Хочешь, прокатимся еще кружок? — с невинным видом спросил он, но уголки губ предательски дрогнули.

— О нет, — простонала Мила, стягивая промокшие варежки, — на сегодня хватит!

— А я предупреждал, что ты попадешь в добровольное рабство к рыжему вождю ледового племени! — Глеб взял ее за руку, и они заскользили к выходу с катка. — Кстати, ты неплохо держишься на льду.

— Я быстро учусь.

— Или притворялась, как настоящая шпионка? — вскинул он бровь.

У Милы перехватило дыхание. Неужели он… догадался?

На миг она застыла, не в силах оторвать взгляда от его насмешливых глаз. Сделала неловкий шаг назад — и начала падать.

Глеб успел подхватить ее за талию.

— Беру свои слова обратно, — прошептал он, притягивая ее ближе. — Все-таки ты неумеха.

— А ты снова меня спас… — Мила слегка отстранилась, чувствуя, как лицо заливает жар. Подумать только — чуть не сбежала из-за глупой шутки!

— Придется теперь тебя опекать, — хмыкнул Глеб, явно наслаждаясь ее смущением. — Завтра поеду с тобой на синюю трассу.

Она выскользнула из его объятий, поправляя вязаный шарф.

— Тебе же будет там скучно!

— Ничуть. — Перехватив ее ладонь, он подул на холодные пальцы. — У меня важная миссия: спасать твое самолюбие от новых падений.

— Ах вот вы где?!

В их тет-а-тет ворвался детский голосок, и Мила вздрогнула от неожиданности.

К ним подбежала Соня:

— Мама зовет всех на ужин! И Милу тоже!

— Ты ведь не откажешься? — с надеждой спросил Глеб. — Шеф замутит пирог с лососем! И я скажу — это просто космос!

— А я покажу тебе своих кукол L.O.L.! — добавила Соня, нетерпеливо подпрыгивая рядом.

Мила так растерялась, что ответила не сразу.

— Я… да, конечно! — Она скрыла волнение за улыбкой. — Только мне нужно переодеться к столу.

— Да брось, у нас никто не наряжается! — отмахнулся Глеб, снимая коньки.

Они пошли по расчищенной дорожке вслед за Соней, скакавшей впереди. Снег под ногами задорно хрустел, гостеприимные огни коттеджей мерцали среди деревьев.

Мила тихонько вздохнула, чувствуя странную смесь радости и тревоги. Момент, к которому она готовилась последние два месяца, наступил так естественно и внезапно, словно сама судьба вела ее за руку в дом Загорских. Ей же оставалось лишь сыграть свою роль до конца.

Пункт 3: «Визит»

В просторной столовой пахло печеным мясом и розмарином. Мягкий свет круглых абажуров разливался по накрытому столу, за которым собралась вся семья Загорских. Из кухни слышалось позвякивание посуды — видимо, там хозяйничал повар.

Милу усадили рядом с Глебом, напротив его матери и сестры, а отчим расположился во главе стола.

Его она видела впервые. Вечно занятой Ростислав Загорский выглядел на удивление хорошо для своих шестидесяти лет: стройный, подтянутый, с густыми темными волосами, аккуратной бородкой и слегка надменным взглядом. Он держался уверенно, как человек, привыкший к власти и порядку. Мила знала, что Дарья вышла за него примерно через год после смерти первого мужа — отец Глеба утонул на рыбалке десять лет назад. Потом родилась Соня. Ростислав усыновил Глеба, дав ему свою фамилию, и вскоре все перебрались к нему в Питер, переместив туда и семейный бизнес — что-то связанное с тендерами и IT.

Соня выдула залпом целый стакан лимонада и радостно сообщила:

— Папа, мы ходили на каток, и я учила Милу кататься! — Она светилась от гордости, будто Мила исполнила как минимум тройной тулуп.

— А я думал, ты учила ее падать, — хмыкнул Глеб, подмигнув сестре.

Та возмутилась:

— Просто лед был скользкий! Между прочим, ты тоже падал. А в прошлом году даже порвал штаны! — Соня захихикала.

— С тех пор я усовершенствовал технику, — парировал Глеб, накладывая себе салат. — Мила, скажи!

— Я не очень способная ученица, — со смешком ответила она, — падала больше всех.

Дарья тоже улыбнулась:

— Ну кто же не падал? Я, например, в юности прямо на параде с велосипеда кувыркнулась — и ничего.

— А я однажды упал с горы, — неожиданно вставил Ростислав, насаживая телятину на вилку. — Когда еще альпинизмом занимался.

Соня округлила глаза:

— Сильно?

— Достаточно. Если бы не снег — расшибся бы

в лепешку.

— Ну чего ты ее пугаешь? — пожурила мужа Дарья. — Сонечка, не переживай, у папы наверняка была альпинистская страховка.

— Пап, а зачем ты туда забрался?

— Горы очень любил. В студенчестве мы много куда ходили, даже на пик Ленина — семь километров вверх на одном упрямстве.

— А йети ты видел? — замирая, спросила Соня.

— Нет, — улыбнулся Ростислав.

— Ну вот. А я надеялась, ты видел что-нибудь интересное…

— Ну кое-что я все-таки видел, — чуть подумав, ответил он. — Как-то раз мы поднялись выше лагеря и наткнулись на странный ледник: зубчатые столбы, как сосульки, только наоборот. Проводник сказал, что это кальгаспоры, их еще называют «кающиеся снега» — очень редкое природное явление на больших высотах.

— Круто! — восхитилась Соня. — Я тоже туда хочу!

— Подрастешь, пойдем в горы вместе.

— А почему они «кающиеся»?

— Потому что издалека похожи на монахов в остроконечных шапках — их по-португальски называют «пенитентес», в переводе «кающиеся».

— Красиво звучит, — заметила Мила.

— Красиво, но, если честно, выглядит жутковато, — отозвался Ростислав. — А вы бывали в горах? Я имею в виду не лыжи, — махнул он в сторону окна.

— Нет, я далека от альпинизма. Но, кажется, мой отец им увлекался. Хотя мама особо не рассказывала…

Ростислав приподнял брови с вежливым интересом:

— А он?..

— Умер. Давно, — мягко добавила Мила, избегая ненужного сочувствия.

Улучив момент, она улизнула в гостевую ванную комнату. Та встретила Милу почти что стерильной чистотой: полотенца с монограммой отеля, сложенные аккуратной стопкой, халат с биркой, косметический набор в нетронутой упаковке. Ни зубных щеток, ни оставленной одежды — только подсохшие следы жидкого мыла на раковине выдавали, что этим помещением пользовались.

Нет, здесь ничего не найти. Ей нужно попасть в ванную комнату Глеба. Но как?..

Когда Мила вернулась, уже подали десерт — какое-то невероятное лимонное тирамису. Соня

справилась с ним за минуту и выскочила из-за стола.

— Что надо сказать? — крикнула Дарья ей вслед.

— Спасибо! — донеслось с лестницы.

Ростислав аккуратно сложил салфетку и повернулся к жене:

— Я тоже пойду — нужно еще пару писем отправить.

Дарья вздохнула:

— И снова будешь полночи клацать по клавиатуре?

— Рост, даже у компьютера есть спящий режим, — хмыкнул Глеб.

— Между прочим, до того как ты приехал, в твоей спальне у меня был идеальный кабинет с видом на горы, где я никому не мешал, — с улыбкой заметил Ростислав.

— Ну извини, — без тени сожаления проговорил Глеб, в один укус отхватив пол-эклера.

— Ладно, в следующий раз возьмем коттедж побольше.

Когда муж ушел, Дарья тут же повернулась к Миле:

— Глеб рассказывал, вы здесь впервые. Предпочитаете другой отдых?

— Да, обычно езжу в теплые края, — пожала плечами Мила, будто ежегодно гоняла на море. — Но недавно встала на лыжи, и мне неожиданно понравилось — скорость, ветер и все такое.

— И как вам тут? — спросила Дарья.

Это был не дежурный вопрос — Мила видела, что Дарье и вправду интересно. Вот только почему?

Она выдавила улыбку:

— Очень уютно. И красиво.

— Но обычно девушки вашего возраста ездят в компании, а вы одна…

«Ах, вот в чем дело», — усмехнулась про себя Мила. Похоже, эта женщина ревностно охраняла холостяцкую территорию своего сына.

— Иногда нужно побыть наедине с собой. Друзья могут и дома подождать.

— А где вы живете, если не секрет? Мы ведь тоже из Москвы, но переехали к мужу в Питер… — Дарья смотрела внимательно, точно видела ее насквозь, и Миле все больше становилось не по себе.

— На Таганке, — быстро нашлась она, хотя жила в Коптево на окраине Москвы. — У нас много зелени и до офиса рукой подать.

— Мила работает в нотариальной конторе.

Сама устроилась! — добавил Глеб, наверное, в оправдание ее невысоких карьерных заслуг.

— Это похвально, — одобрительно кивнула Дарья. — А что вы окончили?

— Юракадемию, — снова соврала Мила. На самом деле ее институт даже не входил в сотню лучших, зато туда поступали без чемодана денег и больших связей.

— Вот как? — вдруг обрадовалась Дарья, и у Милы похолодело внутри. — Я тоже. У кого писали диплом?

Вот черт!

— У Славинского, — ляпнула та фамилию, которая первая всплыла в памяти.

— Не помню такого, — пожала Дарья плечами, — правда, я училась намного раньше вас.

Глеб в один глоток допил чай и со стуком поставил чашку на стол.

— Мам, ну что за допрос? Можно хоть тут об учебе не думать?

— Между прочим, каникулы скоро кончатся, и тебе не мешало бы…

— Ма-а-м, не начинай. — Глеб встал. — У нас есть еще кое-какие планы на этот вечер, да? — Он вопросительно взглянул на Милу, и та с готовностью кивнула. — Тогда пошли.

Они устроились на просторной террасе, выходящей прямо в лес. В уютном свете фонаря кружил снег, медленно оседая на деревянных ступенях, но Миле было не холодно — Глеб укутал ее ноги пледом и легонько приобнял.

От него исходило такое домашнее, почти детское тепло, что она неожиданно ощутила укол вины, однако быстро прогнала непрошеное чувство. Разве не этого она ждала долгих два месяца? Играла роль той, кем не была? Искусно втиралась в доверие, чтобы оно стало тем мостиком, который приведет ее к цели?..

Она невольно нахмурилась, но Глеб истолковал это по-своему.

— Извини мою маму, — вздохнул он, поправляя плед на ее коленях. — В каждой моей знакомой она видит охотницу за нашими «семейными сокровищами».

— И что, много претенденток? — с напускным равнодушием уточнила Мила.

— Хватает. Особенно после того, как пресса раструбила про мое некислое наследство от тети Клавы — она недавно умерла.

— Соболезную… — искренне произнесла Мила.

Глеб выглядел удивленным.

— Ты чуть ли не первая, кто так говорит —

мои друзья все как один в восторге, что мне так «повезло». Хотя вообще-то у меня горе… — Он запнулся и посмотрел в темноту. — Мы с тетей Клавой, папиной сестрой, были очень близки. Когда умер мой отец — ушел под лед на зимней рыбалке, — мама будто впала в ступор, не могла даже самостоятельно чай заварить. И тетя взяла на себя все: присматривала за мной, оформляла какие-то документы. Потом и похороны организовала. Хотя какие это похороны… — Глеб горько усмехнулся. — Пустой гроб, куда положили любимые папины вещи: рыболовные снасти, очки, вязаный свитер…

— Это ужасно, — тихо произнесла Мила, глядя на его профиль.

Он кивнул.

— Мама долго отходила, я даже на полгода переехал к тете. Своих детей у тети не было, и она меня просто обожала. Папа тоже всегда к ней хорошо относился и еще при жизни переписал на нее часть активов, какие-то квартиры. Не знаю, зачем, может, уходил от налогов. Но она их даже не тронула, жила на доходы от аренды. И теперь после ее смерти все перейдет ко мне. Вот так… — Глеб повернулся к ней, явно ожидая какой-то реакции.

Мила выдержала его взгляд, в то время как ее пальцы невольно теребили кончик шарфа.

— И зачем ты все это мне рассказал? — наконец произнесла Мила с притворной обидой. — Если это какая-то проверка, то меня не интересует твое богатство. Мы толком даже не знаем друг друга…

Глеб не дал ей договорить. Его губы мягко накрыли ее, и Мила замерла, сбитая с толку. Но почти сразу же отстранилась:

— Подожди! Ты слишком спешишь…

— Разве? — обезоруживающе улыбнулся он.

Мила мысленно обругала себя за то, что совсем расслабилась и потеряла бдительность.

— Да, я… не готова. Пока, — добавила она с легкой улыбкой. — Просто дай мне еще немного времени.

Глеб кивнул — кажется, его устроил этот ответ.

— Тогда… — Он пощелкал пальцами, словно собираясь с мыслями. «Нервничает», — догадалась Мила. — Как насчет вечернего купания?

— Кажется, бассейн уже закрыт.

— Я не о нем.

Он поймал ее ладонь и повел по утоптанной тропинке в сторону леса, откуда пробивался неясный свет.

За деревьями скрывалась небольшая поляна,

почти интимно подсвеченная двумя факелами, от которых на сугробах плясали оранжевые блики. В центре стояла круглая деревянная купель. Отраженные языки пламени мерцали в темной воде, а над поверхностью поднимался белесый пар с терпким ароматом кедра.

Все это напомнило Миле подготовку к какому-то древнему ритуалу, но она отогнала тревожные мысли.

Глеб показал на скамью под навесом.

— Смотри, тут уже все готово: термос с глинтвейном, теплые халаты. Даже вон валенки принесли!

— У меня нет купальника…

— Если ты стесняешься, я дам тебе свою футболку. — Он взял ее за обе руки и заглянул в глаза. — Мы просто немного поплаваем, а потом посмотрим какую-нибудь киношку. Мои спят на втором этаже — мы им не помешаем. Обещаю не приставать, — смущенно добавил он. — Идет?

Мила раздумывала, глядя на клубы теплого пара. Это была слишком опасная близость — наедине, почти что в лесу. Но разве риск не оправдан, если на кону стоит куда большее? Возможно, ее единственный шанс оказаться в его комнате…

Горячая вода обволакивала тело, как мягкое одеяло. Над головой терялись в высоте подсвеченные факелами хвойные ветви. Темнота ночи сгущалась вокруг, и вместе с ней сгущался воздух между ними. Вот пальцы Глеба будто невзначай скользнули по мокрой ткани футболки, облепившей ее бедро. Вот его горячее дыхание пощекотало кожу на ее шее.

— Эй, кое-кто обещал вести себя прилично! — натянуто рассмеялась Мила, отодвигаясь на другой край кадушки.

Глеб снова оказался рядом и мягко притянул ее к себе:

— Я честно старался, но ты сводишь меня с ума…

Мила уперлась руками в его гладкую накачанную грудь.

— А ты — меня, но… я хочу в туалет.

— Вовремя! — простонал он, закатив глаза. — Тогда надевай халат, я провожу…

Оказавшись в доме, Мила вдруг развернулась к нему и, встав на цыпочки, горячо прошептала:

— Где твоя комната?

— Здесь, — пробормотал Глеб, не отрывая от нее взгляда. И в следующее мгновение увлек ее в сторону приоткрытой двери.

Пункт 4: «Улика»

— Я сейчас! — Мила быстро юркнула в ванную и заперлась.

Под ворот халата с волос бежали остывшие струйки воды, вызывая мурашки. Сердце запиналось в груди, но она постаралась сосредоточиться. Взгляд метнулся к полочкам, фиксируя каждую мелочь: дорогой крем для бритья, туалетная вода, расческа. В стаканчике две зубные щетки — белая казалась новее зеленой, — и смятый тюбик зубной пасты.

Внезапно где-то хлопнула дверь, и Мила затаилась, прижавшись ухом к стене. До нее донеслись приглушенные голоса:

— Глеб, мне надо с тобой поговорить!

— Не сейчас, мам!

— Погоди. Эта девушка…

— Мам, опять ты за свое! Почему каждая моя подружка тут же подпадает под подозрения? Ты что, пограничный контроль?

— Но она какая-то странная…

Сердце ухнуло вниз, будто Мила оступилась на лестнице.

Вот черт!

— Мам, расслабься, — фыркнул Глеб. — Я не собираюсь на ней жениться. Просто дай мне хотя бы приятно провести время с той, кто мне действительно нравится!

— Погоди, Глеб, я могу навести справки…

Мила отчаянно нажала на спуск. Вода зажурчала — и почти сразу послышались шаги, затем щелчок двери.

Быстро сунув зеленую щетку в карман халата, она запахнула его плотнее и шагнула в комнату. Как Мила и рассчитывала, Глеб уже вернулся и теперь лежал на кровати, к ее радости, все еще одетый.

Она скользнула к выходу.

— Ты куда? — приподнял он голову.

— Я слышала какие-то голоса и… Не могу здесь, под носом у твоей семьи.

Глеб в два шага оказался рядом.

— Тогда к тебе?

— Да, — выдохнула Мила, дав ему поцеловать себя в шею. — Только завтра.

— Ну-у-у, я так не играю…

— Просто немного потерпи, — промурлыкала она ему на ухо, стараясь задеть его губами. Глеб задержал дыхание. — И тем слаще будет награда.

Он колебался, глядя на нее сверху вниз. Потом

разжал объятия и сделал шаг назад.

— Я готов ждать сколько скажешь, — серьезно произнес он. — Ты мне нужна не на одну ночь…

— Уже скоро, — пообещала Мила, нащупав в кармане зубную щетку. В конце концов, не она первая нарушила свои обещания.

Глеб проводил ее до коттеджа. Мила быстро чмокнула его в щеку и захлопнула входную дверь. А наутро, не дожидаясь, пока в «Маунтин Вэлли» накроют завтрак, уже мчалась в такси по заснеженной трассе. И пусть ей пришлось в два раза переплатить за билет на самый ранний утренний рейс, пусть бронь ее роскошного номера сгорела — это не имело значения. Главное, что в ее сумке лежал кусок пластика, способный спасти одну жизнь…

* * *

Мила сжимала в дрожащих пальцах листок. Обычный белый листок, где беспристрастные цифры наконец давали ей ответ. Правда, совсем не тот, что она ждала.

— Этого просто не может быть… — прошептала Мила, вновь и вновь пробегая глазами по строчкам с результатами анализа. Где же она ошиблась?

Зубные щетки! Белая и зеленая в матовом стаканчике на полочке в ванной. Выходит, она взяла не ту?

Опустив листок, Мила перевела взгляд на заиндевевшее окно, где расползались желтые и красные пятна — габаритные огни проезжавших мимо машин. От отчаяния защемило в груди: ведь времени почти не осталось! Прошло уже четыре дня с ее возвращения из Красной Поляны. Четыре дня нервного ожидания, когда она вздрагивала от каждого телефонного звонка и по десять раз на дню проверяла электронную почту.

И вот перед ней то, ради чего затевалась эта безумная авантюра еще два с половиной месяца назад.

В памяти всплыл длинный, пахнущий хлоркой больничный коридор, ряды одинаковых дверей. И мама… В тот день Мила узнала ее страшный диагноз — идиопатический легочный фиброз, необратимое снижение функции легких. На фоне пневмонии мамино состояние стремительно ухудшалось, и врачи давали ей не больше года. Единственным спасением могла бы стать пересадка легких, вот только в шестьдесят лет шансы попасть в лист ожидания ничтожно малы. А чудом попав туда, маме пришлось бы ждать своей

очереди годами, которых у нее не было.

Оставалось одно: платная операция за границей, стоившая немыслимых денег — даже продав свою двухкомнатную квартиру, они с мамой покрыли бы лишь малую часть. И где так быстро взять остальное, Мила не представляла…

В то судьбоносное утро она стояла в дверях палаты, глядя на койку, где под паутиной кислородных проводов спала ее мама, и никак не могла сделать шаг. Ноги словно приклеились к потертому линолеуму. Воздуха не хватало — наверное, так чувствуют себя альпинисты высоко в горах, где каждый вдох дается с трудом.

— Мила…

— Я тут, мамочка. — Она подошла к кровати. — Тебе что-нибудь нужно?

Мама прикрыла глаза, чуть качнув головой:

— Не надо. Сядь, дочка. — Ее голос звучал слабо, как шелест ветра, который мог в любой момент унести ее от Милы. — Пора сделать то, чего я не делала двадцать восемь лет: рассказать тебе о твоем отце. Его звали Эдуард Греков, и он погиб десять лет назад…

Так много слов о нем Мила услышала впервые — раньше любые попытки расспросить заканчивались резким маминым «нет».

— Эдик был очень влиятельным человеком, — тихо продолжала мама. — Возможно, ты о нем даже слышала. Начинал еще в девяностые, торговал всем подряд и быстро раскрутился. Хотя меня совершенно не интересовали его деньги — я просто как дура влюбилась. — Тяжело дыша, она замолчала. Мила терпеливо ждала, когда та наберется сил и продолжит: — Мы встречались совсем недолго. Он бросил меня ради своей невесты. Заставлял сделать аборт, но я не смогла.

У Милы все сжалось внутри от обиды за маму.

— Почему ты раньше не рассказывала о нем?

— Думала, так будет лучше, — прошептала мама. — Зачем говорить о человеке, если ты ему не нужна? Твой отец не заплатил ни копейки алиментов, ни разу не спросил о тебе, хотя знал, что у него есть дочь. Требовать деньги через суд я, конечно, не стала. Правда, после смерти Эдика хотела поехать к его вдове, чтобы тебя включили в наследство. Только вскоре выяснилось, что он оставил завещание — все переходило его семье…

Мама закашлялась, и Мила машинально протянула ей бутылку воды с коктейльной трубочкой, чтобы она могла попить, не поднимаясь с кровати.

Эдуард Греков, ее отец…

В глубоком детстве Мила играла в игру, что ее папа — шпион, работающий под прикрытием где-то очень далеко, может, даже на Аляске, поэтому-то маме и нельзя о нем говорить. Но он, конечно же, скучает и каждый день думает о своей дочке. Мила мечтала, что однажды папа появится на пороге школы с огромным плюшевым медведем и они наконец заживут все вместе…

А он даже слышать не желал о ее существовании.

— Все же хорошо, что я ничего не знала, — грустно улыбнулась Мила. — Благодаря этому у меня будто был отец — пусть и в детских фантазиях.

— Да. — Мама протянула руку, и Мила взяла ее хрупкую ладонь, в очередной раз поразившись, какая тонкая у нее кожа. — Но я скоро уйду, и ты должна знать…

— Нет! — Горло сдавило, и Мила часто заморгала, пытаясь прогнать слезы. Несмотря на все прогнозы врачей, на дикую очередь по квоте, она отказывалась верить, что мама просто умрет.

— Тш-ш-ш, — улыбнулась мама и ласково провела пальцами по ее мокрой щеке. — Не плачь, у нас ведь еще остается немного времени. И даже когда меня не станет, ты не будешь одна. Потому что у Эдика был сын, и ты можешь его

разыскать…

Вот так Мила узнала, что у нее есть младший брат, тетя и какая-то троюродная вода на киселе. Целое семейство, которое, как оказалось, совсем не бедствует.

Поискав в интернете фамилию своего отца, Мила выяснила, что Эдуард Греков, российский бизнесмен, владелец IT-компании и огромного состояния, утонул на зимней рыбалке в Карелии — провалился в полынью. Все его миллиарды унаследовали жена и сын — мальчик, родившийся с золотой ложкой во рту: престижная школа, летние каникулы на Мальте, учеба в лучшем медицинском вузе страны.

Открыв очередную ссылку, Мила наткнулась на заголовок статьи, опубликованной пару недель назад:

Наследник Эдуарда Грекова и самый завидный жених северной столицы в скором времени станет еще богаче.

Пробежав глазами весь текст, она вдруг забыла как дышать, снова и снова перечитывая небольшую заметку:

Недавно скончалась Клавдия Грекова, родная сестра когда-то известного бизнесмена Эдуарда Грекова, трагически погибшего десять лет назад.

По закону все ее состояние, по некоторым данным оцениваемое более чем в двести миллионов рублей, перейдет к ее единственному родственнику — племяннику Глебу Загорскому, взявшему фамилию своего отчима.

Единственному племяннику? Как бы не так!

Вскочив, Мила быстро прошлась по комнате, пытаясь успокоить нервную дрожь. Если она действительно дочь Эдуарда Грекова, то по закону может смело заявить свои права на наследство в течение шести месяцев со дня смерти его сестры. Тем более ее новоявленные родственники от этого не обеднеют. Только вот времени на суды у нее нет: пока рассмотрят ее иск, пока назначат ДНК-экспертизу — пройдет целая вечность. К тому же Глеб имеет полное право отказаться от этой процедуры…

Собираясь с мыслями, Мила глубоко вздохнула. Оставался единственный способ — самой выяснить правду. И когда она докажет, что Глеб Загорский ее брат, сразу раскроет перед ним все карты. Конечно, он вряд ли обрадуется, но она объяснит, что не претендует на половину наследства — ей нужно всего лишь вылечить маму!

Мила зажмурилась. Неужели она всерьез решила это сделать — позариться на чужие деньги,

пусть они и полагались ей по закону? Однако других вариантов не было.

Сев за ноутбук, Мила поискала в Сети фотографии отца. К своему счастью, она не обнаружила какого-то сходства с рыхлым лысеющим мужчиной в толстых очках. Тем лучше — его жена и сын ничего не заподозрят, когда она появится у них на горизонте…

С того дня Мила не теряла времени даром и каждый день после работы и визитов в больницу тщательно собирала любые крохи информации о семье Загорских. Постепенно у нее созрел план, как поближе подобраться к брату, но для этого ей требовалось знать о нем все — уж если и лезть в это болото, то так, чтобы не спугнуть ни одной лягушки. Поэтому Мила наняла частного детектива, и спустя месяц перед ней лежал подробный отчет о жизни Глеба Загорского. Мила стала его незримой тенью и последовала за ним на горнолыжный курорт в Красной Поляне. Она хотела заполучить образец его ДНК — на чашке, расческе, салфетке, — который станет счастливым билетом к спасению мамы…

И вот теперь Мила держала его в своих дрожащих пальцах и не могла поверить в то, что узнала. Теперь, когда в клинике со дня на день

подходила мамина очередь на платную трансплантацию легких и им как никогда нужны были деньги! Времени совсем не оставалось: мама угасала буквально на глазах, и каждый вечер Мила долго собиралась с духом, прежде чем открыть дверь в палату. Туда, где царили увядание и безысходность…

Смахнув слезы, Мила бросила последний взгляд на результаты анализа и решительно убрала его в карман. Она не сдастся и пойдет до конца. А значит, пришло время всем узнать правду.

Пункт 5: «Правда»

На смотровой площадке «Маунтин Вэлли» вместо обещанной в буклете панорамы Милу ждала непроглядная молочная пелена. Заиндевевшая корка, будто глазурь на керамическом блюде, хрустела под ногами, пока она шла по ней навстречу судьбе. В воздухе кружили снежные вихри, больно кололи лицо и рвали с шеи красный шарф, связанный мамой перед тем, как ее забрали в больницу. Казалось, он до сих пор хранил тепло ее рук, напоминая Миле, зачем она здесь.

Ростислав уже стоял там, возле перил, как всегда уверенный и спокойный.

— Знаешь, когда ты исчезла неделю назад, Глеб был очень расстроен, — начал он будничным тоном, от которого у Милы мгновенно пересохло во рту. — Особенно тем, что ты следила за нами. Зачем?

Она молча протянула ему конверт с копией анализа.

— Вот за этим.

Ростислав развернул сложенный вдвое лист, но в следующий миг отпрянул, словно обжегшись. Его пальцы разжались, позволяя ветру унести

листок прочь.

— Вы — мой отец Эдуард Греков. — Мила с удовольствием произнесла эти слова, обрушив на него холодную правду. — Тест ДНК подтвердил наше родство с вероятностью девяносто девять процентов.

Пошатнувшись, Ростислав вцепился в перила, и Мила испугалась, что с ним случится сердечный приступ, как недавно с его сестрой.

Она всмотрелась в побелевшее лицо. Да, пластические хирурги сотворили настоящее чудо: из невзрачного мужчины ее отец превратился в импозантного красавца. Пересадка волос подарила ему пышную шевелюру, а спортзал вылепил безупречный торс. Лишь глаза остались такими же, как на старой фотографии из Сети, разве что теперь без очков.

— Вы не утонули в Карелии, — продолжала Мила. — И я знаю почему. В то время Эдуард Греков проходил свидетелем по уголовному делу — расхищение бюджетных средств, проплаченные тендеры, взятки. Поговаривали, что вот-вот его переведут из свидетелей в главные подозреваемые. А потом произошел тот «несчастный случай» на рыбалке, и Эдуарда признали погибшим. И спустя год появился Ростислав За-

горский.

— Как ты узнала?.. — простонал он, прикрыв глаза.

Но Мила не собиралась рассказывать ему про частного детектива, к которому обратилась снова.

— Это не важно. Важно то, что вы всех провели: сменили имя, внешность, город, круг общения. Изменили почерк, походку, даже голос — на старых записях он звучал выше. И в итоге женились на своей же жене. Дарья и Глеб, конечно, все знали.

Тяжело дыша, Ростислав шагнул к ней, и Мила невольно попятилась к тропе.

— Мой адвокат в курсе, где я, — быстро проговорила она. — У него на руках все доказательства, и если со мной что-то случится…

— Им не нужен был свидетель! — перебил он, срываясь на хрип. — Тогда, десять лет назад, — им нужен был козел отпущения!

— Почему же вы просто не уехали?

Ростислав с яростью посмотрел на Милу:

— Мне пригрозили, что убьют всю семью одного за другим, если я не оговорю себя и не сяду на двадцать лет. Представляешь, каково это — оказаться куском пушечного мяса в руках

проворовавшихся чинушей? А вот «мертвый» я стал им неинтересен, — осклабился он. — Они быстро нашли кого-то еще — бедняга сейчас сидит, пока эти уроды греют свои жирные зады на европейских курортах. Но если я вдруг «всплыву» — пострадает моя семья, понимаешь? Такое ведь не прощают!

— Я тоже член вашей семьи, разве не так? — горько усмехнулась Мила. — Только вы отмахнулись от меня когда-то, как от назойливой мухи. И я бы тут ни за что не появилась, если бы не сложные обстоятельства…

— Все ясно, тебе нужны деньги, — процедил Ростислав, даже не пытаясь скрыть своего разочарования. — Ты ведь за этим сюда пришла?

Мила достала еще один лист и протянула отцу:

— Это заключение врачебной комиссии и счет на операцию по трансплантации легких для моей мамы. Вы же ее помните? — с надеждой добавила она. Почему-то ей хотелось, чтобы он помнил.

Ветер вырывал бумагу из рук, однако Ростислав крепко ее держал. Между бровей пролегла хмурая складка, пока он читал смертный приговор, вынесенный болезнью ее маме.

— Как видите, сумма для нас просто немыслимая, — с вызовом проговорила Мила. — Я думала,

что не смогу помочь маме и буду каждый день наблюдать, как она умирает… И тут вдруг оказалось, что я наследница огромного состояния! Что имею на него такое же право, как и Глеб. Не волнуйтесь, — добавила она, — мне не нужна половина. Только часть на лечение мамы. Для этого требовалось лишь подтвердить родство с Глебом, получив его ДНК. Но я перепутала зубные щетки — ваша оказалась в его ванной. Наверное, с тех пор, как вы ночевали там после работы. — Она покачала головой, будто все еще не верила в полученный результат: — Вот так нелепая случайность вскрыла всю правду.

Ростислав судорожно провел рукой по лицу.

— Если ты заговоришь об этом, огласка привлечет внимание к нашей семье. И ко мне… — Он сжал в кулаке листок. — Я пожертвовал всем, понимаешь? Здоровьем, друзьями, привычками — всем, чтобы стать Ростиславом Загорским! И я не хочу снова все потерять!

— А я не хочу потерять маму! — выкрикнула Мила. — Кроме нее, у меня никого нет. Ни богатых тетушек, ни братьев или сестер — никого! Все, что у меня всегда было, — это мамина любовь, ее забота, ее бессонные ночи за работой, чтобы нас прокормить… — Она смахнула слезы, застывшие

на холодных щеках. — И я не позволю снова от нас отмахнуться!

Ростислав замер, сложив ладони у рта, словно в немой молитве.

— Прошу тебя, не надо… — услышала она его шепот.

Теперь он не требовал, а просил, и Миле вдруг стало жаль этого человека, загнанного в ловушку собственной лжи. Однако она вскинула подбородок и решительно произнесла:

— Тогда предложите другие варианты.

Ростислав посмотрел на белый лист, трепетавший в его руке.

— Настало время платить за свои ошибки, — грустно улыбнулся он и поднял на Милу покрасневшие глаза. — Я возьму на себя все расходы на лечение твоей мамы.

Три года спустя

Мила шла вдоль кромки прибоя, вдыхая пронзительно соленый воздух Балтийского моря. Ветер трепал ее любимый красный шарф — петли уже слегка распустились, но мама заботливо его надвязала. С тех пор как они переехали сюда, в Калининградскую область, — приходили на этот пляж каждый вечер. Сначала Мила везла маму на инвалидной коляске, позже — вела под руку, как ребенка. И вот теперь она могла самостоятельно дойти до маяка без одышки и покормить чаек.

Мила обернулась — мама устроилась на складном стуле и смотрела на море. У них снова было драгоценное время, чтобы гулять, пить чай с ежевичным вареньем, болтать долгими вечерами в уютной гостиной их новой маленькой двушки. Жизнь вошла в неспешное русло: Мила работала юристом в небольшой фирме, где ценили ее столичный опыт и отпускали домой ровно в шесть.

А мама… Мама просто дышала. Полной грудью, глубоко, без хрипоты, изводившей ее три года назад.

Мила улыбнулась, глядя на нее — такую помолодевшую и родную. Затем засунула руку в

карман куртки и нащупала конверт — обыкновенный конверт с рисунком Исаакиевского собора и двумя почтовыми марками. В нем лежало письмо, которое Мила получила сегодня утром и с тех пор перечитывала столько раз, что выучила наизусть.

Она вновь провела подушечкой пальца по шершавой бумаге, хранившей неожиданный эпилог к давно забытой истории.

Привет, Мила. Это Глеб Загорский. Еле тебя отыскал, хотя догадывался, что ты отлично умеешь заметать следы.

Ты должна знать, что наш с тобой отец умер от рака месяц назад. На этот раз по-настоящему…

Мила подобрала гладкий камушек и с силой швырнула в море. Он трижды подпрыгнул по воде, оставляя круги, прежде чем исчезнуть в волнах.

Однако он успел внести тебя в завещание. Как мы недавно выяснили, тебе полагается приличная доля наследства, нужно только подать заявление нотариусу. Так что дай знать, когда соберешься в Питер — я встречу…

Она посмотрела на море — оно словно дышало, посылая к ее ногам кружево соленой пены.

За спиной смеялась мама, разговаривая с чайкой, которая выпрашивала ее бутерброд. Чтобы слышать этот смех, три года назад Мила сделала невозможное. И вот сегодня ее счастье заговорило новыми голосами.

P. S. Имей в виду, к наследству прилагаются брат и сестра. И они тебя очень ждут.

Глеб.

А потом Мила запрокинула голову, подставив лицо ветру, и закружилась…

Алекс Винтер
Сжечь страшилу!

Небо в конце февраля уже другое: глубокое, искристо-синее, такое, что глазам смотреть больно, и солнце греет, плавит сугробы, высвобождая залежавшийся за сезон мусор и не только. Для оперсостава МВД — горячая пора, поскольку на свет божий появляются не самые приятные объекты. Буквально вчера мы с Даней Литухиным откапывали вмерзший в сугроб труп с колотыми ранами романтики в конце зимы у полиции немного.

Так что я был даже рад, когда моя девушка Александра предложила съездить за город, где организовали масленичные гуляния. Это, правда, опрокидывало мои планы отоспаться, но, в конце концов, на всю жизнь не выспишься. Из-за разницы в графиках нам с трудом удавалось проводить время вместе, так что выходные вдали от близких и коллег представлялись вполне радужными. Алекс ныла, что ей прежде никогда не приходилось даже присутствовать на подобных праздниках, ведь в юности соблюдала строгую

диету, блины и прочие угощения масленичной недели были под запретом. А после ее ухода из спорта на телевидение просто не осталось времени.

Праздничная программа начиналась с десяти утра и заканчивалась около шести вечера, на все мероприятия мы оставаться не планировали, так что выехали не слишком рано. Ночевать я остался у Алекс; утром, получив кофе и два сухих хлебца, сделал вид, что вполне наелся и под аккомпанемент урчащего живота отправился в дорогу.

На железнодорожном переезде, пока мы пропускали грузовой состав, Алекс открыла окно, высунулась наружу, вдохнула холодного воздуха и мечтательно произнесла:

— Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя, плетется рысью как-нибудь… Стас, как там дальше?

— Зима-холода, одинокие дома?[1] — предположил я.

Алекс фыркнула.

— Это очень разные классики жанра, Фомин. Не путай попсу девяностых и Пушкина.

— Я думал, это Некрасов. Мороз-воевода с дозо-

---

[1] Примечания: 1
Стихи А. Губина.

ром обходит владенья свои…

Она закатила глаза.

— Господи. С каким дозором?

— Не знаю. С ночным. Или дневным. Смотря на какой стороне света он находится.

— Стас, у тебя мать — учительница, а ты просто тундра неогороженная, — рассмеялась Алекс и закрыла окно. — Вот как тебя пускать в приличное общество? Приведу тебя на телевизионную тусовку, там все такие умные, Шнитке, Гете, Стас Михайлов, а ты со своим дозором… Твое невежество не делает тебе чести.

— А тебе прям делает? — съязвил я. — Сама не могла вспомнить продолжение. Вот оно, поколение Икс. Нахватаются по верхам и хвастают в соцсетях. Я, может, не знаю продолжение этого стихотворения, зато наизусть помню Уголовный кодекс от «А» до «Я».

— Так это по работе, — возразила она. — Я тебе по элементам фигурного катания могу целую лекцию прочитать. Например, знаешь, почему прыжок «тулуп» так называется? Естественно, ни к какому тулупу это не имеет отношения. Название происходит от английского «toe loop», что означает «петля на носке».

— А ты знаешь, что такое «подснежник»? — ко-

варно спросил я.

— Цветок.

— Не только. Мы с коллегами так называем обнаруженных по весне покойников.

— Фу, — фыркнула Алекс и сморщила нос.

Так, весело препираясь, мы докатили до загородного поселка Асаново, где проводились масленичные гулянья. Алекс — бывшая фигуристка, так что наша беседа в основном проходила в забрасывании друг друга занимательными фактами из расследований рядового мента и историй отставной спортсменки, а ныне телеведущей на спортивном канале.

Приткнув машину на стоянке, мы побрели на площадь, где установили небольшие карусели и качели, а поодаль даже возвели снежный городок, который под конец дня предполагалось взять штурмом. В центре площади торчало большое пугало, что должно было сгореть назавтра. Из его головы торчали рыжие соломенные косы, выражение лица было довольно глупым, но на то оно и пугало. Вообще было довольно весело, пестро и разнообразно, вокруг ходили ряженые, скоморохи, развлекая публику нехитрыми трюками и плосковатыми шутками. В ноздри ударил запах шашлыков, блюда совершенно не масле-

ничного. Но жареное мясо разбирали охотно, мы тоже не отказали себе в угощении: наелись шашлыков, придавили сверху блинами и отправились бродить между сувенирными лавками, где не продавалось ничего интересного. Алекс заинтересовалась какими-то бусами из аметиста, но когда услышала цену, резко передумала.

— Как-то в Таиланде кольцо с бриллиантом купила дешевле, — проворчала она. — Нет, я понимаю, праздник и все такое, но это ж не драгоценности… А давай достанем твою ксиву и спросим у нее разрешение на торговлю?

— Давай, — легко согласился я. — Я вообще могу опербригаду сюда вызвать. Будет ей опись, протокол, отпечатки пальцев…

— Ты можешь, — согласилась Алекс и чмокнула меня в щеку.

Я подумал: когда она отвлечется, вернусь к ларьку и куплю ей эти бусы.

У следующего лотка с браслетиками, фенечками и прочей дешевой мишурой по заоблачным ценам мы лоб в лоб столкнулись с нашей подругой из Следственного комитета Агатой Лебедевой. Она была в короткой светлой шубке с капюшоном и прижимала руки к груди. Под ее шубой что-то шевелилось и попискивало. Я с подозрением по-

косился на выпуклость под шубой. Агата сделала вид, что не заметила моего интереса. Ну ладно, может, не рвется рассказывать…

— О, привет! — обрадовался я. — С каких пор ты ходишь по народным гуляньям?

— А что, я и по гуляньям походить не могу? — проворчала Агата, уязвленная тем, что ее застали в публичном месте, да еще и на празднике, тем самым показав, что ничто человеческое ей не чуждо. — Привет, Сань…

Алекс поздоровалась, а я продолжал дожимать, с удовольствием наблюдая, насколько ей это не нравится. Агата — девушка довольно нелюдимая, по собственной воле на городской праздник не пойдет, потому появление ее за несколько десятков километров от дома выглядело довольно диким.

— Можешь, но у тебя стойкое неприятие толпы, — ехидно сказал я. — А я тебя уже лет пятнадцать знаю. К тому же до твоей дачи километров двадцать. Чтобы ты добровольно в выходной потащилась сюда ради блинчиков? Никогда не поверю.

— Так это в объезд двадцать, — возразила Агата и мотнула подбородком на противоположный берег озера за поселком. — А по прямой всего три.

Через озеро все мотаются, ну я и поехала.

— Ради блинчиков? — не поверил я.

— Нет, конечно, — рассмеялась Агата. — Но в какой-то степени ради мучных изделий. Вот, глядите.

Она распахнула шубку, и оттуда немедленно высунулась круглая мордашка щенка с огромными ушами летучей мыши.

Алекс пришла в невероятный восторг.

— Боже, какая прелесть! Это французик или стафф?

— Французик, отказной, — ответила Агата довольным тоном. — Он немного с браком, взяла у заводчиков, — для выставок не подходит, прикус слегка не такой. А мне для выставок не надо, только чтобы оно лежало в ногах и сопело. Отказных было два, я выбрала того, что побольше.

— А почему мучное изделие? — спросил я.

— Я его Пончиком назвала, — хихикнула Агата, чем меня немало удивила. Я уже пару лет не видел ее в таком приподнятом настроении. — Решила, что он точно будет толстеньким, как ливерная колбаса. В городе было неудобно. Мы с заводчиками договорились тут встретиться, я и поехала, забрала щенка и уже собиралась обратно, а тут вы… Слушайте, может, ко мне поедем?

Или вы еще не нагулялись и не наелись?

— Мы наелись, но возьмем с собой еще, — решительно сказала Алекс. — Может, вы меня осудите, но я хочу блинов. Я ведь Масленицу никогда в жизни не встречала, а блины в последний раз ела лет семь назад, да и то украдкой, чтоб тренер по мордасам не надавал. Если спросите, где я проводила последнюю Масленицу, то скажу: в Ванкувере, в командировке, там была на соревнованиях по биатлону, брала интервью и вела программу. Помню, что меня обещали вечером накормить блинами, но пришлось срочно срываться. Так что я сейчас куплю всяких блинов и закрою гештальт. У тебя вроде есть варенье?

— Ну, бери, — милостиво разрешила Агата. — Варенья полно: яблоки, клубника, вишня. Я вчера в хозяйственном припадке наварила полную кастрюлю борща и уже не знала, что с ней делать. Не совсем масленичное блюдо, но не выбрасывать же. И грудинка соленая осталась.

— Ох, каждый визит к тебе — это плюс полтора кило, а у меня эфир в понедельник с утра, — простонала Алекс. — Ты знала, что телик прибавляет десять кило?

— Знала. А ты не ешь много, — посоветовала Агата.

Алекс тут же надулась.

— Ага… Не ешь… Попробуй тут не поесть! Ага-та, может, тебе с мужиками так не везет только потому, что ты, кроме нас, никого не кормишь?

— Ты тоже никого не кормишь, включая Стаса, но он от тебя до сих пор не сбежал, — отбила атаку Агата.

Алекс самодовольно задрала нос.

— Это потому, что я — золото.

— А я тогда кто?

— Ты — калифорний, — вмешался я. — Он стоит семьдесят миллионов долларов за грамм. Не смотри на меня так, я ничего не выдумываю. Сколько ты весишь? Переведи это в граммы и умножь.

Агата не ответила, но мысль, что она может обратить свои пятьдесят кило в миллионы долларов, ее очень заинтересовала. Она с трудом выудила из кармана телефон, придержала второй рукой сползающего к поясу щенка и поискала в интернете информацию, после чего скривилась:

— Так, что там пишут в Сети… Ага… «Калифорний — искусственно синтезированный радиоактивный металл, который не встречается в природе». Ключевое слово тут, видимо, «радиоактивный». Ну, все правильно. Рядом со мной все

живое на двух ногах умирает. Поэтому я взяла собаку.

— Французские бульдоги с тобой плохо сочетаются. Тебе нужен доберман или овчарка, — сказал я. — Сделаем фотосессию: ты в длинном пальто, красной косынке и с маузером, рядом пес, а на заднем плане паровоз и броневичок. Все в духе революции, как ты любишь.

— С чего бы я любила революцию? Нет, овчарки и доберманы — это хорошо, зато бульдоги смотрятся мило, — возразила Агата. — Ну, завела бы я овчарку, и что? Выглядела бы как типичный мент. А рядом с этим толстячком я буду казаться нежной и доброй. Толстые собаки всех умиляют. К тому же у меня исчезнет проблема, что делать со вчерашним супом.

— Собак человеческой едой лучше не угощать, — возразил я. — Особенно гладкошерстных, это я тебе как опытный собаковод говорю. А бульдоги вообще капризны, у них аллергия почти на все. Будешь в итоге его одним куриным филе кормить.

— Мне не жалко. Филе так филе. Ладно, идите уже за своими блинами, а то Пончик замерзнет.

— Мы мигом! — пообещала Алекс, схватила меня за рукав и поволокла в праздничную суету.

Накануне Агата топила баню, и помещение еще не успело до конца остыть, а воды осталось больше полбака. Я снова затопил печь, наколол дров впрок и уже хотел возвращаться домой, как увидел у соседнего дома полицейские машины. Одет я был в старый ватник на голое тело, удостоверение осталось в кармане куртки, и я не пошел выяснять, что происходит, решив для начала спросить у подруги. Агата накрывала на стол, пока Алекс возилась с Пончиком, оттачивающим на ней звериный рык. Получалось очень забавно, — напоминало нападение резиновой игрушечной пищалки. Я подумал, что нам снова надо взять собаку, раз эти игры доставляют ей такое удовольствие. Вопрос только, кто бы с собакой гулял, если нас постоянно нет дома?

— У твоих соседей какая-то возня, — сообщил я Агате. — Коллеги подъехали, суету навели. Что происходит, не узнавала?

— Узнавала, но аккуратно, мне и без того половина улицы в спину плюет, а другая лезет с просьбами найти сбежавших мужей и похитителей варенья. У меня, как оказалось, новый сосед. Вдова профессора Светлова продала дачу, и теперь там новый хозяин. Знаешь кто?

— Нет, но возникает предчувствие, что ты мне

скажешь.

— Беня Тамбовский. Вот счастье-то привалило, — мрачно сказала подруга. — Какая радость, — жить с ним по соседству!

Беня Тамбовский, точнее, Борис Торсуев, был хорошо знаком всем сотрудникам полиции как представитель старой касты преступного мира. Из тех, кто жил по понятиям, не скатываясь в реалии современности, где воровские законы размывались, а традиции соблюдались уже не так строго. Ходок за Беней еще в советское время было немало, в основном за фарцу, спекуляции, скупку краденого и махинации с валютой. В последние лет тридцать Торсуев то ли завязал, то ли не попадался. Почтенный возраст Бени позволял думать, что он предпочел вольную жизнь рискованным сделкам, но его имя порой так или иначе возникало по ходу расследований. Однако зацепить Беню в последнее время не удавалось никому, в том числе и Агате, а она была знатным сыскарем и близко к сердцу принимала неудачи. То, что к Бене приехали с обыском, значило: где-то он знатно наследил.

— Не ты на него, часом, стрелки перевела? — строго спросил я. — Колись давай.

— Сдурел? Оно мне надо, да еще у себя под бо-

ком? Нет, тут дело в другом, похоже, он искал себе тихую гавань. Беня — положенец, насколько я знаю, он держит воровской общак, — продолжала Агата. — Мне по секрету сказали, что его городскую хату обыскали до последней дощечки и ничего не нашли. Эту дачу он прикупил недавно, оформил на сына сожительницы. Формально он в браке не состоял никогда, но по факту у него одна и та же женщина последние лет сорок. Официальный хозяин дачи, видимо, Бенин сын, я не проверяла, но у него отчество Борисович. Урки знали, но смотрели сквозь пальцы, так как Беня жил по понятиям, к тому же он прирожденный бухгалтер.

Я помолчал. Роль положенца отличалась от роли вора в законе, поскольку формально законниками положенцы не являлись, но притом большая часть требований к ним тоже относилась, например, соблюдение всех воровских законов. Заводить семьи им не то чтобы совсем не разрешалось, особенно в современных реалиях. Но близкие всегда были под угрозой, так что урки на семьи смотрели косо.

— А с чего вдруг наши пошли за общаком? — спросил я. — Тем более к Бене, который давно уже на пенсии.

— А вот не факт, что он на пенсии. Месяц назад было ограбление банка, помнишь, на Садовой? Постреляли тогда знатно, хорошо, хоть не убили никого. Взяли и рубли, и доллары. Так вот, часть долларов была меченой, я не особо в курсе, район не наш, дело не у меня в производстве, но, по слухам, именно эти деньги и осели у Бени. И если удастся найти хотя бы одну меченую сотню, Беня сядет надолго. Мне его даже жалко чуть-чуть. Он, конечно, спекулянт, но без крови на руках. И отправиться на нары на седьмом десятке будет очень обидно. Но я не буду вмешиваться. Он в конце осени ко мне заходил с разговором, но через пять минут ушел. Я даже не поняла, чего хотел… Впрочем, тогда была не в духе.

— А когда ты была в духе? — меланхолично спросил я.

Агата бросила на меня недобрый взгляд.

— Пончик напрудил лужу, я все убрала, — отрапортовала подошедшая к нам Алекс. — Если тебе нужен хороший ветеринар, могу дать контакты, щенка наверняка надо привить.

— Он уже привитый, но контакты дай, хотя у нас и у кинологов очень хороший дядька работает, я его сто лет знаю, — сказала Агата. — Слушайте, я подумала, может, Пончик — несерьезное имя?

Назову его Джульбарс!

— Он такой милый, просто Пуся, какой из него Джульбарс? — возразила Алекс.

— Ладно, я еще подумаю, — сказала Агата. — Что там с баней? Успеем поужинать? Тогда садитесь, борщ стынет.

Когда мы с Алекс вернулись домой после банных процедур, Агата, играющая с щенком, сообщила, что коллеги отбыли с пустыми руками. Никакого общака у Бени Тамбовского не нашли. Не могу сказать, что это обстоятельство произвело какое-то впечатление. Нам до махинаций Бени никакого дела не было.

Обыск в собственном доме Борис Торсуев перенес философски. На самом деле о том, что против него копают, он узнал загодя, только времени подготовиться к обыску было катастрофически мало. Приобретая для себя новый дом, Беня Тамбовский был уверен, что тут его никто не тронет, да и кому придет в голову искать общак на даче? Нет, для такой суммы требовалась настоящая крепость, коей и были Бенина квартира и загородный дом, а это место со схроном никак не ассоциировалось. Ну да, большой участок и дом в два этажа, но все простенько, по-советски, без изысков, даже замок можно гвоздем открыть,

имея соответствующие навыки. Словом, не Форт-Нокс. Однако дачкой заинтересовались очень скоро, такое без наводки невозможно, а, может, кто-то из местных предпринял меры. Непростые тут люди жили, ой непростые!

Первой под подозрение попала соседка. Выбирая дом в дачном поселке, где участки распределяли между творческой интеллигенцией, врачами и ментами, Беня и представить не мог, что в соседнем доме живет дочка того самого следака, что гонял его по молодости. Дочка и сама далеко не ушла, выбрала ту же профессию и даже преуспевала. Ходили легенды про цепкую хватку этой цацы. Соседка вроде вела себя прилично, появлялась на даче только на выходных. В магазине, где Беня столкнулся с ней пару раз, поздоровалась с вежливым равнодушием, но точно узнала. Дрогнуло что-то в ее холодном лице Снежной Королевы. А сосед, запойный алкаш дядя Леня, недолго думая, выдал базу: Агату Лебедеву боится весь поселок, все ходят по струнке, потому что она тут — Крестная мама, и без ее ведома мышь не проскочит. Попробуй только пойти поперек — скрутит в бараний рог, перемелет жерновами и не поморщится.

— Так что ты тут ненадолго, Борис, — поды-

тожил дядя Леня и подмигнул обоими глазами сразу.

Да, это могла быть Агата. Баб, пусть крутых, Беня не боялся, на то они и бабы. Однако на всякий случай справки навел. Стукачок в Следственном комитете шепнул: у Лебедевой нет дел в производстве, где хоть как-то оказался бы замешан Беня Тамбовский. И на лапу Лебедева не берет, дрянь принципиальная. А вот ее коллега по СК Денис Выходцев Беней очень интересовался, так что шут его знает…

На всякий случай Беня решил провести разведку боем: купил в магазине цветов и ананас, сунул в авоську банку груздей, оставшихся от прежней хозяйки, и пошел к Лебедевой знакомиться. Вошел, культурно стукнув в дверь, и обнаружил хозяйку за весьма нетривиальным занятием: Агата разбирала и смазывала карабин «Сайга». Разговора не получилось. Дочка следака Саши Лебедева оказалась еще суровее того, цветы и подарки не приняла, а говорить при почти собранной «Сайге», куда нужно только карабин вставить да затвор передернуть, Бене было неуютно. Это уже потом от дяди Лени он узнал, что Агата Лебедева опасалась вовсе не его: в лесу у поселка вроде как видели медведя-шатуна, и

чего-то зверь уже успел натворить. Но впечатление все равно было неприятным.

Поразмышляв, Борис пришел к выводу, что Агата никакого отношения к обыску не имеет, и если кому интересно, куда Беня спрятал воровские деньги, то точно не ей. Домашние после обыска ходили слегка пришибленные, хотя к его делам вроде давно привыкли, невестка разве что смотрела волком. А вот внукам было все едино. Старший, позабыв, как только что полиция рылась в его игрушках и даже разодрала в клочья большого медведя, прыгнул к нему на колени и спросил:

— Деда, а мы завтра будем Масленицу праздновать?

Не на людях Беня разрешал называть его дедом, потому умилился: какие хорошие пацаны растут!

— Будем, только подготовимся как следует, — пообещал Борис и погладил непризнанного внука по голове. Воровские понятия не могли помешать ему на старости лет кого-то любить практически открыто.

Леха Ширшов по кличке Шершень осторожно высунулся из-за угла и убедился, что полицейские машины покинули улицу. Потерев замерзшие

уши, он побежал в старую «Хонду», где сидел его напарник Игорь Листяк. Листяк, читавший потрепанную книжку Джека Лондона, поднял на Шершня осоловелые глаза и поморщился, когда тот хлопнул дверью.

— Дома холодильником так хлопать будешь.

— Уехали, — отрапортовал Шершень. — Беню не выводили. Наверняка и бабло в доме осталось. Если б нашли, всех бы повязали. Я вот думаю: может, мы зря тут торчим? Денег нет?

— Следак сказал ясно: бабки тут. Просто Беня их так заховал, что эти увальни тупо найти не смогли. Наверное, где-то в стенку замуровал. Или в погребе зарыл. Или еще куда.

— Если целая бригада ничего не нашла, мы-то как найдем? Зря остались, надо было валить сразу, как менты приехали, — пригорюнился Шершень.

Листяк помахал у него под носом книгой.

— Не ной. Мы, Шершень, обратимся к классике. Что спасают из дома во время катаклизмов нормальные люди?

— Женщин и детей! — радостно ответил тот. — А, документы еще. У нас, когда наводнение было, бабка первым делом паспорт схватила и еще кошку, Муркой звали. Мы ее так назвали после

фильма про банду… Помнишь? Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая…

— Рад за твою бабку и за Мурку. А что будет спасать положенец при катаклизме? Подсказываю: ему за это перед братвой отвечать…

Шершень радостно подпрыгнул и стукнулся головой о крышу машины.

— Общак! Точно! Только ведь у нас тут никакого катаклизма не происходит.

— Это да, — хитро улыбнулся Листяк. — Потому мы его должны создать. Дождемся ночи и создадим. И тогда он сам денежки вынесет.

— А Беню потом за утерю общака не вздернут?

— Главное, чтобы нас не вздернули. А Беня — хитрый лис, выкрутится… Ему не привыкать.

Когда во всех окнах погас свет, Шершень и Листяк вышли из машины, прихватив с собой канистру бензина, перелезли через забор и, убедившись, что их никто не заметил, торопливо облили заднюю часть дома горючим. Плеснув бензин на боковые стены и уделив особое внимание окнам, налетчики прокрались ко входу, заранее порадовавшись, что Беня Тамбовский не держит злых собак. Да и вообще, домик был какой-то несерьезный.

— Давай крыльцо обольем тоже, — сказал Шер-

шень и получил подзатыльник.

— Дебил! — зло прошипел Листяк. — Нам же хозяев не сжечь надо, а выкурить, причем вместе с баблом. Если они выйти не смогут, какой с этого прок? Понял?

— Понял. А если бабки не в доме? Тут вон и сарай, и баня…

— По той же схеме, — скомандовал Листяк. — Двери не трогай, полей стенки, потом их первыми и подпалим, дом следом. Бери канистру и топай. Да не шуми, а то получишь от Бени промеж глаз девять грамм свинца…

Шершень подхватил канистру и поплелся по заметенным дорожкам к темным постройкам, стараясь разглядеть дорогу. Дачку, слава богу, даже фонарями с фотоэлементами не оснастили, так что никакие огни предательски не вспыхивали. Это хорошо, только в темноте не видно, куда ступать, а снег скрывает все неровности. Тропинки были огорожены низеньким штакетником, об него Шершень и зацепился, порвал штанину и ухнул в подтаявший сугроб уточкой. Цветисто матерясь яростным шепотом, он поднялся, нашел канистру, поднял голову и едва не умер со страха.

Перед ним неподвижно стояло чудовище и

тянуло плетистые скрюченные руки.

Лобастый монстр был высотой не менее двух метров. Оттуда, с верхотуры, на Шершня скалилась зубами башка оранжевого цвета, обрамленная буйной лохматой гривой. Лапы чудовища были расставлены в разные стороны, на каждой красовалась большая голица, а на мощном туловище моталось рваное тряпье. Монстр поскрипывал на ветру и угрожающе раскачивался.

— Мама! — взвизгнул Шершень. — Мама дорогая!

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать: перед ним не какое-то реликтовое чудовище, готовое броситься в атаку, а самое обыкновенное пугало, разве что слишком большое, да еще и для чего-то придавленное дровами. Поморгав, Шершень сообразил: Беня Тамбовский чтил традиции и собрался провожать зиму на своем участке с размахом. Чучело готовили к ритуальному масленичному сожжению. В неверном свете далекого фонаря оказалось, что морда пугала вовсе даже не страшная, а жуткий оскал — на самом деле кривая улыбка, вырезанная в большой тыкве.

— Да чтоб ты сгорел синим пламенем! — прошипел Шершень.

Затем он покосился на канистру, перевел взгляд на пугало и гнусно ухмыльнулся. Облив его со всех сторон, Шершень чиркнул зажигалкой.

Проснулся я от того, что кто-то дергал меня за ногу. Я помычал, спрятал ногу под одеяло, но от меня не желали отставать. Я открыл глаза.

Это была Агата. Она поманила меня и скрылась за дверью. Я встал, почесал живот и вылез из кровати, стараясь не разбудить Алекс. Агата в доме была не одна. В прихожей торчал сосед, дядя Леня, с берданкой наперевес. Лицо соседа было встревоженным. Я покосился на часы: стрелки показывали два ночи.

— Стас, ты со стволом? — тихо спросила Агата.

Я нахмурился и кивнул. Вчера с дежурства я поехал к Алекс, переночевал у нее и, разумеется, не стал оставлять табельное в ее крохотной студии. Двери там были хлипкие, а поклонников у телеведущей в доме хватало.

— Что случилось?

— У Бени гости, и, как дядя Леня говорит, не с добрыми намерениями.

— Я сперва подумал, что это снова какой-то обыск, — излишне громко сказал сосед. В нашей спальне завозилась Алекс, а из комнаты Агаты донеслось скуление Пончика. Агата зашикала на

него, дядя Леня снизил децибелы, но голос все равно звучал, как из бочки. — Но они шныряют в темноте и, по-моему, собираются дом спалить.

— Пойдем глянем, — предложила Агата. — Не нравится мне это.

— Ну пойдем, — вздохнул я и пошел одеваться.

Бесшумно это сделать не получилось, Алекс проснулась и села в постели, заспанно хлопая глазами. На объяснения не было времени. Агата сунула ей истошно скулившего щенка. Мы с соседом вышли первыми, Агата последовала за нами. В руках у подруги я увидел «Сайгу».

— Ого! — восхитился я. — Не знал, что ты карабин купила.

— Да больше для острастки, — оправдалась Агата, сконфузившись. — Я же всю осень тут одна торчала, участок крайний от дороги, возле самого леса, а у нас медведь объявился. У Гришиных пасеку разломал. Я его вроде даже видела один раз. Ну, привезла бы я свой «ПМ», толку-то от него против такого зверя… Пойдем через заднюю калитку, если там бандюки, они нас на дороге увидят, а так мы вплотную к дому подойдем. Выходим по одному и свет не зажигаем.

Мы не успели даже подойти к дому Бени, когда над двором поднялось зарево и сноп искр. За

забором идти было неудобно: снег в тени высоких сосен не успел подтаять, мы проваливались почти по колено, но выходить на дорогу было рискованно. Дом Бени был последним, у самого леса от других его закрывали дом Агаты и несколько высоких сосен.

— Дядь Лень, — шепнул я, — ты как злодеев-то увидел? Ты живешь далеко.

— Да с вечера еще, — шепнул сосед. — Они машину в аккурат возле моего дома поставили и все бегали туда-сюда. Я подумал первым делом, что это ваши остались, для наблюдения или, там, засады, например. Только морды у них какие-то бандитские и тачка стремная. Но с расспросами решил не лезть. Потом гляжу, они ночью к дому Бориса потащились, я и сследил.

— Оружие при них было? — спросила Агата.

— Не приметил. Может, по карманам?

— Их двое?

— Вроде бы. Больше не видел.

Тащить карабин Агате было тяжело, она пыхтела и пару раз, провалившись в снег, едва не упала. Я отобрал его, сунул ей свой пистолет и строго велел не отстрелить мне голову. Агата надулась, но промолчала: в принципе, то было объяснимо, на стрельбище она еле-еле сдавала

нормативы. Когда мы подошли к забору Бени, первое, что бросилось нам в глаза, это гигантский крест в тряпье, увенчанный большим шаром.

— Это что за ку-клукс-клан? — выдохнула Ага-та.

— Масленичное чучело, — торопливо пояснил дядя Леня. — Борис собрался устроить проводы зимы для детишек, они позавчера эту жуть со-орудили. Все семейство старалось. Я даже помочь вызвался, но Борис отказал, да еще грубо так гавкнул: не надо, мол!

Мы притаились за забором и довольно быстро увидели два темных силуэта, что шныряли по участку. Один скрылся за домом, второй походил вблизи сараев, откуда до нас донеслось отчет-ливое бульканье, будто что-то лили на стены, потом неизвестный подошел к чучелу и вроде бы испугался. До нас долетел сдавленный крик.

— Я бы тоже испужался, — проворчал дядя Леня. — Станислав, что делать будем? Брать с поличным?

— Не спеши, дядь Леня, — прошептал я. — Мо-жет, у них стволы есть.

— Так и у нас есть! — резонно возразил он.

— Так мы не при исполнении.

— А они сейчас дом спалят! Давайте хоть шу-

ганем!

Шугануть мы не успели, — постройки на участке занялись сразу с четырех сторон. Пугало полыхнуло одним из первых. Сноп высокого пламени взлетел к небесам. Дом тоже загорелся, но как-то вяло.

— Дождались! — воскликнула Агата. — Сейчас все сгорят к чертям! Берем их, Стас! Дядь Лень, вызывай полицию и пожарных!

Мы перепрыгнули через забор и бросились к дому. Притаившиеся злодеи при виде нас бросились в глубь двора. В доме послышались крики, двери открылись, — на пороге показался Беня в трусах и майке, с ружьем в руках. Заметив нас, он открыл огонь. Мы с Агатой юркнули за поленницу, от которой полетели щепки, дядя Леня нырнул за сарай.

— Беня, идиот, прекрати по нам стрелять! — заорала Агата.

— Кто это? — крикнул тот.

— Агата!

— И какого хрена ты мой дом подожгла? — завопил Беня.

— Да это не я! У тебя тут еще двое гостей! Убери пукалку и не смей в нас тыкать, у меня тут люди вооруженные! Я клянусь, что помочь пришла!

Беня неохотно опустил ружье, мы вышли из укрытия и осторожно подошли. Он посмотрел на нас недоверчиво, а потом спросил:

— И где эти гости?

— Тут где-то, — сказал я. — Не знаю, вооружены или нет. Домочадцев выводи и дом туши, пожарные едут уже. Агата, пойдем…

Далее две вещи произошли одновременно: от ворот в разные стороны брызнули две тени, а Беня с воем совершил весьма странный поступок. Он побежал к горящему пугалу, повалил на землю и стал лихорадочно затаптывать ногами. Что-то умное шевельнулось в моей голове, но размышлять было некогда. Мы с Агатой кинулись в погоню за поджигателями.

Это была засада. Шершень понял это сразу, несмотря на куцый умишко, куда быстрее Листяка — мозга операции. Когда со стороны леса, через забор на них бросилась целая армия вооруженных до зубов боевиков, он первым дал стрекача. В панике Шершень рванул в противоположную от машины сторону, к темнеющему лесу, где можно было спрятаться. Бежал Шершень невероятно быстро, аж в висках застучало. Когда через пару минут он рухнул в большой сугроб и перевел дыхание, оказалось, что никто его не преследует.

Выдыхая, он попытался припомнить, что видел. Вооруженных людей было не настолько много, а одна и вовсе баба. У Шершня тоже был ствол, но он его даже не доставал, да и вообще толком стрелять не умел.

В поселке поднялся шум, оставшиеся зимовать дачники высыпали на улицу, наверное, помогали тушить пожар. Шершень подумал, что может смешаться с толпой, но, наверное, лучше не соваться, дачники друг друга в лицо знают. Вот только что делать? До трассы пятнадцать километров, без машины пройти их в темноте весьма проблематично. До станции недалеко, но первая электричка придет только в шесть утра, вокзала нет, лишь открытый навес на перроне, не согреться, не обсохнуть, а он полные берцы снега набрал, пока мчался по сугробам. Листяк наверняка уже уехал и бросил его одного. Шершень пошарил в кармане в поисках телефона и зло выругался: конечно, он выпал где-то в сугроб. И как с подельником связаться?

Шершень предпочел рискнуть и проверить, не стоит ли машина с Листяком на прежнем месте, не ждет ли тот товарища где-то на обочине. Это был лучший вариант, тем более что до первой электрички оставалось больше трех часов, а оста-

ваться в лесу слишком холодно, темно и страшно. Разглядев в темноте собственные следы, Шершень медленно двинулся обратно в сторону дач, намереваясь обойти опасное место пожарища. Под ногами хрустел снег и ломались ветки. Каждый раз треск пугал Шершня неимоверно, да еще в голове все крутилась та жуткая маска пугала на участке Бени Тамбовского.

Снова хрустнула ветка. Но на сей раз не в такт с движением. Шершень застыл с поднятой ногой. Что это было? Дерево хрустнуло на морозе? Или?..

Или. Снова хрустнула ветка, на этот раз ближе. Шершень в панике оглянулся и увидел, как совсем рядом, буквально в шаге от него сверкают зловещей зеленью два глаза на лобастой темной башке. Заорав, он сунул руку за пояс, вырвал пистолет и, торопливо сняв его с предохранителя, сделал несколько выстрелов в сторону подкравшегося медведя.

Зверь не то чтобы зарычал, — скорее, рыкнул и метнулся куда-то вбок, сбивая с деревьев снег, возможно, хотел напасть с более удобной позиции, чтоб не лезть через бурелом. Шершень выстрелил в сторону мечущейся между деревьями туши и, видимо, попал, поскольку зверь снова

зарычал, будто ахнув от неожиданной боли. Но что толку от крошечного пистолетика против такого монстра! Страх придал Шершню сил и скорости. Шансы уйти от зверя были бы невелики, если бы он не выскочил прямо на дорогу, запоздало удивившись, что не так уж далеко убежал от дачи Бени, полыхающей желтым пламенем. Навстречу мчались какие-то люди: мужчина с карабином и женщина с пистолетом, — а следом за Шершнем летел бурый клубок ярости и зубов. Шершень выстрелил в последний раз, промахнулся, швырнул бесполезный пистолет в снег и заорал:

— Помогите!

Медведь нагнал его и ударил мощной лапой, сбивая с ног и подминая под себя. Шершень заорал от боли и ужаса. Мужчина начал стрелять, подбегая все ближе, женщина тоже стреляла, но в воздух, опасаясь попасть в жертву шатуна. Несколько зарядов картечи попали медведю в бок, и он испуганно прыснул в сторону, оставив помятого Шершня на земле.

— Вроде живой, — констатировал мужчина, подбежав к нему. — Эй, мужик, встать можешь?

— Не знаю, — пискнул Шершень, охнул, но поднялся.

Все тело болело, будто по нему проехал самосвал, но крови не было. Правда, по штанам текло, но это была не кровь. Стало немного стыдно, но ведь не каждый день тебя едва не жрет медведь. Шершень даже подумал, что эту историю он будет рассказывать своим корешам и детям, если когда-нибудь женится. Он приосанился и даже хотел было выдать что-то бодрое и благодарственное мужику, который спас его от зверя. А потом он увидел, как женщина, покопавшись в снегу, вытащила за ствол брошенный пистолет. Сперва Шершень даже обрадовался, а потом забеспокоился: зачем ей это надо?

— Вещдок, — радостно заявила она, отвечая на его немой воарос. — Посмотрим, что на этом стволе есть.

У Шершня возникло подозрение, что вооруженные мужик и баба оказались тут не просто так, но догадка ему не понравилась.

— А вы кто? — робко спросил он.

— Твои ангелы-хранители, — успокоил его мужчина. — И есть у нас одно место, где ты отдохнешь лет пять. Но ты не переживай, медведей там нет и кормят три раза в день по ГОСТу.

— Тогда ладно, — согласился Шершень и неожиданно для себя заплакал.

Несмотря на свой размер, Пончик оказался довольно суров и вот уже минут пять нападал на Алекс, что изображала из себя захватчицу старой Агатиной варежки, брошенной щенку в качестве игрушки. Подскакивая на кривеньких ножках, маленький бульдог отчаянно защищал свою собственность, и порой ему удавалось цапнуть Алекс за ладонь мелкими булавочными зубками. Девушка хохотала, валила Пончика на спину и чесала пузо, а он извивался, как сосиска на сковороде, и открывал розовую пасть. Если смотреть сверху, то она напоминала скромных размеров чемодан.

— Отрадно сознавать, что раскололись они довольно быстро, — сказала Агата и зевнула. Поспать в эту ночь нам не удалось от слова «совсем». — И очень неприятно, что на дачу Бени их навел мой коллега Денис Выходцев. Обыск санкционировал другой следователь, Беня у него ходил в подозреваемых, опять же, наводка. А Денис хотел поживиться, но по воле случая отправил своих налетчиков на дело в один день с обыском. Бене, естественно, донесли накануне, и он принял меры.

Я хмыкнул. Меры, действительно, были приняты несколько экстравагантные. Ожидая обыска,

Беня распихал деньги по мешкам с соломой, сделал из них чучело и выставил на видном месте, памятуя, что темнее всего под фонарем. Полиция обшарила дом, не додумавшись распотрошить пугало, Беня доложил законникам, что с деньгами все в порядке, и успокоился, намереваясь забрать их наутро, после чего пугало следовало сжечь. О визите налетчиков он не подозревал, оттого отчаяние Бени при виде обгоревших купюр было неподдельным, а усугубилось оно тем, что часть банкнот не сгорели, и по ним можно было привязать его к ограблению банка.

Перед тем как Беню увезли, он попросил передать Агате и мне свою благодарность. От законника это дорогого стоило.

— Хорошо, что второй не сбежал, — сказал я.

Агата фыркнула.

— Куда бы он сбежал, если дядя Леня ему все шины продырявил?

Игорь Листяк был задержан мной при поддержке дяди Лени. Сосед и правда успел проколоть все шины на автомобиле налетчиков. Дожидаться подельника Листяк не стал, но вот двинуться с места на ободах не смог, а тут подоспел я с карабином. Наручники я всегда вожу с собой, разбуженная Алекс принесла их мне и даже

героически сторожила задержанного вместе с дядей Леней до прибытия полиции, пока мы с Агатой отбивали Ширшова от медведя, побежав на выстрелы. Все закончилось около семи утра, после чего мы пошли завтракать, уже не думая о сне. Все равно ночь пропала.

— Ни дня без приключений, — вполголоса проворчала Алекс. — Поехали блинов поесть, называется. Нет, я ничего не имею против, но почему стоит нам приехать к Агате, что-то случается? Неужели вам приключений на работе мало?

Я покосился на хозяйку дома, которая ушла варить кофе и нас не слышала.

— Да оно как-то само собой получается. Если хочешь, можем не ездить.

— Да ну, глупости, что же теперь, не дружить, если мы живем в окружении одних преступников? Но хотелось бы хоть иногда проводить время в тишине и мире.

— Ну ты же знала, на что идешь. Где мы, а где тишина и мир…

— Что вы там шепчетесь? — спросила Агата, занося в гостиную кофейник.

— Я говорю, что твой Пончик вырастет очень злым, у него вон десны какие черные, это верный

признак, — сказала Алекс. — Знаете, во всей этой истории мне больше всего жалко медведя. Что с ним будет?

— Скорее всего, его застрелят лесничие, — грустно сказала Агата. — Тут ничего не поделать, он уже нападал на человека, крови попробовал, а шатуны неуправляемы. Мне бы не хотелось с ним тут встретиться.

— А меня интересует, что будет с Беней после того, как братва узнает, что он пустил их общак по ветру, — сказал я.

Агата пожала плечами.

— Ну, сядет он однозначно. Причастность к ограблению налицо. Хотя Беня никогда в жизни не сдаст законников, будет брехать, что денежки к нему пришли случайно. Приплюсуй сюда незарегистрированный карабин, стрельбу по сотрудникам правоохранительных органов.

— Неужто ты Беню сдашь?

— Да не думала даже, но, сам понимаешь, если свидетели найдутся, глупо отрицать, что он в нас стрелял. Нет, я, конечно, буду стоять на том, что палил он не в нас, а в Листяка и Ширшова, но грызть землю за Беню я не стану… Спать хочется зверски, но чувствую, что уже не усну. Надо бы хоть прогуляться.

— А поехали на гулянья? — предложила Алекс. — Там сегодня будут чучело сжигать, да и блины уже кончились.

— А поехали, — легко согласилась Агата. — Мало нам одного Страшилы, посмотрим, как второго спалят.

Александр Рыжов
Всадник огненный

Не так много лет было Николаю Петровичу Клочкову — шестьдесят с небольшим. Люди куда дольше живут, а потом бывает, что и вспомнить нечего: жизнь прошла пресно, вяло, в сплошной рутине и серости. А вот Николаю Петровичу жаловаться грех — несмотря на не самый древний возраст, повидал на своем веку немало. Человек трех эпох, как назвала его одна склонная к пафосу ленинградская журналистка.

И то верно. Родился еще при царизме, в разгар Первой мировой. Отца, погибшего на турецком фронте, не видел ни разу, читать учился по книжкам с ятями и ерами. Но старый режим свергли, дореволюционную грамматику отменили, и заканчивал среднее образование уже в советской школе. Мечтал о дальних странствиях, поступил в мореходку, но грянули сороковые, и вместо кругосветки на фрегате с белоснежными парусами пустился Клочков в море на закопченном грузовом пароходе, на который спешно навесили какую-никакую броню и поставили пушки, пере-

делав в военный корабль.

Повезло: хоть и прошел через десятки сражений, но остался жив и почти невредим, если не считать пустяковых царапин, двух контузий и оторванного осколком пальца на левой ноге. Так закончилась для него вторая эпоха — грозовая. Наступил мир, и, казалось, можно было без помех вернуться к осуществлению давней мечты о путешествиях, но Николай Петрович охладел к перемене мест. Его уже не тянуло мотаться по свету в поисках впечатлений, хватало и того, что происходило вокруг.

Удивляться было чему: страна, словно по волшебству, восставала из руин, залечивала раны, преображалась, становилась все краше и величественнее. Родной город Клочкова Ленинград, — разрушенный, выгоревший и почти вымерший за три блокадных года, — будто воскрес, поднялся из пепла. Всюду кипело движение, строились новые дома, приезжали молодые энергичные люди — в общем, началось бурное и могучее коловращенье, от которого, выражаясь поэтическим языком, сердце поет и душа воспаряет.

Затянутый в эту веселую жизнеутверждающую круговерть, решил Клочков, что нет ему нужды покидать любимые места и искать счастья в

чужих краях. Зачем гоняться за химерами, когда и так хорошо? Главное, не выпасть из строя, не стать праздным обломком прошлого, выкинутым стремниной на берег и сгнившим без дела.

К тому времени появилась у Клочкова страсть к спорту. Увидел однажды, как гоняют на льду шайбу, и навсегда заболел хоккеем. До сорока лет играл вратарем за команду Балтийского флота под названием «Аврора», а в середине пятидесятых отучился на тренера при Центральном институте физической культуры и пришел в тот же флотский клуб наставником молодежки. Скольких звездных игроков воспитал — не сосчитать.

Несколько лет назад получил повышение — из дубля перевели в тренеры основной команды. Причина имелась веская — «Аврора», в начале семидесятых слывшая крепким середняком, перестала показывать результат и скатилась в подвал турнирной таблицы союзного чемпионата. Балтийский военно-морской командующий Посов терпел, терпел и, наконец, разогнал к чертям тренерский штаб. На место главного был приглашен Николай Петрович. Ему сказали: он волен делать с командой все, что заблагорассудится, лишь бы она избежала позорного вылета из Высшей лиги.

С задачей минимум Клочков справился. При нем «Аврора», хоть и продолжала барахтаться в числе аутсайдеров, каждый раз избегала понижения в классе. Однако такой ход событий Клочкова не устраивал. От него ждали большего, да и сам он устал тащить «Аврору» по краю пропасти, биться за выживание. Инфаркт на нервной почве заработал, врачи рекомендовали отказаться от стрессов, жить размеренно и спокойно.

Николай Петрович понимал, что перспектив для усиления команды нет, всех мало-мальски талантливых ребят переманивает к себе Москва. Заинтересовать бы их материально, но, как на беду, обожавшего хоккей Посова сменил на командном посту вице-адмирал Тодоров, спортом не интересовавшийся. Выпросить у него дополнительное финансирование было нереально. Ходили даже слухи, что клуб расформируют как ненужный придаток к военному ведомству.

Такая вот обстановка сложилась к концу 1978 года, когда в хоккейном первенстве СССР наступила новогодняя пауза. После двадцати девяти туров «Аврора» занимала предпоследнее место, и всего одно очко отделяло ее от шедших замыкающими уфимцев. Это значит, что во второй половине января, когда возобновятся игры, опять

придется сидеть на валидоле, переживать, психовать… А чего ради? Когда думаешь лишь о том, чтобы не потонуть, стыдно и перед болельщиками, и перед самим собой.

Будучи в угнетенном расположении духа, Клочков распустил хоккеистов на каникулы и уехал к себе на дачу, в маленькую деревеньку недалеко от Павловска. Здесь все напоминало ему о той первой эпохе, очень короткой, мимолетной, но прочно закрепившейся в голове благодаря цепкому детскому восприятию.

Дом принадлежал еще дедушке Клочкова, потомственному дворянину, и был бы неминуемо отобран после Октября, если б старик не оказался первоклассным лекарем и не поставил профессиональный долг выше политических убеждений. Он еще в годы германской войны организовал в деревушке больницу для бедных, содержал ее на собственные средства, был и директором, и завхозом, и главным лечащим врачом. Потом, когда полыхала Гражданская, больница принимала раненых красноармейцев, пострадавших в боях с Юденичем. А когда вновь настали мирные времена, Родион Гермогенович Клочков (так звали дедушку) передал ее государству, но так и остался в ней за главного, поскольку более

опытных медиков в округе было не сыскать. Он самоотверженно трудился за скромное жалованье, разработал оригинальную методику борьбы с тифом, чем спас сотни пациентов. За все вышеперечисленные заслуги ему и оставили в пожизненное пользование наследственный дом, только участок урезали до одной десятины. Но ему и этого было много — заниматься садом и огородом не позволяла высокая загруженность в лечебнице.

Родион Гермогенович дожил до Великой Отечественной, так и не выйдя на пенсию, и угас голодной зимой сорок первого. После освобождения деревушки изрядно пострадавший от бомб и огня дом отнимать у потомков героического доктора не стали. В нем совсем недолго хозяйничала мать Николая Петровича, а после ее кончины он сам стал наведываться сюда каждый свободный день. Семьи у него не было, он жил исключительно спортом, не особенно заботясь о личном благе. Деревенское уединение сделалось для него единственным способом отдыха.

Клочков восстановил дом, воссоздав в нем атмосферу первых лет своей жизни — всеми позабытую, уже почти былинную. Здесь стояла тяжелая, потемневшая мебель ручной работы,

какую изготовляли давным-давно искусные мастера. Далеко не все из этих предметов искусства (иначе не назовешь) принадлежали предкам Клочкова — большинство деревянных изделий разрушилось и сгорело, не пережив исторических катастроф. Но Николай Петрович нашел у антикваров и выкупил вещи, максимально схожие с теми, которые помнил с детства. В углу стоял массивный комод, рядом с ним — буфет с резными дверцами, далее — диван с потертой сафьяновой обивкой. Обыкновенный советский человек, привыкший к современным реалиям, попадая в клочковское родовое гнездо, ощущал себя переместившимся в прошлое. Комнаты выглядели музейными помещениями, а все, в них находящееся, — экспонатами выставки «Дворянско-помещичий быт начала XX века».

Однако мало кто мог похвастаться, что посещал означенную кунсткамеру. Николай Петрович ревностно оберегал ее от посторонних, боялся, что станут называть ретроградом и, чего доброго, заподозрят в старческой сентиментальности. Этот дом был его святая святых, местом, где он оставался наедине с собой и своими воспоминаниями. Любые вторжения были нежелательны, ибо грозили внести диссонанс в хрупкий су-

сальный мирок, разрушить тонкий мостик, перекинутый между минувшим и настоящим.

Поэтому Клочков не обрадовался, когда сразу после Нового года затрезвонил допотопный дверной колокольчик и на пороге предстал облепленный снегом Костя Киселев, нападающий «Авроры».

— Ты откуда здесь? — удивился Клочков. — Пассатом занесло?

Любил он, бывший матрос и нынешний вожак флотской команды, ввернуть в свою речь какой-нибудь подходящий к случаю моряцкий оборот.

— Я не хотел… — заоправдывался Киселев, осведомленный о нелюбви Клочкова к незваным гостям. — Так получилось…

Он рассказал, что два его приятеля уговорили на праздники съездить на природу, покататься на лыжах. У одного из них была машина «Победа», на ней и поехали. Но старенькая таратайка застряла на заснеженной дороге, не доехав до Павловска. Они пытались ее вытолкнуть — не получилось. Киселев обвинил в случившемся неопытного водителя, тот вспылил, рассорились. Мимо ехал мужик на грузовике, помог выволочь злосчастную «Победу» из сугроба. Но обидчивый приятель наотрез отказался продолжать путь

вместе с Киселевым, сказал: если тот сомневается в его шоферских способностях, пускай идет пешком.

Так и бросили Костю на дороге. К счастью, он вспомнил, что неподалеку, в деревне, у Клочкова есть дача, куда тот уехал до середины января. Податься больше было некуда, вот и заявился непрошеным визитером.

— Не прогоните? — с надеждой спросил он Николая Петровича, стряхивая с шапки и пальто белые хлопья. — Мне бы только переночевать, а завтра уеду на попутке или на рейсовом…

— Проходи, бычок томатный, — проворчал Клочков и сунул под ноги Киселеву войлочные тапочки. — И где ты друзей-то таких находишь? А если б околел там, на дороге? Лежал бы, как треска замороженная…

Киселев критику принял безропотно, не возражал. Поскорее прошел в гостиную и встал возле натопленной печки, дышавшей уютным домашним теплом.

Николай Петрович придвинул к нему скрипучее кресло.

— Садись. Раз пришел, располагайся.

Это означало: хоть он и недоволен тем, что нарушили его покой, но выгонять воспитанника не

собирается. Да и кто бы ожидал, что он поступит иначе? К игрокам «Авроры» Николай Петрович относился, как к родным детям — бранить бранил, но, если возникали у них проблемы, помогал в меру сил, невзирая ни на что.

Киселев довольно быстро отогрелся и начал с любопытством оглядывать апартаменты Клочкова, в которых не бывал еще ни разу. Его внимание привлекла искусственная елка высотой чуть меньше метра, стоявшая на трехногом журнальном столике. Эта елка не была родом из детства Николая Петровича — он купил ее лет пятнадцать назад, когда заменители новогодних деревьев стали входить в моду и появились в широкой продаже. При монархическом режиме таких, конечно, не выпускали, и семейство Клочковых наряжало елочку, росшую во дворе. Но в сорок третьем году елочку выворотило залетевшим в усадьбу снарядом. Другой подходящей поблизости не нашлось, а рубить живые деревца в лесу, окружавшем деревню, Николаю Петровичу было жалко, вот и купил синтетическую. Она служила ему верой и правдой, хоть и чуть-чуть погнулась, потому что проложенная внутри пластмассового ствола проволока проржавела и утратила былую прочность.

Зато в остальном все смотрелось, как в фильмах по романам Толстого и Тургенева: на ветках висели обернутые цветной фольгой яблоки и пряники, а на столике лежали веером слегка выцветшие, но очень красочные рождественские открытки с ангелочками.

Костя взял одну, рассмотрел со вниманием.

— Занятные… Коллекционируете?

Клочков помедлил, но, не уловив в Костиных словах саркастических ноток, ответил начистоту:

— Это еще от родителей осталось. Храню как память. При царях только такие открытки и были, а сейчас они в диковинку.

— Это точно.

Киселев не был лишен художественного вкуса, сам, кстати, неплохо рисовал, вследствие чего проявлял интерес к образцам изобразительного искусства, в особенности редким. Он признал, что некоторые из лежащих на столике открыток выполнены с изрядным мастерством. Их единственным минусом было то, что они не отличались тематическим разнообразием: одни и те же пушистые зайчики, кудрявые херувимчики с крылышками да мохнатые снежинки.

Костя переворошил все открытки, потом разло-

жил их в прежнем порядке и вдруг заметил еще одну. Она притаилась за елкой, под висевшей на стене темной иконой в облупленной золоченой раме. Открытка разительно отличалась от остальных: на ней не было ни херувимчиков, ни снежинок, ни иных атрибутов Новогодья и Рождества. На лазурном фоне скакал по белому насту чудной всадник. Правой рукой он держал уздечку, а левой сжимал приставленную к губам желтую трубу. Но что диковиннее всего, развевающийся плащ на нем представлял собою красные языки пламени. Конь под всадником был вороной и несся во весь опор. Из ноздрей его валил не то пар, не то сизый дым, а хвост плескался на ветру огненным протуберанцем, сливаясь с горящим плащом наездника.

Чем дольше всматривался Киселев в рисунок, тем сильнее дивился натуралистичности и эффектности изображенной на ней сцены. Это как на виденных им в журнале картинах испанского сюрреалиста Дали: перед тобой нечто совершенно невероятное, но выполнено так подробно и правдоподобно, что готов поверить, будто художник писал с натуры.

— Николай Петрович, а это тоже старинное? — Костя запустил руку под елку и потянул к себе

приглянувшуюся открытку.

Однако Клочков внезапно загремел раскатистым басом:

— Что ж ты лапаешь все подряд, минтай иглокожий! Тебе кто разрешал?

Неожиданная вспышка со стороны любимого тренера сконфузила Киселева. Он торопливо отдернул руку — вышло неловко, зацепил нижние лапы елки. Она покачнулась и упала бы со всеми нацепленными на нее пряниками и яблоками, если бы не сработала реакция профессионального хоккеиста. Костя перехватил елку второй рукой за верхушку и не дал рухнуть. Она лишь еще больше согнулась. Он, как сумел, выпрямил ее и поскорее отошел от столика.

— Извините, я ненарочно…

Клочков уже не рычал, ярость улетучилась так же мгновенно, как и налетела. Ему стало совестно за то, что сорвался, и он забормотал:

— Ты это… не серчай. Просто не люблю, когда без спроса…

Хотел еще что-то добавить, но сдержался. Киселев не стал тянуть за язык, ждал, что будет. Видел: есть у Николая Петровича какая-то тайна, глубокая, сокровенная. И хочет он поделиться этой тайной, и боится. При том, что уж с кем,

с кем, а с мужественным Клочковым понятие «страх» никак не вязалось.

Часов в девять вечера сели ужинать. Николай Петрович привык к спартанству, деликатесов у него в доме не водилось, поэтому трапезничали вареной картошкой с солеными огурцами (их Клочков вырастил у себя на грядках и в конце лета закатал в трехлитровые банки).

Киселев не привередничал, уминал предложенную нехитрую снедь за обе щеки — знать, проголодался, пока ехал из города, а потом брел по снежным заносам. По мере насыщения он двигал челюстями все медленнее и невольно косился через плечо на елку, а точнее, на открытку с пылающим всадником, едва видневшуюся из-за искусственной хвои.

Николай Петрович, человек наблюдательный, ловил эти взгляды, хмурился и что-то обмозговывал. Гадал, можно ли поделиться с Костей тем, что не доверял еще никому.

Молчание затягивалось. Киселев уже думал, что так и досидят до конца ужина, после чего хозяин дома укажет ему на вытертый сафьяновый диван или другую мебель, которую можно было бы использовать в качестве спального места, и они распрощаются до утра. Однако Клочков

похрустел огурцом, наморщил лоб и, в конце концов, нарушил установившееся тягостное безмолвие.

— Глупость, конечно… — сказал он, как бы заранее оправдываясь. — Я еще совсем малой был. Прижился при царизме обычай — елку не на Новый год наряжали, а на Рождество. Так и называлась: рождественская. Сласти на нее вешали, игрушки всякие… В общем, почти то же, что и нынче.

— Знаю, — счел нужным вставить Костя, чтобы показать свою осведомленность. — Читал в старых книжках.

— Ну вот… Все эти открыточки с ангелами — они оттуда, из прошлого. Времена хоть и темные были, капиталистические, но детство вспомнить всегда приятно, особенно когда годы к старости клонят…

Странно говорил Николай Петрович, непривычно. Он словно стеснялся своих признаний, все время прерывался на секунду-другую, взглядывал на собеседника: не смеется ли?

Но Костя хранил невозмутимость и всем своим видом обозначал глубокое неподдельное внимание. Собственно, это и не притворство было, он в самом деле слушал внимательно. В кои-то

веки тренер, этот стальной человек, казалось, напрочь лишенный романтизма, изливает тебе душу и открывает доступ в ее самые что ни на есть потаенные уголки.

Клочков даже про моряцкие присловья забыл, перестал их вворачивать. И тон его, обычно властный и непререкаемый, переменился, сделался нерешительным, если не сказать робким. Это тоже было необычно. Киселев прекратил жевать, посчитав это в данных обстоятельствах проявлением неуважения. Так и застыл с куском картошки во рту, обратившись в слух.

А Николай Петрович вещал дальше:

— Ставлю я на каждое Рождество для себя эту елочку. Вроде как в детскую пору заглядываю. Один только раз в году, в самое волшебное время… Понимаешь?

Костя кивнул и судорожно проглотил недожеванную картошку.

— Понимаю…

— Нет, ты говори прямо, я не обижусь. Небось думаешь, чудак этот Клочков, умом на старости тронулся? Но я всю жизнь так делаю, просто никто не знал раньше… И ты гляди, не проболтайся. Проведают про эту мою блажь, еще, глядишь, из партии попрут. В мракобесии обвинят да в

суевериях. У нас это быстро…

— Я никому не расскажу, — пообещал Киселев. — Честное комсомольское!

— Верю… Добавку будешь?

— Нет, спасибо, я наелся… Николай Петрович, а открытка с наездником — она откуда? Уж очень на другие не похожа.

— Эта особенная… Отец с фронта прислал. Писал, что где-то в чужом окопе ему попалась. Не то немецкая, не то австрийская. Шибко мне понравилась. Наподобие талисмана у меня была. Когда в Гражданскую в этих вот краях, под Петроградом, бои шли, поселок из рук в руки переходил, бомбы вокруг рвались, снаряды… Мать молилась, а я вместо образов открытку эту перед собой ставил, а на ночь под подушку клал, чтобы засыпалось спокойнее. И ничего, обошлось.

Костя покосился на елку, за которой стояла заветная открытка.

— Удивительно, что она до сих пор сохранилась! Потом ведь еще Отечественная была, столько всего сгорело в пожарах…

— Сгорело, — согласился Клочков, — но эту картинку я сберег. Она со мной всю войну прошла, в нагрудном кармане лежала. Тут, видишь ли, какая история… — Он покряхтел еще более

смущенно. — Мать мне, мальцу, сказку про нее сочинила. Дескать, всадник этот — непростой. Он нашего семейства покровитель. Может, когда-то кому-то другому помогал, а потом его потеряли, и он через отца в наши руки перешел, теперь за нас отвечает. Бережет, пособляет… А еще желания исполняет.

— Это как?

— Сила у него есть чудодейственная. Если очень-очень захотеть и крепко об этом подумать, то все исполнится. Только у меня ни разу такого не получалось. — Клочков пригорюнился, отодвинул от себя тарелки. — Видно, не умею хотеть как надо.

— А если бы умели, что бы тогда случилось? — допытывался Киселев, невольно включившись в забавную игру. — У вас бы на сберкнижке сто тысяч появились? Или вы бы в «Спортлото» выиграли?

Николай Петрович насупился.

— Денег я никогда не просил и не буду. Они как пыль: принесло, унесло… Желание, мать говорила, должно быть от сердца, выстраданное, какое не в рублях меряется и не в долларах. Я всю жизнь гадаю: а какое? Потому, верно, и не сбывается ничего. Толком обрисовать его не могу, не

разумеет меня огненный всадник, плечами жмет и едет мимо. Мол, подожду, пока этот остолоп сообразит, чего же ему не хватает…

— А если бы сообразили, что тогда? — не унимался Костя. — Он бы к вам приехал?

Николай Петрович выказал признаки неудовольствия, молвил с сердитыми нотками:

— Ишь, пристал! Байка это, выдумка, а ты всерьез! — Помедлил, а затем все-таки досказал: — Кабы решил он мое желание исполнить, то объявился бы, наяву себя показал. Вот хотя бы по озерцу этому проскакал…

Клочков махнул рукой на затканное сумерками окно, за которым в свете луны поблескивал ледяной панцирь, покрывавший маленький поселковый водоемчик.

— И тогда сбудется?

— Сбудется. — Николай Петрович встал из-за стола, собрал посуду. — Поздно уже, а я не полуночник, да и тебе надо режим соблюдать. А то после праздников ползаете по льду, как раки-отшельники. Сейчас чаю попьем — и на боковую.

Любопытство Киселева не было удовлетворено. Еще один вопрос не давал ему покоя, и Костя увязался с Клочковым на кухню. Дом был подключен только к холодному водоснабжению,

отсюда возникали некоторые бытовые неудобства. Николай Петрович нагрел на газовой плите полную кастрюлю, вылил содержимое в тазик, добавил пару кружек, налитых из-под крана. Тронул рукой: годится.

Пока мыли в теплой воде тарелки и вилки, Киселев улучил момент и высказал то, что давно вертелось на уме:

— Я догадываюсь, чего вы хотите. Чтобы «Аврора» в этом сезоне в медали попала, да?

Николай Петрович хрипло рассмеялся и схватился руками за край таза, чуть не опрокинув его на себя.

— Ну ты ляпнул, омуль байкальский! Эдакого желания ни один чародей не исполнит, даже рыбка золотая!

Хотел было Костя обидеться за себя и товарищей по команде, но рассудил, что Петрович, в сущности, прав. Никто «авроровцев» со дна не вытянет, кроме них самих. Обращаться с подобными просьбами к высшим силам — глупо.

А впрочем, не глупо ли вообще верить в огненного всадника, в его могущество, в способность изменить жизнь к лучшему? Костя Киселев не дитя малое, к тому же атеист, воспитан в соответствии с идеями материализма. Но Клочков-то

верит!

Вымыв посуду, они снова переместились за стол. Хозяин разлил по расписным, несовременного фарфора, чашкам кипяток из самовара. Самовар был электрический, относительно новый, его подарило тренеру руководство клуба на прошлый день рождения. Вещь, не вписывавшаяся в антураж усадьбы, но не возиться же с угольным, право слово…

Когда пили чай вприкуску с кусочками рафинада, Киселев осмелился уточнить:

— А если не про «Аврору», то чего бы вы больше всего хотели?

Клочков хрупнул сахаром, хмыкнул:

— Чего хочу? Крышу на доме перекрыть. Шифер старый, полопался местами, давно замены просит… Но это, брат, тоже колдунам не по плечу, а мне и подавно.

— Почему?

— Дорого! Зарплата не позволяет, туда ее в шпигат… Мало того, что материал купить надо, так еще и шабашникам заплатить. А они три шкуры дерут, бакланы прожорливые!

— Крышу? — переспросил Костя растерянно. — А это разве… сокровенное?

— Еще бы! У меня на чердаке сырость разве-

лась, и потолок в трех местах протекает. Сгниет все к едрене фене, что буду делать?

Киселев вгляделся в морщинистое лицо наставника: иронизирует? Но Николай Петрович говорил серьезно, проблема его воистину беспокоила. Однако он не посчитал нужным далее обсуждать ее, допил чай и подвел итог под вечерними посиделками:

— Спать пора. У меня уже иллюминаторы слипаются…

Теперь это был тот Петрович, которого прекрасно знал Киселев. Доверительные беседы закончились, Клочков стал самим собой, суровым морским волком, и дал понять, что возвращаться к теме рождественских чудес более не намерен.

Ложем для постояльца он выбрал не диван и не какую-нибудь старомодную турецкую оттоманку, а банальную раскладушку. Костя высказал предположение, что она, как и самовар, куплена в наши дни, но Клочков опроверг его слова:

— Это мне один американец знакомый привез. У них такие штуки еще в прошлом веке выпускать начали. Называется «мэджик бэд». Один калифорниец делал. Так что ей лет восемьдесят, не меньше.

Киселев скептически ощупал алюминиевую

раму, пружины, цветастый брезент.

— А выглядит, как будто из мебельного на Невском…

— Так ничего ж с той поры не изменилось. Раскладушка она и есть раскладушка. Ложись давай.

…Полночи Киселев ворочался на калифорнийском изобретении, которое, не в пример советским аналогам, оказалось довольно-таки жестким, немилосердно давило в лопатки и поясницу. Дискомфорт, мешавший уснуть, не препятствовал мыслительной деятельности. Костя прокручивал в голове откровения Клочкова и в сотый раз дивился, каким разносторонним может быть человек. Кто бы мог подумать, что железобетонный Николай Петрович так цепко держится за воспоминания о давным-давно ушедшем детстве…

Задремал Костя далеко за полночь, а в шесть утра был разбужен бодрым звяканьем и шипением, доносившимися из кухни.

Встал, оделся, наскоро протер под краном заспанные глаза. Он бы не отказался поспать еще часок-другой-третий, на то и выходные, но негоже дрыхнуть, когда хозяин дома уже встал.

Клочков жарил яичницу с салом. Глянул мель-

ком на невыспавшегося жильца и ничего не сказал. Сегодня он не был подвержен сантиментам, вел себя, по всегдашнему обыкновению, делово и строго.

Сразу после завтрака Киселев засобирался на автостанцию. Клочков высказал сомнения по поводу того, что автобусы в Ленинград пойдут по расписанию, — больно много снега насыпалось за ночь, дороги наверняка еще не успели расчистить.

Как в воду глядел: Костя вернулся примерно через час и уныло сообщил, что общественный транспорт в город не ходит. Что до частников, то он попытался переговорить с двумя-тремя местными жителями, сулил им неслыханный бакшиш за то, чтобы добросили до Ленинграда, — двадцать целковых! — но ни один не согласился. Понять их было несложно: увязнет машина в заносах где-нибудь на середине трассы, и кукуй до скончания века…

Все, что удалось сделать Косте в то утро, — позвонить с поселкового почтамта и предупредить родных, что задерживается на неопределенное время в связи с метеоусловиями. При этом жив-здоров, беспокоиться не надо.

— Вот чешуя тресковая! — посетовал Николай

Петрович в адрес то ли небесной канцелярии, то ли незадачливого Киселева. — Что ж с тобой делать, живи покамест у меня.

Костя и сам ощущал неловкость из-за того, что нежданно-негаданно вторгся в неприкосновенное пространство тренера. Заикнулся насчет платы за постой, однако Клочков разразился такой боцманской бранью, что Киселев поспешил взять свои слова обратно и принести извинения.

День скоротали за разгребанием снега во дворе. Намело изрядно, к хозпостройкам было не подойти. Николай Петрович вооружил себя и напарника лопатами и обозначил фронт работ. Костя принялся за дело рьяно, решив, что труд — тоже неплохой способ расплатиться за пребывание под кровом Николая Петровича. Сам бы старик такой объем не осилил — куда ему!

Оно и верно — уже минут через десять, помахав лопатой, Клочков начал задыхаться. Костя поглядывал на него с жалостью и сочувствием. Еще год назад Петрович был о-го-го! Молодым фору давал, бегал с ними стометровки, отжимался, тягал гири и гантели. Но после инфаркта сдал, сердце не выдерживало прежних нагрузок. Клочкова это бесило, он не желал мириться с собственной слабостью, но и поделать ничего не мог. Возраст,

болезни — против них бессилен даже самый стойкий боец.

— Вы идите, отдохните, а я закончу, — посоветовал Киселев, которому разминка на воздухе была только в радость. Мышцы размял, продышался. На то он и спортсмен.

Клочков поупрямился, но осознал, насколько тщетны его потуги перебороть недуг, со злостью воткнул лопату в заметенную клумбу и ушел в дом. Там он не лег отдыхать, как рекомендовал Костя, а занялся приготовлением обеда — достал из закромов банку тушенки и сварганил макароны по-флотски. Звал Киселева прерваться на трапезу, но тот отказался — положил себе сначала закончить с расчисткой территории, а потом уже вкушать насущную пищу и предаваться отдыху.

Темнело, когда Костя выгреб за калитку последние снеговые комья и, довольный собой, пошел по внутреннему периметру ограды, чтобы проверить, все ли везде убрано.

Полминуты спустя он, ошалевший, с выпученными зенками, ворвался в дом и выпалил с порога:

— Николай Петрович, он там!

— Кто? — не понял Клочков, оторвавшись от газеты с телепрограммой, в которой фломастером

подчеркивал интересные передачи на ближайшую неделю.

— Всадник! В огне! По озеру скачет!

Лицо Клочкова побагровело. Он швырнул фломастер на стол и окатил своего питомца взором, полным возмущения.

— Что?! Насмехаться надо мной? Лангуст желторотый! Да я тебя…

Чего еще следовало ожидать? Сообщение Кости он воспринял как издевку, и немудрено. Вчера разоткровенничался, тайники души своей открыл. А циничный малек надумал поизгаляться над пожилым человеком, за дурачка его держит.

— Николай Петрович, честно! — Костя бил себя кулаком в грудь и показывал на окно. — Сами гляньте!

Клочков засопел, скомкал газету и подошел к окну. В синем сумраке виднелись белые пласты, лежавшие на берегах озерца, фонарики звезд в небе… и больше ничего.

Киселев забубнил растерянно:

— Но он был! Я видел! Совсем как на открытке, только живой…

Не поверил ему Клочков, надулся, как сыч. В тот вечер они не обменялись более ни словом. Молча поели и рано, еще девяти не было, разошлись по

своим углам — спать.

Чуть заря Киселев встал и, стараясь не производить лишнего шума, оделся. Николай Петрович тоже проснулся, в тишине наблюдал за ним. Когда Костя, обувшись и застегнувшись на все пуговицы, взялся за дверную ручку, Клочков пробурчал:

— Ежели автобусов опять не будет, приходи назад.

— Спасибо, — процедил Костя, не скрывая обиды. — Как-нибудь уеду. Вы все равно на меня злитесь, не хочу оставаться.

И вышел, породив у хозяина смятенные чувства. Много видел Петрович на долгом веку шутников, но этот парень на них не походил. Натолкнувшись на неверие, не стал с пеной у рта доказывать свою правоту, а напыжился и дал понять, что чересчур горд для споров и препирательств.

Клочков пожалел, что расстались так нехорошо. В конце концов, Костя — один из лучших на хоккейной площадке в составе «Авроры», да и по жизни за ним дурного не водилось. Комсомолец, общественник, активист, грамоты и благодарности имеет. У руководства на хорошем счету, в команде его уважают. Не стал бы он глупостями

заниматься, детсадовские розыгрыши учинять.

Поразмыслив, Николай Петрович облачился в енотовую парку (подарок друга-полярника, привезшего ее с Аляски) и вышел во двор. Обошел его весь, оценил качество Костиной работы. Выскоблено чуть не до гравия. Сразу видно: старался, вкалывал, не ленясь. И зачем бы он после этого стал в игры играть? Нет, не сходится одно с другим…

Еще более озадаченный, постоял Клочков у калитки, полюбовался неярким зимним солнцем. Все ждал, что воротится Киселев, скажет, что и сегодня автобусов нет. Но время шло — никто не приходил. Затем, подслеповато сощурясь, углядел Клочков на взгорке, через который проходила дорога, ведущая к трассе, маленькую белую букашку. Она ползла, буксуя в снегу, медленно, трудно, но все-таки двигалась. Это и был автобус, курсировавший между поселком и городом.

Стало быть, уехал Костя. Уехал оскорбленный. Клочков совсем уже засовестился, сердце опять закололо. Подумал, не вернуться ли в дом и не принять ли валокордина, но вместо этого направил стопы к озерцу, на котором будто бы гарцевал вчера огненный всадник.

Зачем пошел, и сам не понял. Не верил же, что

всадник этот действительно существует, может вот так запросто появиться из ниоткуда и предстать пред очами смертных. Ноги, однако, сами несли Николая Петровича к пологому откосу. Взошел на него, скатился на валенках к ледяной корке, покрывавшей озеро. Огляделся.

Снегопад прекратился около суток тому назад, и пушистый ковер, устилавший прозрачно-голубую поверхность, был уже порядком истоптан. Клочков наметанным глазом определил: здесь лиса пробежалась, там заяц проскочил. Ничего удивительного — поселок окружен чащобой, зверья в ней хоть отбавляй.

Люди тоже постарались: озерцо вдоль и поперек пересекали оттиски подошв, больших и маленьких. Дети забавлялись, скользили на подметках, как на коньках, взрослые шли степенно, по своим делам, благо зимние тропки через замерзшую воду позволяли сократить путь до дальнего конца поселка.

Но что это? Николай Петрович нагнулся и увидел среди пестроты человечьих и звериных следов отметины от лошадиных копыт.

Спутать их с другими было невозможно. Клочков, родившийся во времена, когда автомобили были еще в диковинку, прекрасно знал, как вы-

глядят отпечатки подков.

В поселке лошади имелись — и в коллективном пользовании, и в частном. Но вот что было необъяснимо: если бы по озеру прошествовал обыкновенный конь средней комплекции, не говоря уже о тяжеловозе, то он бы не только порошу примял, но и на льду трещинки оставил. Массивная животина, как ни крути. Но Клочков видел перед собой лед совершенно целехонький, без единой щербины, точно был этот конь почти невесомым, чуть тяжелее пуха.

Николай Петрович провел по удивительным следам пальцем, разогнулся, прошел вдоль них взад-вперед и выяснил, что начинались они ближе к середине озера и не доходя до берега обрывались.

Это уже ни в какие ворота не лезло! Конь словно с неба спустился, проскакал метров полтораста и исчез. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Противоречило всем законам физики и здравому смыслу.

Клочкову пришло на ум: не переговорить ли с соседями? Вдруг кто-нибудь из них, как и Костя Киселев, видел призрачного всадника? Но вовремя одумался. Решат, что дед совсем рассудок потерял. В лучшем случае на смех подымут, в

худшем — санитаров вызовут.

Погруженный в свои мысли, вернулся Николай Петрович в дом. Стряхнул налипшую на валенки снеговую мякоть, стянул парку. Прошел в комнату, извлек из-за елки открытку с огненным конником и с полчаса ее разглядывал, будто правду хотел выпытать. Но картинка оставалась картинкой — красивой, завораживающей и… неживой. Нарисованный на ней получеловек-полудемон, если и ведал о чем-то сакральном, то делиться своими познаниями не торопился.

— Нептун тя забодай… — проговорил вполголоса Клочков и с досадой задвинул открытку на место.

В тот вечер ему было не по себе. Впервые одиночество не казалось усладой, не баюкало, не успокаивало. Он ходил как неприкаянный по закоулкам своего большого дома и нигде, ни в чем не находил умиротворения. Ему хотелось, чтобы рядом появился кто-то еще, с кем он мог бы поговорить, поделиться страхами, которые внезапно растревожили его всегда отважную натуру. Но, будучи резким и прямолинейным, не склонным к лести, он не обзавелся в поселке приятелями настолько близкими, чтобы, не стыдясь, перед ними исповедоваться.

Полетел к чертям весь его режим. Обычно Клочков ел и спал по часам, а тут аппетит пропал, поэтому лег без ужина. Но не уснул, а лишь впал в болезненное забытье, в котором мерещились горящие рысаки со шлейфами огня и дыма вместо хвостов и рогатые верховые, которые трубили в охотничьи рожки, а после, отняв их от губ, дико гоготали…

Николай Петрович не знал, сколько времени провел в таком болезненном состоянии, как вдруг что-то выдернуло его из липкой дремы. Он пробудился в холодном поту и, к своему ужасу, услыхал звук трубы.

Да-да! То был медный гул, доносившийся с улицы сквозь стены и стекла.

Клочков сбросил одеяло и, неодетый, подбежал к окну, выходившему на озеро. Там его глазам предстало зрелище, от которого зашевелились редеющие волосы на голове.

По озеру скользил невиданный всадник. Нижняя часть лошади и ноги его были скрыты берегом, но и то, что предстало глазам старого моряка и тренера, производило необыкновенное впечатление. Одной рукой всадник сжимал узду, а другой держал мерцавшую металлическую трубу, которую не отнимал от губ и дул, дул в нее

с неистовой силой, производя те самые звуки, что разбудили Клочкова.

Но это бы еще ладно. Жутче всего было то, что плащ, наброшенный на плечи всадника, полыхал охристым пламенем, языки которого отбрасывало назад потоками воздуха. А конь! Конь под трубачом был еще диковиннее: черную морду его окутывал дым, а хвост горел, как и одеяние наездника.

Презрев мороз и ветер, Николай Петрович распахнул створки окна и высунулся наружу. В паузах между взревами трубы он ожидал услышать цоканье копыт по льду, но нет — конь будто не скакал, а скользил по ледовому настилу озера. Жаль, ограниченный обзор не позволял разглядеть ноги коня — Клочков был бы не прочь понять, как у него получается передвигаться так плавно и бесшумно. Летит он, что ли? Словно надули его, как воздушный шарик, и он легонько опускается на припорошенный лед, чтобы тотчас оттолкнуться и приподняться на несколько вершков…

Николай Петрович не выдержал и кинулся в прихожую. Кое-как напялил на себя парку — прямо поверх майки, в которой спал, — затолкал босые ноги в валенки и без шарфа, без шапки

выскочил на улицу.

Трубный глас все еще раздавался, но стал тише. Испугавшись, что всадник вот-вот пропадет, Клочков рванул изо всех сил через двор к калитке. Выбежал на улицу, обогнул усадьбу. От быстрого бега захватило дух, сердце в груди запрыгало, как сумасшедшее, сбиваясь с ритма, заколотилось в гортань. От этого сбилось дыхание, в горле запершило и напал трескучий, раздирающий глотку кашель. Николай Петрович вынужден был остановиться. Он привалился к забору, отдышался и уже шагом продолжил путь к озеру.

Труба затихла. Когда он вышел на берег, всадник уже скрылся из видимости, однако витал вокруг запах дыма. Николай Петрович спустился к кромке озера и в лунном сиянии распознал на снеговой скатерти свежие отметины от подков, такие же неглубокие, как и накануне.

Внутри у него захолодело. Выходит, все, что мать рассказывала ему, совсем еще несмышленому, правда? Всадник явился, проскакал, протрубил, дал понять, что готов исполнить любое желание… Осталось только озвучить. А может, и озвучивать не надо — пришелец из мира теней должен обладать разными магическими умениями. Например, считывать мысли и

улавливать душевные порывы.

Клочков, стоя на льду, невольно прислушался к себе. Какие у него сейчас мысли, какие чаяния? Чего бы ему хотелось больше всего на свете?

Пока размышлял, взгляд блуждал по замерзшему озеру и неожиданно наткнулся на две продольные полосы, шедшие параллельно отпечаткам лошадиных копыт. Вечером этих полос не было — Николай Петрович, обладавший острой наблюдательностью, дал бы руку на отсечение. Такие следы могли принадлежать большим санкам. Клочков подумал, что опять поселковая детвора баловалась, но что-то его насторожило.

Он пошел по следам. Вмятины от подков скоро кончились — они, как и давеча, не доходили до берега, обрывались ни с того ни с сего. Зато линии от полозьев тянулись дальше.

Клочков прошагал по ним до берега, противоположного тому, подле которого располагался его земельный надел. Ага! Линии, покинув пределы озера, взбирались по склону наверх. Поднялся и Клочков, отметив по дороге, что санки (если это были они) толкали в горку как минимум два человека — их следы тоже оттиснулись на снегу вполне четко.

Николай Петрович нахмурился. Ощущение

чуда постепенно размывалось, рассеивалось под давлением улик, свидетельствовавших о том, что к явлению огненного всадника причастны люди. Не сказочные, не бестелесные, а реальные — из плоти и крови.

А вот и они! Клочков приметил шевеление под сосной, росшей недалеко от озера, пошел туда, вновь едва не сорвавшись на бег, и застал врасплох трех хоккеистов своей команды: Киселева, Касаткина и Белоногова. Они были заняты разборкой некой конструкции и прозевали момент, когда он вышел из-за покрытых снеговыми сгустками кустов. Клочков даже успел разобрать две короткие реплики, которыми они обменялись.

— А если застукает?

Это, судя по голосу, произнес Белоногов. На что Костя Киселев ответил:

— Не застукает. Он так быстро не ходит, у него сердце слабое, ты же знаешь…

Тут и подошел Николай Петрович к заговорщикам (а как их иначе назвать?). Да как рявкнул:

— Это что тут творится, клотик вам в ухо? Кто вам позволил комедию ломать, каракатицы азорские?

И понес, и понес, громоздя ругательства, как тяжелые кирпичи, и выстраивая из них много-

этажное здание отборной матросской брани.

Хоккеисты притихли и слушали, не перебивая, с низко опущенными головами — сказать им в свою защиту было ровным счетом нечего. Николай Петрович застал их практически на месте преступления, задержал с поличным, как пишут в милицейских протоколах. Конструкция, которую они разбирали под сосной, представляла собой чучело коня, довольно-таки топорно и, видимо, наспех выпиленное из фанеры и покрашенное в темный цвет. Особая тщательность и не требовалась — ночью, издалека, в движении все равно не разглядишь деталей, сойдет и так.

Николай Петрович подметил, что морда фальшивого скакуна была сделана в виде длинного цилиндра из спаянных между собою жестяных кофейных банок. Он поднял цилиндр, заглянул внутрь. Оттуда пахло гарью. Перевернул, потряс — выпало несколько обугленных былинок. Ясно: напихали соломы и подожгли — отсюда и дым из лошадиных ноздрей, вернее, из дырок, пробитых в банках гвоздем.

Нижние конечности чучела — четыре жерди-ны — были приколочены к санкам. Белоногов и Касаткин занимались именно тем, что отрывали их клещами. Хвост — какая-то тряпка — почти

весь сгорел, от него тянуло бензином.

— Подготовились, стало быть, ламинарии маринованные… Устроили спектакль! Смешно, да? Обхохотались?

Гнев затопил разум, но и в таком состоянии от внимания Клочкова не укрылось, что двое из затейников одеты по-нормальному, а на третьем, Киселеве, не то роба, не то хламида, поверх которой накинут прожженный во многих местах матерчатый квадрат — тот самый плащ, так эффектно пылавший над озером, подобно яркому факелу.

Николай Петрович припомнил, что отец Киселева работает в пожарной охране. Эта хламида — позаимствованный изобретательным сынишкой асбестовый костюм, а для плаща сгодилась ненужная в хозяйстве накидка, политая, как и лошадиный хвост, бензином для пущей горючести.

Вот и все. Техника трюка оказалась нехитрой, Клочков проник в нее за считаные мгновения. Вон и труба в сторонке валяется. Похоже, пионерский горн откуда-то стащили. Киселев, значит, взгромоздился на чучело, а остальные двое, пригнувшись, чтобы их не видно было за береговым подъемом, протащили санки по озеру, заодно и отметин от подков понаставили. Артисты хрено-

вы, блесну им в зад…

Зачинщик, конечно же, Киселев. Услышал легенду о всаднике, придумал, как облапошить старого наставника, и еще со вчерашнего дня подготовил почву. И ведь как натурально врал! Николай Петрович даже корил себя за неверие… Оказывается, все это было лишь прелюдией к сегодняшнему фарсу.

У Белоногова есть «Запорожец», на нем и приехали. Машина стояла возле ничейной сараюхи метрах в ста от озера, Клочков ее тоже заметил. Что ж… Осталось установить мотивы. Он считал этих троих своими любимцами в «Авроре», а они отплатили ему черной неблагодарностью. Выставили на посмешище, сделали непосредственным участником дурацкой клоунады. Зачем? Что плохого он им сделал? Не зря говорят, что молодежь пошла жестокая, ничего святого…

Злые думы перекипали в голове Николая Петровича, обжигали, ранили. А трое шутов стояли перед ним, как обвиняемые перед судьей, и ждали, когда он позволит им вымолвить хоть слово.

Он позволил:

— Чего молчите, крысы трюмные? Совесть проснулась? Чепуха! Откуда у вас совесть?

Первым заговорил Киселев:

— Николай Петрович, мы не потехи ради…

— А ради чего?

— Помочь вам хотели. Вы же сами говорили: заветное желание… Я вчера отсюда, с почты, Леше позвонил, — Костя кивнул на Касаткина, — а он с другими пацанами из команды связался. В общем, скинулись мы вам на шифер, собирались на днях купить и привезти.

Клочков уперся в него недоверчивым взглядом.

— Что за чушь? Какой шифер?

— Для крыши. Она же течет…

— Допустим. А это для чего? — Николай Петрович пнул спаянные жестянки, они отлетели и зарылись в снег.

— Вы бы просто так от нас деньги не взяли, — молвил, осмелев, Касаткин. — И шифер тоже. Мы же вас знаем, вы гордый. А тут — рождественское чудо, поверье. Чего не бывает в Новый год, правда?

— А шифер мы бы потом потихоньку привезли и у вас под изгородью сложили, — дополнил вратарь Белоногов. — Вы бы ни в жизнь не догадались, откуда он.

Это звучало так нелепо и по-детски, что злость в расшатанном сердце Клочкова вдруг куда-то

испарилась. Он едва не расхохотался, через силу удержал на лице сердитое выражение.

— И вы думали, что я эту вашу выдумку проглочу, как пескарь червя дождевого? По-вашему, совсем из ума выжил?

— Но вы же верили во всадника! — выпалил Костя. — Когда мне про него говорили, я сразу понял: верили!

Хотел Николай Петрович отбрыкнуться, но слова застряли в горле. Прав этот малолетний хулиган. Если б не таилось в душе горчичное зерно веры, то не мучили бы сегодня ночью фантасмагорические сны, не побежал бы Клочков сломя голову к озеру, заслышав гудение трубы и увидев из окна горящего скомороха на фанерной кукле.

— Дурни вы… — только и сумел выговорить он — беззлобно, кисло, как бы для порядка.

— Вы нас простите, пожалуйста, — извинился за всех Касаткин, капитан «Авроры». — Затея бредовая, согласен. Но мы ничего другого не придумали.

Николай Петрович не знал, как вести себя с ними дальше. Отругать отругал, а что теперь? Не скажешь же: «Спокуха, ребята, проехали, расходимся по домам». Он еще не был на все сто уверен, что безумная история, рассказанная ими, — не

продолжение цирка. А ну как сидит где-нибудь за сугробом четвертый шутник и снимает все происходящее на кинокамеру. Вот смехота будет, когда смонтируют самые смачные фрагменты и запустят на квартире у того же Белоногова, который хвастался, что купил недавно кинопроектор «Волна», документалку про обалдуя-тренера! Даже без звука живот надорвешь: бежит доверчивый старец, весь расхристанный, ноги из снега, как лось выдергивает, а из-под расстегнутой куртки майка виднеется. Чарли Чаплин от зависти в гробу перевернется…

С другой стороны, если не соврали, костерить их не за что. Благородство проявили, милосердие. За такое не ругают.

А хоккеисты, когда Клочков умолк, по-быстрому завершили демонтаж лошадиной конструкции, и Белоногов с Касаткиным отнесли детали в «Запорожец». Киселев сбросил прогоревший плащ, стянул с себя асбестовый костюм, свернул рулоном. Под ним обнаружились свитер домашней вязки и ватные штаны с заплаткой на коленке.

Простецкий Костин вид и в особенности эта заплатка разжалобили Николая Петровича. Он предложил:

— Идемте ко мне. Намерзлись, наверное… Чаю

попьем.

Но Киселев отказался наотрез. Он и так был не в своей тарелке после неудачного представления. Топтался, смотрел в землю и думал, как бы поскорее скрыться от клочковских глаз.

— Мы поедем, Николай Петрович. Женьке надо до рассвета в Ленинград попасть, отец у него на завтра машину просил.

Белоногов и Касаткин поддержали его. Наскоро и скомканно попрощались, заверили, что подобные шалости больше не повторятся, погрузились в ушастого и уехали.

Клочков медленно побрел к дому. Только сейчас он почувствовал, как прохватывает январский холод. Мерзли руки без перчаток и ноги в трениках, щеки тоже неприятно пощипывало.

Добравшись до усадьбы и окунувшись в тепло натопленных с вечера комнат, Николай Петрович еще долго не мог согреться, дрожал и кутался в одеяло. Заварил себе чаю, плеснул в него граммов пятьдесят коньяку, бутылка которого стояла в буфете уже лет пять, с той самой поры, когда он принял решение вести сугубо трезвый образ жизни.

Чай и спиртное подействовали — согрелся, но так и не сумел в ту ночь заснуть. В итоге про-

лежал в постели половину следующего дня и встал разбитым. Тело терзала ломота, точно он много часов кряду таскал мешки с цементом. Вдобавок болела голова и знобило. Не исключено, что ночная прогулка в неподходящем облачении обернется для него простудой. Некстати это будет, ох, некстати… Еще и сердце щемит.

Перекусив бутербродом с маслом и докторской колбасой (жевал механически, не улавливая ни вкуса, ни запаха), Клочков заставил себя одеться и выйти на улицу. Надеялся, что свежий воздух взбодрит, поможет продышаться и хотя бы головную боль прогнать. Походил по двору, вышел за калитку и замер, пораженный увиденным.

С наружной стороны забора лежали сложенные один на один листы шифера. Их было столько, что хватило бы и крышу дома перекрыть и в придачу летнюю кухню вместе с дровяником. Николай Петрович протянул руку, приподнял верхний лист. Шифер новый, любо-дорого посмотреть.

«Вот стервецы!» — подумал он про своих хоккейных подопечных. Заговорили вчера зубы, а сами умудрились смотаться в город, под утро вернуться и привезти обещанный подарок. Ловкачи, одним словом. Вот только не надо ему подарков, тем более когда все уже раскрылось. Правильно

судили: он гордый, подношений не возьмет. Так что зря старались.

Клочков вернулся в дом, поддел под парку толстый жилет, под брюки — шерстяные подштанники. Утеплился, как мог, ибо идти предстояло на другой конец поселка. Ноги несли еле-еле, сердце все так же сжималось, кололо и сбивалось с ритма. Ни валидол под язык, ни прочие проверенные средства не приносили облегчения. Николай Петрович шел, пошатываясь, и боялся, что где-нибудь на половине дороги упадет и не поднимется.

Встретил возле поселкового магазинчика знакомую фельдшерицу. Увидев его землистое лицо, она всполошилась, стала уговаривать немедленно вернуться домой и лечь, а еще лучше пойти с нею в медпункт и сделать кардиограмму. Он отказался, махнул рукой: да ну! Все в порядке, минутная слабость, пройдет.

Добравшись до почтамта, заказал переговоры с Ленинградом, дал домашний номер Киселева. Переговорных кабинок, как в городе, здесь не было, единственный аппарат стоял на стойке, под рукой у почтальонши. Она покрутила диск, минут пять, если не дольше, ждала соединения, затем протянула трубку Клочкову:

— Говорите.

В ухо Николаю Петровичу мелко, как песок, посыпался треск телефонного эфира.

— Костя! Ты? Слышишь меня? — прокричал Клочков зычным голосом, превозмогая слабость.

— Я… — донеслось откуда-то издали. И далее, с перебоями: — Что …чилось?

— Ничего. Забирайте ваш шифер, не приму. Я, слава богу, не нищий, чтобы подачками перебиваться.

Грубо высказался, но уж как получилось. Не любил вилять и ходить вокруг да около.

Киселев на том конце провода на секунду умолк. После чего протолкнул через шум и треск короткую фразу:

— Какой шифер?

— Да ладно тебе, тюлень чукотский, не прикидывайся! — Николай Петрович завелся, забыл про недомогание. — И как только спроворились привезти, конспираторы? Я не слышал…

— Но мы ничего не привозили! Утром до города доехали и больше никуда… Чес… слов…

Клочков набрал в грудь воздуха, чтобы со шкиперским своим прямодушием заклеймить вруна, но подумал, что делает это за последние сутки уже в третий раз. Пожалуй, многовато будет.

И ведь истинно: когда бы эти шалопаи успели воротиться в поселок с шифером и выгрузить его у забора? И главное, на чем они приехали? Белоноговского «Запорожца» для такой задачи маловато, целый грузовик нужен. А к нему еще бригаду рабочих.

— Мы и не купили нич… — продолжил Костя, но не договорил, их разъединили.

Николай Петрович попросил перезвонить, почтальонша попыталась, но безрезультатно.

— Поломка на линии, — пояснила она. — У нас это часто.

Клочков за годы пребывания в поселке свыкся с тем, что поломки на телефонной линии — дело нередкое. Заплатил за звонок и похромал обратно к дому. В голове роем вились вопросы. Кто и как привез этот злополучный шифер? Коли не Киселев с компанией, то кому это еще понадобилось?

Пока дошел до усадьбы, взмок, словно под ливнем побывал. К черту, надо ехать в Ленинград и ложиться в больницу. Пусть посмотрят, что да как, прокапают, витаминами накормят или что там еще у эскулапов припасено на такой случай…

Шифер, как и прежде, лежал у забора. Клочков присмотрелся к снегу, и опять, как вчера, не свой-

ственный ему страх колючим ежом заворочался в грудной клетке.

Возле сложенных листов не видно было никаких следов, кроме его собственных. Это не вязалось ни с чем на свете. Кто бы ни привез ценный груз к усадьбе, он не мог быть бесплотным. В любом случае наследил бы и обувкой, и колесами машины. Но нет! Снег был чист и никем посторонним не тронут. Единственный возможный вариант — прилететь на вертолете и опустить поклажу на веревках. Но поверить в такое еще труднее, чем в колдовские чары. К тому же вертолетный клекот не пропустишь — он и мертвого разбудит…

Никогда еще Николай Петрович Клочков со своим несгибаемым нравом не был охвачен такой растерянностью. Держался, покачиваясь, за калитку и не смел войти в дом, в котором раньше жил спокойно и безмятежно. Родовая крепость перестала казаться надежной, мнилось, что она населена привидениями, таящимися по углам.

Обдумав положение, он двинулся к соседнему дому, где жил местный агротехник Лыков. Усадьба Клочкова стояла на отшибе, и понятие «соседний дом» было весьма относительным — топать до него пришлось с четверть часа.

Лыков колол дрова. Мускулистый, не старый еще мужик без натуги взмахивал топором, и березовые поленья разлетались в стороны, стукаясь о ступеньки крыльца, скамью и стволы росших во дворе вишен.

Клочкова Лыков уважал и поприветствовал его почтительно. Пожал руку, спросил, как дела, как здоровье. Николай Петрович не стал плакаться в жилетку и расписывать свои болячки — не для того пришел. Ответил лаконично, что дела идут более-менее, а здоровье… В почтенном возрасте оно не бывает идеальным, но пока что, хвала небесам, все не так скверно.

Перешел к главному. Спросил, не видел ли Лыков сегодня в первой половине дня кого-нибудь стороннего в поселке. Может, машина грузовая приезжала или там фура. Про вертолет спрашивать не стал — это было уже за гранью реальности.

Лыков подумал и сказал, что видел только фургон, который привозил продукты в сельмаг. Ну и почтовую машину. А еще рейсовый автобус.

— Нет, не то… — Клочков отмахнулся. — А возле усадьбы моей никто не ходил?

— Я в ту сторону не глядел, — признался Лыков и показал на разбросанные поленья. — Дровами

с утра занимаюсь. — Он забеспокоился: — А что? Воры к вам залезли? Украли что-нибудь?

Кражи в поселке были явлением обыденным. До открытых грабежей, правда, не доходило, но стоило хозяевам отлучиться куда-нибудь и оставить дом без присмотра, как воришки моментально брали его на заметку. Случалось так, что приехавшие после отлучки владельцы заставали дверь взломанной, а свое имущество изрядно поредевшим.

— Нет. Наоборот… — Николай Петрович осекся, не решился сказать про свалившийся невесть откуда шифер. Перевел на другое: — А вчера вечером на озере видел чего?

На этот вопрос Лыков ответил утвердительно. Видел какой-то огонь и слышал дудение. Впрочем, его дом стоял достаточно далеко от озера, отсюда не было такого обзора, как из окон клочковской дачи. Звуки долетали слабо, поэтому Лыков не придал им значения. Каникулы же. Пацанва балуется, бенгальские огни жжет, шумит — так каждый год бывает. Нет резона бегать и проверять, кто там озорует. Не дом же горел и не хлев…

Николай Петрович не спорил. Он все больше укреплялся во мнении, что в этой из ряда вон

выходящей истории куда ни двинься — везде попадешь в тупик. Ни единого достоверного свидетельства, слова или факта, за которые можно было бы поручиться. Не отличишь ложь от правды и вымысел от действительности. В таких случаях мать говаривала: леший дразнится. Но леший — он в лесу. А кто и для чего дразнит Клочкова в его наследных стенах, поди разбери.

Николай Петрович прекратил расспросы, попрощался с Лыковым и пошел к себе. Сосед напоследок дал ему тот же совет, что и фельдшерица: сходить к врачу, провериться.

— Видок у вас неважнецкий, не обессудьте, — вымолвил Лыков участливо. — Подлечиться не помешает.

Однако Клочковым, хоть он и сам каких-то полчаса назад строил аналогичные планы, овладела вдруг клейкая, отупляющая апатия. В больницу? Да… наверное… когда-нибудь потом, попозже. Это ж надо в город ехать, трястись в автобусе, очередь к врачу высиживать. Еще и направлений ворох выпишут, по всяким рентген-кабинетам загоняют. Суета сует…

Он вошел в дом и, не раздеваясь, без сил рухнул в кресло. Вперился в открытку с огненным всадником, краешек которой выглядывал из-за елки.

Ошибся ты, братец, мысленно обратился Клочков к объятому пламенем трубачу. Это наивный Костя Киселев сотоварищи мог подумать, что желание отремонтировать крышу — самое что ни на есть заветное. Не-ет… Шифер не сделает человека счастливым, как и другие материальные блага. Жить, когда с потолка не каплет, конечно, приятно, но не об этом сейчас мечтается утомленному и больному старику.

А о чем же?

Николай Петрович пошевелился в кресле. Суставы ломило все сильнее, руки и ноги наливались свинцом.

Отдохнуть! Вот оно — самое заветное на сегодняшний день! Жил он не сказать чтоб длинно, но так насыщенно, что год следует считать за два. Заслужил отдых. Теперь уверенность в этом стала отчетливой, неколебимой.

Бросить все и уйти на пенсию. Он уже не в силах зажечь «Аврору», пробудить в ней второе дыхание. А держаться за тренерский пост, чтобы команда кое-как болталась на плаву и шла у всех в кильватере, — увольте. Он сделал для нее все, что мог, пусть пробуют другие, те, кто помоложе. У того же Касаткина есть опыт работы с дублем, может и с основой попробовать. Да, зелен еще для

тренера, но подыскать ему опытных помощников, создать совет, где все решения принимались бы сообща… А Касаткин будет и руководить, и играть, такое допускается. Настанет время, повесит коньки на гвоздь и станет полноценным руководителем, вдохновителем, воспитателем и прочая и прочая. Воли у него в достатке, ума тоже, справится.

— А мне — на покой, — проговорил Николай Петрович вслух, с усилием выдернул отяжелевшее тело из кресла и шагнул к рождественской елке.

Достал открытку с всадником, посмотрел на нее без прежнего пиетета, бесстрастно и равнодушно. Она как-то разом потеряла для него свою мистическую притягательность. Это был просто кусок пожелтевшей картонки с рисунком, рассчитанным на впечатлительных детишек. Совсем не обязательно было хранить его столько лет и относиться как к священному амулету. Виною всему — тоска по детству. Но детство ушло навсегда, с этим следует примириться.

Клочков взялся пальцами за края открытки, сделал резкое движение и разорвал ее пополам. Еще раз и еще. В печи теплились угли (протопил днем, пока обедал). Он кинул на них обрывки, по-

дул в зев топки, чтобы расшевелить дремавшие искры. Они взвились крошечными красными светлячками, плавно осыпались и зажгли то, что осталось от картинки с всадником.

Николай Петрович стоял перед печью, смотрел на маленький лепесток огня. Там, в горячей золе, сгорали его надежды, которыми он жил шестьдесят с лишним лет, сгорала вера в добрую сказку, в мифы и предания о всемогущих магах, которые однажды приходят, чтобы сделать за человека то, что сам он не способен. Но вместе с тем, избавляясь от иллюзий, он ощущал облегчение. Никто и никогда больше не ввергнет его в суеверный трепет, не заставит сердце сжиматься от ужаса.

Обрывки догорели. Николаю Петровичу стало жарко. Он хотел снять верхнюю одежду, но атмосфера в комнате показалась ему душной, и он снова вышел на улицу, на свежий воздух. У него как будто прибавилось сил, уже не шатало, он шел твердо, мысли прояснились.

Он толкнул калитку, вышел со двора. Место у забора, где он совсем недавно видел гору шифера, оказалось пустым — словно ничего не было. И опять-таки — ни человечьего следа, ни колеи от автомобильных колес.

Клочков не удивился. Разумеется, все это ему

пригрезилось. Видно, все же приболел, поднялась температура, а когда она высокая, еще и не такое привидится… Ничего, сейчас он немного пройдется, а после выпьет чаю с малиной, уснет, и к утру все как рукой снимет. Организм у него не настолько изношен, чтобы не совладать с пустячной простудой.

Николай Петрович неспешно обошел усадьбу, остановился перед озером.

Вечерело. Мороз ослаб, уже не кусал щеки. Наоборот, Клочкова донимал жар, хотелось даже скинуть парку, стащить свитер и остаться в одной рубашке, подставившись под несильный ленивый ветерок, дувший с запада.

Пока он раздумывал, не поступить ли так в самом деле, откуда-то сбоку зазвучала труба. То не был звук горна, как вчера, когда шалили Киселев с дружками. Труба не гудела надсадно, а издавала что-то протяжно-переливчатое, светлое, рвавшееся к темнеющим высям.

Ноги понесли Клочкова на берег. Он взобрался на возвышение и увидел с него, как по льду скользит конь с пылающим хвостом, а на коне сидит всадник в плаще, состоящем из огненных протуберанцев. В руке у всадника та самая труба, она поет, и нет ничего слаще ее пения.

На сей раз все было без обмана. И всадник настоящий, и конь, который фыркал и похрапывал, выпуская из ноздрей сизый дым. Копыта легонько постукивали о лед, не ломая его и едва ли царапая. Волшебная сила несла двух призрачных созданий вперед. На Клочкова они не смотрели, но он явственно почувствовал свою неразрывную с ними связь. Почувствовал, и в тот же миг сердце его, без того плавившееся от жара, вспыхнуло за решеткой ребер, занялось ярчайшим пламенем, подобно смолистой ветке, прыгнуло кверху и разлетелось на мириады обжигающих частиц.

И наступил долгожданный покой.